новый

Российский писатель

Электронный литературно-художественный альманах прозы и поэзии

№ 3/2023

Вначале было слово!

Союз российских писателей

Электронный литературно-художественный альманах прозы и поэзии
Основан в 2022 году

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александр МИШЕНКОВ -
член Союза российских писателей

Николай АЛЕШКОВ -
член Союза российских писателей

Владимир ПЛОТНИКОВ –
член Союза писателей России

Вячеслав ХАРИТОНОВ -
член Союза писателей России

Ирина ЕВДОКИМОВА –
ответственный секретарь

Рукописи принимаются документом
Word (шрифт – Times New Roman,
кегль 14, межстрочный интервал – 1)
на e-mail: ag.mishenkov@gmail.com
Файл называть своей фамилией,
в начале текста – краткие сведения об авторе,
электронный адрес, фото автора.
Решение о публикации принимается
редакционным советом альманаха.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО!

Уважаемые авторы и читатели! Главной причиной создания нашего альманаха стало, прежде всего, желание помочь как начинающим, так и маститым талантливым поэтам и прозаикам, независимо от их причастности к творческим союзам, публиковать свои произведения. Сейчас многие журналы и периодические издания, чтобы остаться на плаву, переходят на коммерческие рельсы и за каждую страницу литературного текста авторам приходиться платить. Наш альманах потому и задуман в электронном варианте, что совершенно безвозмездно дает литераторам возможность доносить свое творчество до широкой аудитории любителей русской словесности. Надеемся, что вместе с вами мы сделаем наш альманах «Новый российский писатель» интересным, полезным и востребованным.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора. Вначале было слово ……3
Друзья альманаха
Сергей МУРАВЬЕВ. *Командировки на войну*……..5
Нина ТРУБКИНА. *Стихи*……24
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. *Как я стал детским писателем* …….37
Николай АЛЕШКОВ. *По дороге в Болдино*……43
Представляем писателей Бобруйска
Юлия АГРАНОВИЧ. *Стихи* ……...59
Татьяна ПОТАПОВИЧ. *Стихи. Рассказ*……65
Эмма КОВАЛЕВИЧ. *Стихи* ……74
Владимир ЛЕОНТЬЕВ. *Стихи*……77
Александра ЛЕСКОВЕЦ. *Стихи*……83
Вера ДУДКО. *Стихи*……89
Раиса БАГУК. Стихи……96
Любовь ХИХИЧЬ. *Стихи*……...101
Крымская кают-компания
Вячеслав КИЛЕСА. *Дачная история*……108
Ирина ЛИТОВЧЕНКО (псевдоним Звягина). *Кукушка*……...115
Людмила КУЛИК-КУРАКОВА. *На крейсер «Москва» по канату*……118
Елена ДАНИЛОВА. *Стихи*……128
Литературный город России – Сызрань
Вячеслав ХАРИТОНОВ. *Стихи*……137
Олег КОРНИЕНКО. *Тульский пряник*……...145
Валентина ЮДИНА. *Стихи*……...147
Валерий ТИМОФЕЕВ. *Рассказы бабушки Антонины*……153
Олег ПОРТНЯГИН. *Стихи*……156
Александр МИШЕНКОВ. *Наряд вне очереди*……..167
Надежда ГОРОДБИНА. *Стихи*……..170
Гостевая пристань
Вадим БАКУЛИН. *Стихи*……..176
Дмитрий АНИКИН. *Стихи*……184
Галина ЗОБНИНА. Стихи……..192
Анна ЗАБАРАУСКАС. *Стихи*…….. 201
Владимир ВАРЛАМОВ. *Пародии*……205
Сергей БЕЛАЯР. *Сокращение штата. Отец. (фантастика)*……....217
Владимир ПЛОТНИКОВ. *Самая короткая драма*……..229
Вячеслав КОВАЛЬКОВ. *Пляжный сопромат*……242

.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МУРАВЬЕВ
Ярославль

Родился в 1966 году в Ярославле. Окончив историко-филологический факультет Ярославского педагогического института, преподавал историю, обществоведение и основы права в сельской школе. В начале 90-х годов связал свою судьбу с тележурналистикой: работал корреспондентом, телеоператором, редактором ВГТРК «Ярославия», создал несколько документальных фильмов. На счету Муравьева около 30 командировок в «горячие точки» Северного Кавказа (последняя командировка в Чечню состоялась в 2002 году), более 500 телесюжетов о ярославской истории, увиденных ярославскими зрителями, множество статей по военной тематике, опубликованных в местной и республиканской прессе. Пишет стихи, тексты песен, прозу, ведет рубрику «Я – история» на Ярославском городском телеканале. Член Литературного сообщества писателей России. Живет в Ярославле.

КОМАНДИРОВКИ НА ВОЙНУ. 1993-2002
(Фрагменты будущей книги)

КУЛИКОВО ПОЛЕ

...Восемь месяцев воюет Северный Кавказ. Это официально, а в реальности нескончаемая кровавая вакханалия длится вот уже без малого четыре года. И конца не видно. Зимний ельцинский «блицкриг» не удался, и теперь российская армия вынуждена расхлебывать последствия политических амбиций враждующих сторон.

Август 1995 года. Группа бойцов ярославского отряда милиции особого назначения, среди которых нахожусь и я, корреспондент ярославской областной телерадиокомпании, трясется на ухабах, сидя в кузове старого военного «Урала», мчащегося по территории Осетии. Тент над нашими головами – что сито, весь в дырах от осколков и пуль. Похоже, этот транспорт уже не единожды побывал в переделках.

Границу с Чечней пересекаем благополучно. Солдаты на блок-посту, провожая нас в Ичкерию, поднимают сжатые кулаки: «Удачи вам, менты!». По обеим сторонам дороги пошла «зелёнка». Ребята напряглись, место у заднего борта занял пулеметчик. Моя фантазия рисует притаившихся в густом кустарнике бородатых ваххабитов, прямо сейчас целящихся в наш «Урал» из автоматов и гранатометов. Согласно инструкции, водитель давит на педаль газа, пытаясь разогнаться настолько, насколько это возможно по разбитой грунтовке. Пылища страшная. Впечатление такое, что мы попали в цементное облако.

- Возьми, корреспондент, – прапорщик протягивает мне лоскут белой материи и фляжку с водой, – намочи и повяжи на лицо, иначе задохнешься.

Я перевожу взгляд на оружие моих земляков – отверстия автоматных стволов заткнуты картонными гильзами от ракетниц, снайперские винтовки укутаны подобно младенцам. Сразу видно: парни знали, куда едут. Для большинства из них это уже не первая командировка на войну, а опыт, как говорится, не пропьешь. Уже через минуту береты и камуфляжи ребят покрываются слоем серой пыли. Мысленно благодарю прапорщика: вовремя помог мне адаптироваться к обстановке.

- Тебе хоть пистолет-то дали? – громко спрашивает он. И, показывая глазами на видеокамеру, которую я пытаюсь спрятать от пыли под полами кожаной куртки, продолжает иронически:

- Или только вот этот аппарат?

Я похлопываю по кожуху «Панасоника»: мол, вот мое единственное оружие.

- Ты с этой своей бандурой осторожней на позициях, – советует сержант с СВД на коленях, – у «чехов» снайперы не хуже наших. Оптика блеснет – и кирдык...

Этот лаконичный совет я запомню на всю жизнь. Не раз он поможет мне в последующих командировках на Кавказ.

- Похоже, Ассиновская! – кричит один из омоновцев, наблюдающий за дорогой сквозь отверстия в тенте.

Об этой казачьей станице я уже имею некоторое предварительное представление – офицеры в Моздоке рассказывали. Понятное дело, раз селение русское, значит, несладко приходится тут сейчас местным жителям.

Чуть позже мне предстоит познакомиться с копией письма, направленного в прошлом году потомками терских казаков на имя Президента Ельцина. Письмо полностью подтвердит всё услышанное мною в Моздоке: люди не просили, а прямо-таки молили главу государства о помощи, приводя факты массовых грабежей, похищений и убийств, совершенных боевиками.

И началось это не в девяносто четвертом. Впервые свою ненависть сепаратисты
выплеснули еще в 1992-м, когда учинили погром в приходской Никольской церкви, когда расстреляли из автоматов православные иконы и прямо у алтаря жестоко надругались над священником.

Сейчас станица вроде бы под контролем федералов, а в Грозном идут переговоры о перемирии, но партизанская война тем и страшна, что враг появляется неожиданно и ниоткуда, а потом исчезает в никуда. Абрекам с гор ни Масхадов, ни Дудаев не указ, а уж тем более наш генерал Романов. Тут свои законы, свои лидеры. Судя по ежедневным сводкам, «вахи» умело пользуются паузой в активных боевых действиях, ощутимо покусывая небольшими бандитскими группами наши армейские

подразделения. Наши, разумеется, отвечают адекватно. И создается впечатление, что политические игры с замирениями предназначены только для правозащитников и ОБСЕ, для журналистов и предстоящих выборов...

- Разгружаемся, прибыли! Куликово поле! – кричит прапорщик.

Перед нами – широкое пространство, заполненное военное техникой, ногоместными палатками цвета хаки и вагончиками, закрытыми маскировочными сетками. Караульные грибки напомнили мне срочную службу в советской армии. Оказывается, мы прибыли на место дислокации фронтовой части элитной дивизии особого назначения внутренних войск (ДОН).

Я тут, в своей кожанке и джинсах, как бельмо на глазу. Часовые у шлагбаума смотрят недоверчиво, да и мне самому как-то неуютно в «гражданке» среди многоцветья камуфляжек и армейских хэбэшек.

- Этот с нами, – повторяет через каждые десять метров полковник Даниловский, обращаясь к суровым вооруженным парням в касках и бронежилетах. И напоминает мне:

- Серёга, когда займем палатку, Бога ради, не высовывайся, пока я не решу вопрос о твоем пребывании в этом месте. Видишь, тут всё по взрослому...

Откуда-то издалека ветер доносит грохот артиллерии, разбавленный резкими, лающими пулеметными очередями.

- Соседи по Бамуту работают, – комментирует сопровождающий нас офицер. – А мы под утро «Градами» шарахнем.

- Скажите, товарищ капитан, почему эта местность называется «Куликовым полем»? – задаю я давно уже сидящий в моей голове вопрос.

Вместе с вопросом в той же голове сам собою рисуется хрестоматийный образ русского витязя со щитом и мечом, сидящего верхом на коне и зорко смотрящего вдаль из-под кольчужной рукавицы.

Капитан, словно прочитав мои мысли, улыбается.

- Это в честь нашего командующего Анатолия Сергеевича Куликова, нынешнего главы МВД. Он тут, на Кавказе, с первых дней, еще со времен осетино-ингушской резни. Серьезный мужик, уважаемый, мало таких осталось...

Окружающий военный антураж вызывает у меня творческий зуд, я начинаю снимать бытовые сценки. Вот боец, совсем еще мальчишка, гладит приблудившегося щенка, вот сотрудник ОМОН (как потом оказалось, из Новосибирска), сидя на пне, щелчками загоняет патроны в магазин своего «калаша», вот два паренька в камуфляжах, обливаясь потом, тащат бревно...

Если бы не гул канонады и барражирующие над головой «вертушки», все эти сюжеты выглядели бы как обычные картинки армейской жизни.

С дальнего края Куликова поля громко заработал пулемет. Вопросительно смотрю на капитана.

- А-а, – машет он рукой, – наверное, какое-то движение в «зелёнке» засекли, вот и лупят... Привыкнешь. Только далеко не отходи от своих.

Почему я, дурак, его не послушался? Не отрывая взгляда от видоискателя камеры, через несколько минут я умудряюсь забрести на территорию расположения ДОНцов. Виноват всё тот же творческий зуд: уж больно живописно стоит неподалеку БТР с греющимся на его броне под солнцем механиком-водителем.

Увидев направленный в его сторону объектив, водитель начинает улыбаться и махать мне рукой. Прекрасный кадр... Но именно в этот момент кто-то крепко стискивает мое плечо.

- Это еще что такое!?

Оборачиваюсь. Передо мной стоят два вооруженных автоматами бойца. Красные повязки на рукавах, удивленные лица.

- Корреспондент. Из Ярославля! – с достоинством отвечаю я.

- Какой нахрен корреспондент?

Парни настроены решительно. Я невольно бросаю взгляд на черные стволы, направленные в мою сторону. Достаю из кармана паспорт и командировочное удостоверение.

- Гражданский? – брови у вояк ползут вверх. Неужели по одежке не видно, что перед ними человек из другого племени?

- Кто разрешил снимать?

- Я журналист!

Я так гордо вскидываю подбородок, как будто после этих моих слов бойцы непременно должны обрадоваться визиту столь долгожданного гостя.

Увы. Один забирает у меня «Панасоник», другой, показывая автоматным стволом направление, командует:

- Вперед, и без фокусов. В штабе разберутся...

Мы втроем быстрым шагом идем по расположению дивизии, между палаток, минуя калитки в проволочных заграждениях и караульных под «грибками». Мои конвоиры обмениваются с караульными паролем. С удивлением замечаю за собой, что с первого же шага я как-то автоматически завел руки за спину, хотя никогда в жизни не «сидел» и не «привлекался».

Откуда этот необъяснимый жест?

- Стоять!

Я послушно замираю. Впереди – военно-полевое сооружение, представляющее собой четыре деревянных столба с натянутой поверх них маскировочной сеткой. Это и есть штаб дивизии. В центре – стол, сколоченный из обструганных досок, вокруг которого стоят несколько

офицеров, изучающих полотно разложенной карты. Один из моих сопровождающих убегает докладывать о задержании подозрительного субъекта.

- И что теперь? – спрашиваю второго.

- Расстреляют! – по-доброму шутит боец. Но мне совсем не до смеха.

- Давай его сюда! – кричит из штаба майор, и через несколько секунд я достаиваюсь встречи с самим командиром дивизии особого назначения. Генерал уже листает мой паспорт.

- Ярославль? Бывал. Красивый город... так, телевидение... а где аккредитация? Как вы оказались в расположении боевой части?

Начинаю объяснять. Мол, приехал с разрешения ярославского областного управления внутренних дел, снимаю сюжеты для региональной телекомпании. Говорю, что всяческая негативщина и разные там несоблюдения прав человека меня не интересуют, а интересует только служба земляков, чтобы их родные увидели...

- Родные – это хорошо... пусть особый отдел проверяет, – с этими словами генерал передает мои документы майору. Я покрываюсь холодным потом, и в этот самый момент вижу, что со стороны расположения ярославского ОМОНа бежит наш полковник Даниловский. Строевым шагом подходит к комдиву, представляется.

- Так, полковник, – строго произносит генерал, – что за самодеятельность? Почему мне не доложили, что в составе отряда милиции присутствует гражданское лицо? Свои же могли подстрелить! Бродит по позициям, снимает наших солдат, офицеров, технику... У него на лбу не написано, кто он и откуда.

Комдив еще много чего сказал тогда Николаю Владимировичу, но лучше это оставить, как говорят телевизионщики, за кадром. Выпустив пар, грозный командир сменил гнев на милость.

- Ладно, полковник, не отправлять же его назад, да и возможности такой нет. Пусть снимает, но под твою ответственность. И еще: переоденьте парня, чтобы в глаза не бросался. Не ровен час, примут за лазутчика....

- Товарищ генерал! – набрался я храбрости, – расскажите об остановке.

Комдив опешил и улыбнулся.

- Ну и наглец... Хорошо, у тебя пять минут.

Как все высшие офицеры, облеченные властью и периодически общающиеся с журналистами, генерал отвечает четко, лаконично, но без какой бы то ни было конкретики: да, выполняем задачи по разоружению и сдерживанию андформирований в период переговорного процесса. Да, обстановка сложная. Непримиримые продолжают терроризировать население, закрепились в Бамуте, откуда мы их пытаемся выкурить. А тут еще украинские националисты из УНА-УНСО недалеко объявились. Да,

считаю переговоры затягиванием операции по наведению конституционного порядка в Чечне...

В нашей палатке меня экипировал весь личный состав ярославского ОМОНа. Кто-то принес свою «афганку» 80-х годов, кто-то – ботинки с высокими берцами, кто-то – потертый ремень. В результате совместных усилий я стал отдаленно напоминать махновца времен гражданской войны или, в лучшем случае, вышедшего из окружения бойца неизвестного рода войск. Особый восторг вызвала у меня черная «разгрузка» с множеством отделений, в которых удобно разместились запасные аккумуляторы к видеокамере, шнуры, микрофон, блокнот с ручкой, сигареты и другая необходимая мелочь. Я почувствовал себя в полной безопасности, готовым к любым репортерским неожиданностям.

...Живем на Куликовом поле вот уже две недели. Ежедневно выезжаем на блок-посты и в совместные с армейцами рейды в окрестностях Сунженского и Ачхой-Мартановского районов. Я более-менее начал разбираться в обстановке, которая диаметрально противоположна той, о которой бойко докладывают в федеральных СМИ. Несмотря на работу согласительной комиссии в Грозном и, якобы, временное прекращение огня, передний край дивизии постоянно подвергается обстрелам боевиков. Те бьют из всего, что стреляет. И федералы в долгу не остаются.

Именно во время такого «перемирия» пулей снайпера был убит минометчик ДОНа Олег Матюгин.

Однополчане водрузили на бруствере окопа самодельный обелиск: «Пусть сволочи видят, что мы помним Олега, и отомстим!».

В бинокль с «передка» можно рассмотреть оборонительные укрепления Бамута со знаменитой высотой «три четверки». Бамут удерживает многочисленная группировка «дудаевцев», засевших в подземных бункерах бывшей базы ракетных войск стратегического назначения. Уже несколько раз пытались их выкурить, но безрезультатно: не берут качественный советский бетон ни артиллерия, ни «Грады». И все-таки Бамут будет взят, правда, год спустя.

Солнце еще цепляется за горные вершины, но силы дневного светила уже на исходе. Ночь на Кавказе наступает быстро. Десять минут назад я читал свои записи на улице, а теперь вот вынужден сидеть в палатке и подсвечивать фонариком.

- Строиться!

Командир части, застегнутый на все пуговицы, заложив руки за спину, прохаживается вдоль строя.

- Итак, бойцы. Завтра – операция по разоружению населенного пункта... Возможен огневой контакт с боевиками. Сколько проведем времени вне своего расположения – неизвестно, поэтому приказываю взять по две-три банки тушенки...

- Товарищ полковник, – подает голос Ваня Бровкин (имя и фамилия настоящие; как говорится, нарочно не придумаешь), – у нас только консервы остались, рыба с овсянкой...

- Берите, что есть. Жрать захочется, слопаете за милую душу. Если завязнем, будет полевая кухня. И еще: операция секретная. Ни слова даже солдатам из дивизии. Если всем всё понятно, – разойдись.

Ужин! На войне это не просто процесс поглощения пищи. Это целое действо, имеющее свои традиции и, если хотите, свой этикет. За столом все равны, остается только уважительное: товарищ полковник, товарищ капитан, товарищ прапорщик.

В эмалированные кружки плеснули водки. Совсем чуть-чуть, для аппетита. Не верьте тем, кто говорит, что на войне ни-ни... врут. Употребляли «беленькую» всегда: и при царе-батюшке, и при вожде народов, и при всех, без исключения, генсеках. Не дураки были наши деды и прадеды, знали, что может помочь в экстремальной ситуации, когда душа не на месте от мыслей о доме. Но даже не это главнее. Пока еще ни один академик не придумал лучшего средства профилактики инфекционных заболеваний. Другое дело, сколько нальют. Кто хоть раз побывал на войне (неважно, какой именно), прекрасно знает, что каждый миг тут непредсказуем. Поэтому злоупотребление алкоголем выйдет себе дороже.

- Шабаш! Прием пищи закончен! – командует полковник, убирая фляжку.

А теперь несколько слов о том, без чего невозможно нормально существовать ни в мирное время, ни на войне. Имеется в виду сортир или, как его благозвучно называли в прежние времена, ретирада. Пересидеть обстрел можно в окопе, в блиндаже, а вот, пардон, освобождать организм от отходов жизнедеятельности, когда припрёт, вы никогда не будете там, где живете.

В этих моих словах нет даже намека на шутку.

Приведу разговор с одним из дивизионных офицеров, который поведал мне, как отхожее место стало однажды причиной настоящей боевой акции.

- Стоял у нас на отшибе деревянный «нужник», а напротив, метрах в пятидесяти, начиналась «зелёнка». Боевики посадили в эту «зелёнку» снайпера, «кукушку». Пройдет в нужник, извиняюсь, офицер или солдат, а из зарослей – тут же выстрел. И нет человека. Бойцы, правда, быстро поняли свою оплошность. Будку эту сломали, а «точку» устроили ниже уровня земли. Добирались туда по траншее.

- А снайпер? – спрашиваю я.

- Да никто его и не искал. Просто накрыли этот квадрат «зелёнки» минометным огнем, и всех делов...

Да уж. Не зря говорят, что на войне мелочей не бывает.

После вечернего построения все готовятся к предстоящей операции. Кто-то чистит оружие, кто-то подгоняет под свои габариты «разгрузку», а кто-то просто лежит на койке, прикрыв глаза. Хрестоматийная картинка фронтового быта. На одном из столбов, поддерживающих палатку, монотонно бубнит радиоприемник. Капитан Копалов, бывший офицер-ракетчик, а ныне технарь ярославского ОМОНа, настраивает «вражеский голос».

Слушать новости «из-за бугра» здесь очень любят. Когда же начинают вещать наши отечественные СМИ, палатку распирает от ненормативной лексики.

Наконец все притихли: Диме удалось настроить канал ВВС. Опять чихвостят Россию. За «оккупацию свободной республики Ичкерия», за «несоблюдение прав человека и жестокость к местному населению»... И вдруг:

«...Нам стало известно из заслуживающих доверия источников, что завтра в шесть часов утра по московскому времени силами группировки российских войск на Северном Кавказе планируется проведение операции по разоружению селения...».

А затем невидимый диктор называет точное место, куда нам завтра предстоит выдвигаться.

В палатке на мгновение повисает гробовая тишина. А затем всё пространство заполняется здоровым мужицким хохотом. Парни смеются до слёз, вытирая глаза.

- «Операция секретная, чтобы ни-ни...» – пародирует один из бойцов слова нашего командира.

- Вот засранцы, – вторит ему прапорщик, показывая адресованный неизвестно кому кулак.

- Как же это так? – наивно вопрошаю я.

- А вот так, – прерывая смех, отвечает Ваня Бровкин. – Это для нас секретно, а для «Би-би-си», как видишь, секретов нет. О боевиках и говорить нечего. Сдадут они нам завтра оружие, держи карман. «Чехи» уже в горах, а местные свои автоматы в огородах закопали...

Ночью опять били «Грады», за Куликовым полем лаяли пулеметы. Мрак предгорья резали трассеры, то и дело вспыхивали разноцветными светлячками ракеты. Однако я уже ничего этого не слышал. Я просто крепко спал. Удивительно, но за две недели бурной фронтовой жизни мой организм приучился не реагировать на внешние раздражителя, «включив» автоматический режим ночного отдыха.

Завтра должен был начаться новый день...

ИГРЫ В ПЕРЕМИРИЕ

Солнечные лучи едва коснулись горных вершин, когда отряд ярославского ОМОН уже в полной боевой выправке построился у командирской палатки на Куликовом поле.

- Смир-р-р-р-но! Вольно! Первая шеренга – шаг вперед! – скомандовал полковник.

Наравне с ребятами я с удовольствием выполнял знакомые по срочной службе армейские команды. Правда, мое рвение было оценено своеобразно:

- Сергей, посиди, покури!

Миновав поднятый шлагбаум, на территорию расположения дивизии въехали крытые «Уралы», на которых нам предстояло выдвинуться в сторону чеченского селения Рошни-Чу, где находился, по данным разведки, отряд боевиков, отказавшихся выполнять приказ Масхадова о сдаче оружия.

Итак, «секретная» операция, о которой нам еще ночью поведал по радио «голос из-за бугра», вступала в начальную фазу.

Размещаемся в кузове тяжелого «Урала». Дверцы кабины с обеих сторон закрыты бронежилетами, в кузове – обычные деревянные лавки, пол усилен металлическими листами – это противофугасная защита. А вот о бортах стоит рассказать особо. Обычные деревянные или жестяные стенки прошиваются пулеметной очередью на раз, но голь армейская на выдумки хитра. Бойцы придумали устанавливать по левой и правой сторонам кузова сваренные металлические ограждения, в полость которых засыпают обычный песок. Броня не броня, а от осколков и пуль защищает.

И вот наша колонна в сопровождении БТРов и двойки боевых вертолетов несется по разбитому асфальту в сторону селения Рошни-Чу. Несется в буквальном смысле: максимальная скорость движения транспорта – необходимый элемент безопасности во время передвижения по чеченским дорогам. До точки «икс» – всего-то километров тридцать с небольшим, но ямы, выбоины и воронки от разорвавшихся снарядов превращают кузов «Урала» в емкость бетономешалки. Мне повезло: я сижу, тиснутый широкими плечами бойцов. Мысль в голове только одна: не повредить бы камеру.

По пути один из бывалых, пытаясь перекричать гул двигателя, рассказывает о Рошни-Чу:

- Там настоящее гнездо басаевцев... если бы не это перемирие, давно бы сравняли его с землей. Говорят, где-то рядом – настоящий лагерь смерти для русских солдат и офицеров...

Позднее мне предстоит узнать, что это действительно так. Колонна останавливается.

- На выход, построиться! – командует полковник Даниловский.

Начинает раскаляться отдохнувшее за ночь солнце; еще час – и парилка обеспечена. Командир ходит вдоль строя, раздавая бойцам лоскутки белой материи:

- Всем повязать на правую руку. Не дай Бог, начнется свара, так чтобы своих не задеть...

- Товарищ командир, – усмехается Ваня Бровкин, – их же, духов бородатых, за версту видно!

- За версту, говоришь? А вот глянь на новосибирцев – они в Чечне уже больше месяца...

- Н-да, – чешет в затылке Иван. Действительно, некоторых обросших сибиряков можно в запарке принять и за боевиков. Тот же камуфляж, то же оружие, да еще и бороды отросли.

Ярославцы располагаются на траве у разбитого снарядами танка. Рядом – старая арба; с пригорка в бинокль хорошо просматривается всё селение.

Повел окуляры влево – видишь танки, повел вправо – танки и БМП, а в небе барражируют «крокодилы». Похоже, Рошни-Чу в плотном кольце федералов.

Ждем. Два часа ждем, три... Жара уже невыносимая; ощущаю себя карасем на раскаленной сковородке. Хорошо еще, что вместо «берцев» надел простые легкие кроссовки (как, между прочим, и большинство омоновцев).

Стараясь хоть как-то убить время, травим анекдоты. Пользуясь вынужденной паузой, я снимаю картинки фронтовой жизни, которых, честно говоря, уже набралось на две трехчасовых кассеты. Но как не обратить внимание на ишака, пасущегося невдалеке, который равнодушно смотрит на всю эту вооруженную мощь, как не направить объектив камеры на гордого беркута в небе?

Наконец откуда-то возвращается командир и объявляет:

- Разведчики сказали, что боевиков в селе нет, ночью ушли в горы. На дороге к Рошни-Чу – отряд самообороны и толпа женщин. Утверждают, что оружия тоже нет.

- Что и требовалось доказать, – хохочет Бровкин. Его поддерживают остальные.

- Отставить ржание, – хмурится Даниловский, – приказано операцию по изъятию оружия продолжать. – И, посмотрев на меня, добавляет:

- Пойдем со мной, там есть, что поснимать.

С полковником и еще тремя офицерами ярославского ОМОН направляемся к месту «стрелки» между федералами и жителями села. Последних представляют молодцы из отряда самообороны.

Несколько слов стоит сказать об этих «защитниках». После подписания июльского соглашения о перемирии и приказа Масхадова о разоружении незаконных вооруженных формирований многие боевики вернулись в свои

сёла, влившись в отряды самообороны. От боевиков их отличал только этот весьма размытый статус. После срыва договоренностей большинство из этих «самооборонщиков», отдохнув и набравшись сил, снова превратятся в непримиримых «воинов ислама».

Появление человека с видеокамерой становится неожиданностью для обеих сторон.

- Кто такой? – рявкает армейский майор, пристально рассматривая мою необычную форму, состоящую из «афганки» восьмидесятых годов, омоновского берета, изношенных кроссовок и черной «разгрузки» с торчащими из нее аккумуляторами и проводом микрофона.

- Это наш, – отвечает за меня командир, – работает с разрешения комдива.

Майор тут же теряет ко мне всяческий интерес.

Между тем спор на дороге к Рошни-Чу разгорается нешуточный. Бородачи из самообороны, яростно жестикулируя, доказывают что-то свое, переходя с русского на чеченский. Армейские и милицейские чины жестко отстаивают свою позицию. Этот многоголосый гул то и дело перекрывают визгливые женские голоса. Стороннему наблюдателю, то есть мне, понять происходящее чрезвычайно трудно. В конце концов выясняется: наши требуют, чтобы чеченцы сдали всё оружие, находящееся в селе, а те, в свою очередь, утверждают, что его нет. Мол, да, были тут боевики, но ушли.

Местным жителям очень не хочется пускать федералов и в Рошни-Чу. Как федералы проводят зачистки, им хорошо известно. Именно этот аргумент и перевешивает в итоге все остальные. Сельчане соглашаются сдать стволы – и начинается второе действие комедии под названием «разоружение». Около дороги стелют брезент, на который обильным дождем должны сейчас посыпаться автоматы, винтовки, гранаты и патроны...

Но никакого такого «дождя» не наблюдается. Вот подходит старый дед-аксакал, бросает на брезент древний «карамультук», вот парнишка волочет старую шашку. Еще через три часа ожидания арсенал федеральных сил пополняется дедовским дробовиком, парой ржавых сабель, которыми воевали еще воины имама Шамиля в девятнадцатом веке, и всякой другой колюще-стреляющей рухлядью. Зато всё действо проходит без единого выстрела.

Честно говоря, этому рады обе стороны.

И все-таки, как говорится, осадок остался. Наши бойцы и командиры прекрасно понимают, что спрятанные в селе «калаши» (в том, что они там были, никто не сомневался) еще выстрелят в сторону наших парней, что это перемирие нужно, в первую очередь, боевикам для восстановления

сил. И что все эти «операции по изъятию оружия» – чистой воды профанация.

- Детский сад какой-то, – в сердцах бросает армейский майор, когда я прошу его прокомментировать ситуацию, – столько техники нагнали. Эх, если бы не перемирие...

Дальше следуют слова не для печати. Сколько я в тот день услышал таких же емких и жестких выражений, отражающих всю суть этой непонятной войны! И сколько еще будет впереди «перемирий», «переговоров», «совместных мероприятий», результатом которых станут новые жертвы с обеих сторон.

На следующее утро я, спасибо командиру, вновь отправляюсь в сторону Рошни-Чу, но не в само селение, а на блок-пост, стоящий на дороге, ведущей в Грозный. Там в это самое время морщат лбы «мудрецы» из специальной наблюдательной комиссии по наведению конституционного порядка в Чечне.

Вчера один из офицеров рассказал мне, что через этот пост ежедневно, около семи утра, движется колонна членов этого СНК. Дорога, во всех отношениях, стратегическая, поэтому объект укреплен основательно: бетонные плиты, огневые точки, а с обочин в сторону трассы недобро смотрят танковые орудия. Из-за рустверов видны только верхние части башен и стволы пушек.

- Едут! – офицер с погонами старлея выходит на дорогу вместе с бойцами. Впереди колонны движутся два «Жигуля» с флагами ОБСЕ, за ними – «джипы» охраны. Подхожу ближе. В одном из автомобилей международной организации – узнаваемые лица Аслана Масхадова и Ширвани Басаева, родного брата Шамиля, «героя Буденновска».

Главнокомандующий войсками Ичкерии что-то раздраженно бросает старшему лейтенанту. Тот отходит от машины и машет своим рукой: пропускай!

Рванув с места, колонна вскоре пропадает из поля зрения. Пунцовое лицо офицера красноречиво говорит о только что пережитых эмоциях.

- Что они вам сказали? – спрашиваю я.

- Хамят! – коротко отвечает старлей, – послал меня куда подальше на своем языке. Хорошо еще, что твою камеру заметили... Бывает тут и так, что эти охранники выскакивают из машин, кричат по-своему, автоматами размахивают. Даже повязки зеленые с голов не снимают. А мы только сопли подтираем, сделать-то ничего не можем. Позорище! Да, позорище. Это слово, ярко характеризующее обстановку в республике, начинает проскакивать в разговорах с военными всё чаще.

Спектакль под названием «Разоружение» продолжался.

18 августа федеральные силы блокировали большое чеченское село Ачхой-Мартан, где, по данным разведки, находился крупный отряд

боевиков. Вот-вот бы нажать нашим... но снова в дело вмешались политики. Каким-то чудесным образом, выражаясь языком официальной сводки, «ситуация разрешилась на переговорах в Грозном». И, словно в насмешку над всей этой глупостью, 21 августа отряды «непримиримых» вошли в Аргун и захватили райотдел милиции. Тут уже без армии не обошлось. Сепаратистов выдавили из города, накрыв массированным огнем с земли и с воздуха.

На этом игра в «перемирие» закончилась. Командование группировкой федеральных сил заявило, что российские войска из Чечни выводиться не будут вплоть до полного разгрома бандформирований. Начинался очередной виток настоящей, кровопролитной войны, которую центральные средства массовой информации продолжали стыдливо называть то «антитеррористической операцией», то «локальным конфликтом».

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОМЕНДАТУРА

...В середине ноября 1996 года с подразделением ярославского УВД я прибыл в столицу мятежной Ичкерии, город Грозный, в котором, судя по восторженным газетным статьям в центральной прессе, были наконец-то установлены долгожданные мир и порядок. Главным «миротворцем» Кремль провозгласил председателя Совета безопасности генерала Александра Лебедя, получившего эту высокую должность после весьма сомнительной победы Ельцина на президентских выборах. Тогда Лебедя называли не иначе как «голубем мира», человеком, остановившим кровопролитную чеченскую войну. Но так к нему относились далеко не все. Совсем другое мнение имели на сей счет военнослужащие федеральных сил и сотрудники МВД – те, кто пережил страшные городские бои весны-лета 1996 года, превратившие некоторые районы Грозного в «сталинградскую панораму». Именно тогда в районе нефтеперерабатывающего завода в окружение боевиков попал отряд рыбинского ОМОН, и подразделению удалось прорваться к своим только благодаря мужеству бойцов.

Не вдаваясь в подробности, напомню, что к концу августа федералам удалось окружить и блокировать в Грозном основные силы боевиков. Загнав «духов» в котел, командующий объединенной группировкой генерал Константин Борисович Пуликовский, человек решительный и бескомпромиссный, планировал силами ударной авиации и крупнокалиберной артиллерии поставить точку в сопротивлении, «сварить» в этом котле последние дудаевские банды (сам Джохар Дудаев был ликвидирован 21 апреля близ села Гехи-Чу). Ваххабитам дали 48 часов, чтобы сложить оружие, мирным жителям предоставили коридор для выхода их города. Еще бы чуть-чуть....

Тут и появились в Чечне два «миротворца» – Александр Лебедь, получивший огромные полномочия от нового-старого Президента, и олигарх Борис Березовский, этот непонятно в каком качестве. Лебедь сразу отменил приказ Пуликовского и инициировал переговоры с бандитами, закончившиеся Хасавюртовским соглашением, подписанным 31 августа 1996 года. Разумеется, российский генералитет, разработавший план окружения и уничтожения сепаратистов, был, мягко говоря, возмущен.

Все эти теперь уже общеизвестные факты я вспомнил лишь для того, чтобы читатель смог уловить настроение наших ребят, ставших участниками настоящего театра абсурда.

Итак, ноябрь 1996 года, Октябрьский район города Грозного. Наша колонна, состоящая из БТРов, «Уралов» и пары командирских УАЗиков, сворачивает с главной дороги к зданию объединенной комендатуры. Никто из нас еще толком не знал тогда, что означает это словосочетание – «объединенная комендатура», а когда поняли... Но обо всем по порядку.

Поднимается первый шлагбаум, метров через двадцать – второй. Прибывшие бойцы радостно соскакивают с бортов на землю, обнимаются с коллегами-земляками.

- Опять к нам? – хлопает меня по плечу знакомый по станице Ассиновской капитан, – наш дурдом хочешь снимать?

- Почему дурдом?

- Сам всё увидишь, – смеется офицер.

Только сейчас я обращаю внимание на его головной убор – голубой берет, точь-в-точь как у десантников. Дмитрий, так зовут капитана, поймав мой непонимающий взгляд, важно произносит:

- Мы теперь не абы кто, а целые советники. Типа голубых касок, миротворцы, объединенная комендатура, мать их... Заканчивает капитан словами, которые я не решусь тут воспроизвести.

- С кем объединенная? – не понимаю я.

- Да вон с этими... – он показывает глазами куда-то в сторону, добавив очередную порцию нецензурщины. – Вчера они нашим головы резали, а теперь вот нас заставляют с ними дружить... Маразм!

Обернувшись, вижу три бородатые хмурые физиономии. Зеленые повязки на головах; у одного за плечом РПГ (в просторечье «шайтан-труба»), у другого на груди «Калашников», третий, как революционный матрос, обмотан крест-накрест пулеметной лентой. Устанавливаю камеру на плече, нажимаю кнопку «Пуск»...

- Э-э, мэна сными, – подбоченивается тот, что с лентами. – Аллах акбар!

Другой смеется и направляет в объектив ствол автомата:

- Пф, пф!..

Он шутит, но все равно неприятно. Между тем внутренний двор комендатуры заполняется вышедшими из здания вооруженными

боевиками, новыми, так сказать, «союзниками». Смотрят они внимательно и настороженно; один, заметив мой аппарат, проводит ладонью по горлу.

Теплая встреча, ничего не скажешь...

- Пойдем, – тянет меня за рукав Дима, – еще наснимаешься.

Здание, где размещена так называемая «объединенная комендатура», до войны принадлежало интернату для слепых и слабовидящих детей. Накануне августовских городских боев ребятишек, слава Богу, успели переселить. Теперь окна заложены мешками с песком и кирпичами (на фасаде видны многочисленные следы от пуль и осколков), а в сохранившихся от артиллерийского огня помещениях размещены бойцы ярославского сводного отряда МВД и... взвод бородачей одного из полевых командиров. Русские и «нохчо» делят интернатовский особняк пополам, пользуются
разными входами. В гости, разумеется, друг к другу не ходят, исключая разве что Арби, заместителя коменданта с чеченской стороны, но о нем речь пойдет чуть ниже.

Вечер проходит в разговорах. Офицеры за «рюмкой чая» обрисовывают мне ситуацию, сложившуюся в городе и его окрестностях. Советы простые: одному за пределы комендатуры не выходить, всегда держаться ближе к своим, игнорировать любые приглашения чеченцев «поговорить по душам», снимать осторожно, дабы не вызвать вспышку недовольства, ну и много еще чего....

- Посмотреть бы в глаза тому, кто придумал эту хрень, – горячится подполковник, имея в виду инициативу политиков о совместной работе непримиримых врагов.

– Столько наших от их рук полегло – а теперь дружить с ними? Это как если бы в сорок пятом красноармейцы вместе с эсэсовцами патрулировали Берлин, один к одному. Опустили нас ниже плинтуса! По сути, мы сейчас заложники этих ваххабитов, спим вполглаза, передвигаемся с оглядкой, мало ли чего «чехам» в башку взбредет...

Идиотизм, да и только.

Ночью где-то в городе раздавались выстрелы, то одиночные, то очередями. А утром мне пришлось убедиться в правоте слов офицера, сказанных накануне.

- Пошли цирк снимать, – зовет меня капитан сразу после подъема.

Во дворе, у здания комендатуры выстроился весь личный состав: омоновцы в черных беретах, советники в «миротворческих» головных уборах небесного цвета, а рядом – та самая бандитская вольница. Она как будто собралась в очередное сражение с «кяфирами»: кто в камуфляже, кто в гражданских кожанках, из карманов боевых «разгрузок» торчат автоматные рожки и рукоятки ножей, на поясных ремнях истолеты, за плечами «калаши». Боевики смеются и что-то выкрикивают по чеченски в

адрес наших бойцов, которым остается только сжимать кулаки и скрежетать зубами.

Перед строем – начальство и представитель районной чеченской власти. Вперед выходит комендант:

- Смирно! Вольно...

Чувствуется, что и ему не по себе от предстоящего действа.

- Товарищи! – говорит он под гогот из строя чеченцев, – сегодня вы принимаете присягу сотрудника объединенной комендатуры в Чеченской Республике. Все знают, что согласно мирному соглашению...

Ребята слушают хмуро, матерятся вполголоса, боевики откровенно веселятся. Комендант зачитывает текст присяги. Я слушаю и не верю собственным ушам. Такое впечатление, что сей опус составлял лично Мовлади Удугов, главный «Геббельс» ваххабитской пропаганды.

- ... клянусь могилами своих предков... да падет на мою голову проклятие...

Далее всё в том же духе. Омоновцы в нос бубнят что-то нечленораздельное, я различаю крепкие словечки. Потом представитель местной власти несколько минут говорит о мире и процветании Чечни, о бережном отношении к людям... На этом торжественная часть заканчивается. На службу заступают совместные патрули.

- Как же так, – спрашиваю я офицера ОМОН, – такую присягу впору произносить «воинам ислама», а уж никак не русским ребятам-славянам. Что это за восточные пассажи?

- Не береди душу, – отмахивается тот.

– Все понимают, что это профанация, для галочки. Но всё равно противно. Как будто в дерьмо головой сунули... А что делать? Приказ сверху. Кстати, ты знаешь, что за эту присягу каждый у нас расписывался индивидуально? Вот, смотри, – он достает из полевой сумки бланк, – каждый боец должен заполнить. Имя, фамилия, отчество, звание, должность... А потом эти бумажки передают чеченцам... врубаешься?

- Ничего себе! – удивляюсь я, – но это же секретные данные?

- Конечно. Разумеется, ребята пишут отсебятину, кто же будет себя и свои семьи подставлять? И вообще, присягу мы уже давали – России. Так что весь этот спектакль, по меньшей мере, незаконен. Ну да Бог с ним, скорее надо отсюда уезжать, пусть «вахи» сами друг с другом разбираются.

Напросившись в совместный патруль, рассовываю по карманам запасные аккумуляторы и поспешаю за нашими бойцами. Впятером, двое ярославцев, двое бородачей, миновав шлагбаум, выходим за КПП. Дорога в сторону площади «Минутка» разбита колесами и гусеницами военной техники. Идущие впереди «союзники» что-то громко обсуждают, жестикулируют, то и дело со смехом оборачиваясь в нашу сторону.

Навстречу часто попадаются их соплеменники. «Нохчо» шумно здороваются, обнимаются, говорят что-то по-чеченски. Собеседники бросают цепкие взгляды на мою камеру, на оружие и амуницию омоновцев.

- Ты для них лакомый кусок, журналисты в цене, – замечает прапорщик.

- Спасибо, успокоил...

Это я знаю и без него. Еще в прошлом году ребята подарили мне трофей – листок с расценками на российских солдат и офицеров. Отдельной строчкой – сотрудники СМИ, как иностранных, так и российских. Мы там ценимся дешевле иноземцев. Обидно, однако. Оплата долларами, а в скобочках идет эквивалент в баранах и быках. Это, видимо, для малограмотных горцев. От таких воспоминаний мне становится неуютно. Однако встречные чеченцы, кажется, настроены миролюбиво. Они еще пребывают в эйфории от своей победы над неверными (именно так Чечня расценивает Хасавюртовское соглашение).

Обочины завалены строительным мусором, практически все дома носят на себе следы жестоких боев, некоторые разрушены, но в них еще живут люди. Вижу, что из окна первого этажа, затянутого пленкой, торчит труба – ночи-то уже холодные. Кое-где виднеются остовы разбитой и сожженной бронетехники. Досталось городу, не приведи Господи...

В районе улицы Сайханова встречаем группу российских военных с овчаркой. Это наши саперы, они проводят здесь инженерную разведку, то есть ищут заложенные боевиками фугасы. Судя по оперативным сводкам, сегодня это – самое смертоносное оружие, подрывы случаются чуть ли не ежедневно. Я уже успел отснять целую коллекцию подобных снарядов, но они появляются снова и снова, увеличивая количество жертв этой странной войны.

- Откуда, земели? – кричат саперы.

- Из Ярославля!

- Чего снимаете?

- Так, для себя...

Стоим, курим, треплемся за жизнь. Парочка наших «союзников» молча ожидает в стороне, глядя исподлобья на русских вояк с триколорами на шевронах. Часа через два возвращаемся на базу.

- Мне нужно поговорить с сопредельной стороной, – говорю я командиру.

Он подзывает двух бойцов:

- Сопровождайте. И глаз с него не спускайте, мало ли что...

Бородатые «воины ислама» бездельничают во дворе. Кто, сидя на лавочке и задрав бороду, подставляет лицо еще теплому осеннему солнцу, кто курит, сидя на корточках. Все, как обычно, вооружены до зубов, для любого чеченца стреляюще-режущие предметы – нечто вроде второй

кожи. Снимаю средние и крупные планы. Боевики реагируют по-разному: одни отворачиваются, другие, напротив, принимают воинственные позы, третьи что-то злобно шипят, но агрессии не проявляют.

Из-за густой растительности на лицах очень сложно понять их возраст. Вроде борода лопатой, а глаза молодые. Ловлю в видоискатель колоритного дядьку в зеленом берете с «волчьей» эмблемой Ичкерии. Всё при нем – натовская «разгрузка», кобура с пистолетом, широкий нож в чехле, на плече болтается старый «Калашников» с деревянным прикладом-«веслом».

- Салам алейкум, уважаемый, можете уделить мне пару минут?
- Ну.
- Как вас зовут?
- Нэважно. Что хатэл?
- Давно воюете?
- Давно.
- А кто ваш командир?
- Э! Какая тэбэ разныца? Иды отсуда!

На этом интервью заканчивается.

Другие респонденты столь же немногословны. Зато заместитель коменданта с чеченской стороны, чеченец по имени Арби, говорит долго и с удовольствием. Он молод, на вид не более двадцати пяти, среднего роста, одет в черный свитер, ятнистые форменные брюки заправлены в ботинки с высокими берцами, на поясе тяжелый двадцатизарядный «Стечкин» – мечта любого боевика. Уже само наличие этого ружия говорит об авторитете его владельца. Отвечает на вопросы охотно, абсолютно откровенно признается, что воюет по убеждению за новое шариатское государство, что война будет закончена только тогда, когда последний русский покинет Ичкерию, а все эти мирные соглашения – игры для бестолковых политиков.

- Так и передай своим в России, – говорит Арби в конце беседы, – не надо сюда приезжать, иначе беда будет.

То, что война Хасавюртовским соглашением не закончится, понимали тогда обе враждующие стороны. Понимали это и генерал Лебедь, и Березовский, и сам Ельцин, но жажда сиюминутной славы и власти оказались сильнее здравого смысла.

Размышляя впоследствии о событиях 1996 года, я еще раз вспомнил слова командующего 58-й армией генерала Геннадия Трошева:

«...никогда в России генералы не были так бесправны и беспомощны на войне из-за давления гражданских лиц, полных дилетантов в военных вопросах».

Из Грозного я уезжал накануне новогодних праздников.

- А давайте, – сказал ребятам, – вы передадите свои поздравления родным в Ярославль, а я это в эфир запущу. Вся область увидит...

Сказано – сделано. Поздравления пошли в эфир. А потом родные и близкие наших бойцов звонили в телекомпанию, благодарили. Да, это было лучшим подарком к празднику.

Так и повелось. Из каждой очередной поездки я привозил в Ярославль кассету с приветами из Грозного, Урус-Мартана, Гудермеса, Гойского и других горячих точек Северного Кавказа.

Только через несколько лет я узнал, с кем общался в ноябре 1996 года.

Оказывается, моим собеседником в объединенной комендатуре Октябрьского района города Грозного был Арби Бараев, один из самых кровавых полевых командиров эмира Хаттаба – тот самый Бараев, который в конце 90-х самолично обезглавливал и расстреливал пленных солдат, иностранных инженеров, похищал людей и организовывал террористические акты на территории Северного Кавказа и Центральной России…

Лишь в 2001 году он был уничтожен в ходе операции спецназа внутренних войск «Русь».

НИНА НИКОЛАЕВНА ТРУБКИНА
Ярославль

Родилась в 1958 году в Вологодской области. В 1979 году окончила Череповецкий педагогический институт, получив диплом учителя русского языка и литературы. Преподавала в сельской школе и Устюженском политехническом техникуме. В 2014 году переехала в г. Ярославль, где стала работать по специальности в Ярославском торгово-экономическом колледже. Стихи Н.Н. Трубкиной публиковались в череповецкой газете «Речь», коллективных сборниках «Душа, распахнутая настежь…» и «Наших строк многоцветье…» (г. Нижний Новгород), на литературных интернет-сайтах. Нина Николаевна – автор трех поэтических сборников – «Весна придет…», «Жизнь продолжается…», «Моей души мгновения…». Является руководителем студенческого клуба любителей стихосложения «Откровение». Член Литературного сообщества писателей России и ярославского литературного объединения «Волжане».

ВЕСНА

Первая капля со звоном упала –
И пробудилась природа от сна.
Как же я сразу весну не узнала?
Это весна наступила! Весна!

Может, отвыкла от звонкой капели?
Птиц голоса не волнуют меня?!
Что происходит? Все чувства сгорели –
И очерствела душа без огня?

Нет, от весны я ещё не отвыкла,
Коли услышала звонкую трель.
Снова весна в моё сердце проникла,
Снова зовёт за собою апрель!

Скоро и май в свои белые ночи
Вновь пригласит на свиданье, звеня.
И соловей насвистит, напророчит,
Что позовёт твоё сердце меня!

ПАСХА

Пришла весна на землю радостно.
Над нами ангелы поют.
Ты помни – помни – помни! – Благостно
Колокола об этом бьют.

Трепещет сердце и волнуется,
Душа предчувствия полна.
Всё в мире вновь преобразуется:
Весна – гудят колокола!

* * *

Мне под ноги утром бросился
Разговорчивый ручей.
Он в весну со мною просится:
– Ты возьми, ведь я ничей!

Ты же тоже одинокая,
А весна для нас одна.
Пусть судьба порой жестокая,
Нас порадует весна!

Я ничей ручей, ты – вдовушка.
Пробегут года, бурля…
Запоёт для нас соловушка,
Расцветёт для нас земля!

Задержалась, призадумалась
Я на кромке изо льда,
Встала в воду – образумилась:
Холодна в ручье вода!

* * *

Одурманит запах таволги.
Мне для счастья много надо ли:
Лишь всего взглянуть на родину –
Родилась я снова вроде бы!

Горизонт сверкнёт зарницею –
Моя юность мне приснится ли?
Я как будто лет семнадцати –
Мне за счастьем стоит гнаться ли?!

МАЛАЯ РОДИНА

Вот она – малая родина.
Это забыть не дано:
Нивы, покосы, смородина –
Всё, что любимо давно.

Радостно утром на солнышке
Слушать запев соловья,
Видеть, как дома и в полюшке
Мама хлопочет моя.

В дымке река моя стылая,
Звонко скрипит коростель.
Малая родина милая,
Что с тобой стало теперь?

Несколько изб заколоченных,
В поле бурьян без конца.
Только скворец озабоченно
Пищу приносит птенцам.

В мире природы – гармония,
Душу окутала ночь…
Милая малая родина,
Чем тебе можно помочь?

* * *

Ломали старую часовню
На летней утренней заре.
Роняли купол хладнокровно,
Не помышляя о грехе.

Молчал народ, объятый горем:
– Прости, Господь, нас за дела!
И баба бережно в подворье
Иконы в фартуке несла.

Стоит деревня сиротливо.
Всё так же солнышко встаёт,
Но нет народа. Справедливо
Бог по делам нам воздаёт!

МОЛОГА

К Волге путь держит речка Молога
И зовёт меня вслед за собой…
Утекло с той поры воды много –
Стала житель теперь городской!

Мне бы летом на речке Мологе
Искупаться, погреться в песке,
Чтобы сердце не билось в тревоге,
Чтоб душа не томилась в тоске.

Волга-матушка, ты полноводна –
Величавость не знает границ.
Пусть Молога скромна, тихоходна,
Но душа её вечно хранит!

* * *

Пахнет земляникой, веником в парилке,
И пыхтит задорно медный самовар.
Северного лета чудные картинки:
Родина, ромашки, мягкий сеновал!

Встречи и беседы, песни под гитару
И короткой ночи розовый туман…
Эх, не надо тратить ни минуты даром!
Заведу я летом сказочный роман…

* * *

Сердце полнится жизни свободой,
Быстро катер бежит по волнам.
Нас встречает чудесной погодой
И покоем Святой Валаам!

Трепетать заставляет любого
Величавая озера гладь.
Возвышаются скалы сурово –
Эту мощь нам умом не объять!

Благодать наполняет здесь души,
Словно луч золотого креста.
Этот путь на святую часть суши
Указала десница Христа.

Здесь для каждого храмы открыты,
И несётся над Ладогой звон…
В этом мире ищу я защиты
У святых чудотворных икон.

* * *

Бескрайние карельские озёра,
Крутые горы, мраморный каньон –
Во всём великолепии простора
Гармония, загадочность и сон!

Такой размах, что сердце замирает!
Вершины сосен вьются в небеса.
И, кажется, природа окрыляет –
Я для полёта словно рождена.

Я влюблена и в камень бессловесный,
И в тайну величавой Пинь-губы,
В Онегу и лазурный цвет небесный…
Карелия – ты часть моей судьбы!

РОДНЫЕ ПЕНАТЫ

Свет старинной усадьбы – родные пенаты!
От восторга и гордости сердце поёт.
Здесь поэт и писатель гостили когда-то,
И сейчас перед нами их образ встаёт.

На скамейке под вязом Куприн отдыхает,
В парке Батюшков тихо тропинкой идёт.
Время вдруг, пусть на миг, далеко отступает,
Муза в этих местах постоянно живёт.

Старый парк и терраса поэзией дышат.
В море яркой сирени свистит соловей.
Дивной звонкою песнею воздух здесь вышит –
Свет старинной усадьбы сливается с ней.

* * *

Звонок так много этот значит…
Я, робость в сердце затая,
Решила дерзко озадачить
Своею просьбою тебя.

Твой голос я припоминаю,
Но сам ты мне давно чужой.
Наверно, грубо нарушаю
Своим звонком я твой покой.

По-деловому сухо, прямо,
Суть просьбы твёрдо изложив,
Вздохнула тяжко — это драма! —
Лет тридцать заново прожив.

Была любовь и вечер пряный...
Ушло, умчалось – не догнать…
Так почему тот воздух пьяный
Мне кружит голову опять?

МОЛИТВА МАТЕРИ

В сердце матери тоска закралась –
Ночь бессонной у неё была:
Как там дочь? – душа истосковалась –
Заболела, может быть, она.

Помолилась образу скорбящих,
Попросила защитить детей.
И свободна от тоски щемящей:
Будет под покровом дочь у ней!

На иконе ласково и строго
Смотрят Божьей Матери глаза.
Взгляд Её в любой беде – подмога,
Затихает перед Ним гроза!..

* * *

Ну, разве рай — российская глубинка,
На что надеяться и что здесь ждать?
Безрадостная сельская картинка,
А ведь была когда-то благодать!

Пропала рожь, и не видна картошка,
Разрушены колхозные дворы.
О, дай мне, Боже, сил ещё немножко
Для местной обделённой детворы!

Для них я просто тётка из столицы,
Учителка родного языка.
Они, как потревоженные птицы,
Не понимают мудрости пока!

Убогость, нищета, замечу к слову, –
Кому мне ставить это всё в вину?
Но я иду в Желябовскую школу,
Чтоб знали дети слова глубину…

* * *

Золотые корабли с парусами алыми.
Отправляет лето их из осенней гавани –
И летит, сорвавшись, флот с клена золотистого.
Опустились н*а* воду корабли игристые
И вдаль весёлой стайкою дружно уплывают.
Журавли им вслед курлычут, лето провожают.

* * *

Октябрь заплакал горькими слезами –
Он осень золотую проводил.
И долго вслед ей грустными глазами
Глядел и веру в чудо он хранил.

Как скорый поезд, лето пробежало,
Уже последний минул перегон.
Листва багрянцем в парках отмелькала,
И впереди – природы зимний сон.

Под звон синиц и пение свирели
Застынет льдинкой грустная слеза.
Но, воскресая в будущей капели,
Откроет март весёлые глаза.

ВНУЧКЕ ТАСЕ

Рисует солнце девочка,
Дождинки, домик, тучку
И ставит в каждой клеточке
Смешную закорючку.

Художнице два годика,
Писать картины любит.
За Тасину методику
Жюри медаль присудит.

В картинах ручкой милою
Восторженно и смело

Любовь с недетской силою
Показана умело!

* * *

«Дворянская» дороженька –
легенда и судьба –
Бежит она, торопится
в родные мне места.
Здесь сосны величавые
вершинами шумят,
Родник бежит по камешкам,
полным-полно маслят.
Сверну я на болотечко –
тут оторопь берёт:
Такая тьма кромешная –
по телу дрожь идёт.
Но вот светлей становится –
я в полюшко сверну,
Присяду на обочине,
немного отдохну…
Потом бегу угодьями,
на солнышко гляжу.
Я так спешу на родину
и встречей дорожу!

* * *

Пусть сияет солнечное лето
И в полях синеют васильки,
Льётся песня над землёю где-то
И свистят по рощам соловьи.

Пусть ночами сердце замирает,
Мучает бессонница меня,
Пусть ромашка снова погадает,
Жизнь добавит красок и огня.

* * *

Заплутало где-то северное лето.
Напоили землю ливни через край.
Ждут ромашки в поле тёплого рассвета.
А в болоте – словно жёлто-красный рай.

Там на кочках зреет ягода морошка –
Северянке ливни вовсе нипочём,
Золотое солнце я кладу в лукошко:
Пусть зимой согреет радостным лучом!

* * *

Рассветы и закаты,
Дожди и летний зной…
Я сказочно богата –
Всё это мне одной!

Раздам тепло по капле
И поделюсь теплом –
Несметные богатства
Берите в каждый дом!

ДЕТСТВО

Мотыльков весёлое мельканье –
Радостный из детства островок:
Ветра затаённое дыханье,
Птиц счастливых звонкий голосок.

Лёгким облаком мой ангел реет.
Суеты не ведает душа.
Мать-земля хранит меня, лелеет.
Я, как бабочка, хрупка и хороша.

Не помяты шёлковые травы,
Не ступал никто здесь и ногой –
Эта тайна лишь тому по праву,
Кто с душою чистой и святой!

Годы детства, словно солнце, скрылись.
Не порхают больше мотыльки.
Может, просто мне они приснились,
Как и годы детские мои?

* * *

Много лет мне на плечи упало,
Я познала и зло, и беду.
Если бодро шагать мне бы надо –
Черепашьим я шагом бреду!

Но когда зацветают ромашки,
На бумагу ложатся слова,
Черепашьи бросаю замашки –
Я, как горная серна, легка!

* * *

В весёлом танце кружится листва,
И ветер треплет золотые косы...
Ещё вчера, казалось бы, весна
Мне обещала ласковые росы.

Но память майской ночи коротка –
В мгновенье не останется намёка…
Июльский день в мельканьи мотылька
Напомнил мне, что август недалёко.

А в августе роса так холодна!
Задумчиво кузнечики стрекочут.
Но светит моя майская звезда,
И греют сердце бархатные ночи!

* * *

Я хотела быть счастливой
Всем врагам назло.
Что-то в жизни не сложилось,
В чём-то повезло.

Повезло, что есть на свете
Дом, друзья, семья,
Я за них за всех в ответе,
Кто-то – за меня.

И врагам я зло прощаю –
На душе светло.
Это счастьем называю,
В жизни повезло.

* * *

Ложку дёгтя мне, смеясь,
в мёд налили,
Словно птицу на лету
подстрелили.

Сердце вмиг тоска-печаль
опалила,
Волю к жизни чёрствость душ
подкосила.
На висках волос седых
больше стало,
А в глазах немой упрёк:
я устала!
Руки-крылья поднимать –
где же сила?
Да, обидели меня….
я простила.

* * *

Прошу у Господа прощенья
За то, что ближнего сужу,
За то, что утром в воскресенье
Я в храм порою не спешу!

Ещё за то, что чьи-то слёзы
Прольются вдруг из-за меня,
За то, что где шипы, где розы,
Не различаю часто я!

Прошу, о Господи, прощенья
Я, радость в сердце растеряв,
За то, что нет в душе смиренья,
Всё мчусь куда-то я стремглав!

Что не хватает мне всё времени
Тебя, Господь, благодарить,
Что ты годами и мгновеньями
Меня сумел вознаградить.

Что счастье дал ты мне быть матерью,
Что дети веру обрели…
Я вновь прошу, прошу Создателя:
- За все грехи меня прости!

ОСЕНЬ

Ясная рябиновая осень…
В тихий парк я вечером пойду,
Погляжу в небесную я просинь
И в природе счастье я найду.

Наберу я горсти ягод алых,
Золото ногой разворошу.
Бросит ветер листьев мне багряных.
Стаю птиц я с грустью провожу.

Буду я природой любоваться,
Каждою былинкою простой,
Воздухом дышать – не надышаться…
Возраст мой янтарно-золотой!

* * *

Октябрь и дождь. Листок багряный
Опять над крышею кружит.
Сырой осенний воздух пряный
Печалью душу бередит.

Октябрь, любовь и вечер пьяный,
И мыслей радужных туман.
Душа поёт. Листок багряный,
Ты мой волшебный талисман!

МАМА

- О чём ты плачешь, мама дорогая?
- Да так, взгрустнулось, – тихо говоришь.
- А, может, что обидное сказал я?
Я знаю, обязательно простишь.

Нас разделяют злые расстоянья,
А телефон суть может изменить,
Ах, если бы не наши расставанья,
Ах, если б детство можно воротить!

Ты мне на свете, мама, всех дороже,
Пусть слёз твоих пока мне не понять.
И ты сама не веришь в то, быть может,
Что сына на руках уж не поднять.

Теперь я сам, мамуля дорогая,
Над всей планетой вознесу тебя.
Земля и небо пусть отныне знают:
Тебя храним мы – ангел твой и я!

АНДРЕЙ ГРУНТОВСКИЙ
Санкт-Петербург

Родился и живёт в Санкт-Петербурге. Закончил конструкторский факультет ЛИСИ. Работал по специальности на строительстве оборонных объектов. В 1980 – 85 гг. учился в театральной студии и играл в театре «Четыре окошка». В начале восьмидесятых посещал семинар при Союзе писателей поэта Германа Гоппе. Много сил отдал фольклорному движению… Автор ряда книг о народной культуре, нескольких поэтических сборников и книг прозы. Создатель и руководитель (с 1993 года) «Театра народной драмы», а также – руководитель поэтического семинара при Союзе писателей России.

КАК Я СТАЛ ДЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Я сначала был просто писателем. Пишу себе прозу, пишу стихи – да и рад, что получается. Но потом как-то подумал, что каждый уважающий себя поэт или уж на худой конец прозаик – пишет для детей. Хотя, тут же подумалось, что и нет… Вот и не каждый - ни Блок, ни Клюев, например, для детей ничего не содеяли… Но, ладно, взял и написал. Не получилось… То есть получилось, конечно, - все там зарифмовано, всё профессионально, но я-то знаю, что ерунда – не настоящее… Это литературоведов обмануть можно, но не детей! И тут я понял, как грустно было Блоку.

Но прошли годы и появились у меня собственные дети – дочь, потом сыновья… И вот – все сказки рассказаны и книги прочитаны. И почти наизусть… Так как, когда читаешь в третий раз, скажем, Незнайку – то уже наизусть… И уже не ты Незнайку читаешь, а он тебя. И читает, и проверяет – а какой ты ни наесть родитель или там детский писатель.

Но я сначала стал детским художником. Ибо – просили… нарисуй, да нарисуй… И вот начались картинки. И стал я художником и картинки эти с помощью пластыря на стенку повесил. И уж места на стенах почти не осталось... И вот приходит как-то в гости знакомый художник – Борис Забирохин. Он хорошо детские книжки делал, и я его привлек картинки про кулачные бои нарисовать для моего взрослого журнала. И так его увлекла тема, так пластика народная поразила, что он не только гравюру сделал и но еще в масле огромный триптих сочинил. Но… это я отвлекаюсь.

Словом, пришел он и смотрит на обои, а обоев не видать. И говорит – надо на осеннюю выставку в ЛОСХ показать (и, кстати, все организовал потом – в рамки вставил и на выставку представил). И надо, говорит, теперь в Союз художников вступать… А тогда еще осколки советской власти держались и за копейки какие-то под мастерскую большие квартиры в старом фонде давали. Но пока то да сё – лавочка прикрылась

эта. А очень я рассчитывал, так как жили мы все в одной комнате. Но это я опять отвлекаюсь…

Да, в Союз художников я не стал поступать, а картинки не просто рисовал, а в стиле лубка – с подписями в стихах. Я, кстати, тогда студией народного творчества в доме пионеров руководил. И всё там преподавал – и резьбу по дереву и танец, и фольклор… И театр у нас там образовался… А живопись преподавал вот как: читал сказку или легенду, показывал лубки или иконы и пока читал – ребята рисовали, то, что читал. Никакой «натуры» на столиках не ставил. Ну, и сам что-то успевал… Так что помимо своих детей – меня еще два десятка других детишек слушало (и смотрело – что я там корябаю и калякаю). А потом выставку сделали – не в ЛОСХе уже, а в Доме пионеров. И вот на выставке у меня несколько картинок дети украли – так им понравилось. Ну, что же, подумал я – вот и хорошо. И решил, что пора издавать детскую книжку со своими стихами и картинками.

А тут услыхал где-то или вычитал - что, мол, возрождается журнал «Чиж» и «Ёж». Это где Хармс с Олейниковым, где Маршак с Введенским… Легендарные журналы тридцатых годов. Собрал картинки со стихами и поехал на Фонтанку…

О, какие поэты там работали, а какие художники – Юрий Васнецов, Евгений Чарушин, Владимир Конашевич и тьма других. Да ведь мы все на этих книжках выросли. Они, достойные продолжатели детской книги начала века, века серебряного – издательства Кнебель… Всем Кнебель хорош был (там еще и Билибин рисовал, и Бенуа…) но поэты серебряного века для детей - … ну уж как-то совсем слабо. Так, сказки народные печатали да прозу, декаденты несчастные. А вот настоящая поэзия для детей – это уже с двадцатых готов. Это уже Детгиз… (А еще – ведь вся наша замечательная мультипликация, как из гоголевской шинели – из этих книжек с картинками!) И на этих книжках 20-30-х годов, переизданных не раз (Чуковский, Хармс, Маршак…) мы и росли и в сороковые, и в шестидесятые, и в этом веке уже. И ничего нового ведь не придумали – ни поэты, ни художники! И неужели уж и не вклинится никак! Нет, быть такого не может! Ведь я не только своим детишкам писал-читал, но и перед широкой детской аудиторией выступал…Опять отвлекаюсь… Но, отвлекусь маленько. Дети 80-х и отчасти 90-х – всё знали. А вот в двухтысячных выступаю перед большой компанией. Все хорошо. И дети славные – плохих детей не бывает! Бывают плохие родители. Да, дети славные, но… Читаю Корнея Ивановича, читаю Даниила Ивановича, свои читаю – всё славно… Но когда спросил кто «Муху-Цокатуху» написал… Тут мнения разделились. Одни мальчик ответил, что – это Мойдодыр… А другой засмеялся, обозвал первого ротозеем, и сказал: - Нет, конечно, не Мойдодыр, а – Бармалей. Э-э-э, подумал я, что-то в Датском королевстве

не так! Но это я вперед забежал – в двадцать первый век. Ну, его, хоть бы и не наступал…

Итак, девяностые… Пришел я в Детгиз на Фонтанку… А тем здание характерно (и сердцу любо!), что обошли его денежные вливания и с довоенных времён ещё – никакого ремонту не наблюдается… Страшновато ходить: того и гляди с потолка пласт штукатурки - шлёп! – и перейдешь в разряд классиков! И действительно – там обвалилось и тут тоже, но пока без жертв… Но все эти старые стены, двери, коридоры дух минувшей поры содержат… А главное, вот на стендах запылённых - эти старые замечательные книжки. Лучше которых и в свете нет! А потому и кажется в полумраке, что вот тут из-за угла Маршак какой-нибудь или Хармс выскочит и отчебучит чего-нито… Или уж хоть Евгений Шварц, наконец. И вдвойне мне любо по коридорам этим, что вот иду к редактору «Чижа и ежа» возрождающихся и в сумке несу новые стихи, за которые перед Самуилом Яковлевичем не стыдно будет… Ну, пришел я… Пришел… Редактор оказался женщиной и вполне молодой… В духе девяностых. Забралась она с ногами на старинное кожаное кресло… До перестройки даже самая ярая антисоветчица так бы в кресло не села – советское воспитание не позволило б… Говорят, это в Лондоне Тэтчер так перед Горбачёвым уселась, и он сразу «Варшавский договор» сдал и войска с позором из всей Европы вывел… Эх, опять отвлекаюсь.

Ну, я отвернулся, чтобы не глядеть и свои стихи-картинки протягиваю… И тут же устно стал добавлять – я ведь пока шёл про Чижа и Ежа стал рифмовать. Но, что-то её не вдохновило – ступайте, мол, я позвоню обязательно… А если редактор говорит вам: «позвоню» - то… А тем более девушка говорит: «позвоню». Да вот такая, забравшаяся с ногами в кресло… То – «ждитя-ждитя», как сказали бы на Мезени.

А я уж губу раскатал… Тоже мне второй Хармс нашелся! Но нет худа без добра… сделал я из того, что нёс в ту пору на поклёвку Чижу, книжку «Донюшкины сказки», а через несколько лет и вторую – «Ландышевая страна». Валерий Николаевич Лялин сказал, что это лучшее, что есть теперь в детской литературе. А «Чиж и ёж» не долго прожили – не смотря на такое славное название и здание славное, и на то, что вот за поворотом где-то ходят Шварц с Хармсом… Не смотря на всё это – не помогло… Умер журнал. Жалко птичку…

Ну, что мой милый чижик,
О чем теперь грустить…

- как сказал Николай Гумилёв в 1909 году…

И если вам когда-нибудь случится бывать в этом старинном здании на Фонтанке - а Бог не дай там евроремонт произвести! - и если не пришибёт

там кого-нибудь упавшей штукатуркой и не закроет здание это какой-нибудь ГИОП или МЧС, или что-нибудь такое бармалееобразное и насекомоядное - то знайте, я тоже хожу там за поворотом, потому что где же мне ещё и ходить.

Из неизданных сочинений про чижа и ежа

Сказ о том, как чиж и еж

Издавали «Чиж и еж»

Я получил задание написать в стиле Хармса про чижа и ежа.

Хорошо, сказал я себе и написал:

- Чиж, а, чиж,
О чем молчишь?
- Ёж, а ёж,
О чем поёшь?

Но тут пришёл мальчик Ваня и спросил:

- А разве ежи поют?

- Не знаю, может и поют, когда никого в лесу нету. Но засомневался и написал иначе:

- Чиж, а, чиж,
О чем строчишь?
- Ёж, а, Ёж,
Куда гребёшь?

- Что же, - сказал мальчик Ваня, - чиж у вас стишки строчит, а ёж на лодке гребёт? Разве ежи на лодках плавают?

- Ну, грести можно и без лодки, просто так – лапками. - Сказал я, но снова взял ручку и написал:

- Чиж, а, чиж,
Куда летишь?
- Ёж, а, ёж,
Куда ползёшь?

- Вот, это дело, - сказал мальчик Ваня, - чижи летаю, а ёжики могут ползать. Только никакого толку у вас в стихотворении нет. Тут история должна быть, а так-то и я могу…

- Это верно. Так ведь я только начал и ещё ничего не сочинил. А ты вот вместо того, чтобы критиковать старших взял бы моё стило и написал сам! – тут мальчик Ваня запыхтел, сочиняя стихотворение, а я пока написал:

- Я лечу, лечу, лечу,
Залечить крыло хочу.
- Я ползу, себе ползу …

И тут мальчик Ваня закричал: - Приношу людЯм пользУ!

- Во-перых, не людЯм, а лЮдям, во-вторых, не пользУ, а пОльзу, а в-третьих, это ещё не история. Какая польза людям от ёжиков?

- Э-э-э, во-первых, они змей ловят, а во-вторых, люди про них много сказок сочинили. Положительные персонажи! – Тут я ничего возразить не мог и стал перебирать в голове все рифмы на «чижа»: пыхтишь, ворчишь, шумишь, - но все они были какие-то не весёлые. Потом, поднатужился и написал:

Как-то чиж и ёж, ребята,
Собрались издать журнал…
На ежовую зарплату
Не накопишь капитал…

- Нет, про капитал детям не интересно! - заметил мальчик Ваня.

- Да-да, в самом деле, не интересно… - согласился я. И вдруг кто-то промолвил:

- Много так не сочинишь! –
- Кто сказал? Да это – чиж!

И тут я заметил, что чиж и ёж незаметно присоединились к разговору и сами стали сочинять, а я едва успевал записывать:

- Чиж, а, чиж,
О чем молчишь?
- Сочиняю чижало…
- Ёж, а, ёж,
Ты что поёшь?
- У меня, дружок, пошло…
Я покушал ежевики,
Рукавицы снял и вот,
Целый день читаю книги,
Ну а в ночь – наоборот!
- Это как наоборот?
Объясните оборот?
- Сочиняю, сочиняю,
Забываю пить и есть, -
Ничего не сочиняю,
А рифмую все как есть!
Ну, а ты, товарищ Чиж,
Что до времени молчишь?
- Я молчу? Да я свищу!
День на ветках хлопочу,
Ну а в ночь рифмую строчки
И строчу без проволочки!
Даже дятел, мой приятель,
Что стучит и день, и ночь,
Он приятен и опрятен,
Но стихи постичь не в мочь!

- Ну а мы ежи, ежи –
Сочинять – хватай, держи!
Это даже невтерпёж,
Если что-то пишет ёж!
Ну, а вы то, чик-чижи,
Разве только чертежи?..
- Это мы-то, - молвил чиж, -
Ты, как я - не сочинишь!

И чиж тут же сочижил считалку… То есть сочинил счижалку… То есть – счижал лавры победителя и посмотрел на ежа уничижительно… Тот даже поёжился, но начал:

- Чижик-пыжик, где ты был?
Но чиж отвечал незамедлительно:
- Я в «Детгиз» вчера ходил.
Там, в журнале «Чиж и ёж»
Ты мои стихи прочтёшь!
Все узнаешь по стихам-с…
Подписался просто: «Хармс»! –
Ёж открыл в восторге рот –
Выпал на пол бутерброд.
- Ну, тогда летим в журнал!
- Поползли! - ежок сказал.
- На четвёртом этаже,
Ты ползи, а я уже!

И чиж залетел прямо в окно четвёртого этажа Дома книги, где была редакция «Чижа и ежа» и сел на стол, за которым сидели и разговаривали Николай Олейников и Даниил Хармс. В это время к ним на лифте поднялся и ёж. Его привёз Самуил Маршак, так как ёжик не доставал до кнопок в лифте своими лапками. Самуил Яковлевич положил ежа в шляпу, вынес из лифта, осторожно посадил рядом с чижом на стол главному редактору Николаю Макаровичу Олейникову. И сказал Хармсу:

- Я вот тут с утра пол стихотворения написал. У вас, Даниил Иванович, не найдется другой половины? – И начал читать:

Жили в квартире
Сорок четыре
Сорок четыре
Весёлых чижа…

- О-о, это стихотворение я уже знаю! – сказал мальчик Ваня. А ежик спросил:

- А ёжики у вас, где жили?

АЛЕШКОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
Набережные Челны

Родился 26 июня 1945 года в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтёром связи, электриком, битумоваром, диспетчером домостроительного комбината ПО «Камгэсэнергострой». Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького. В 1983 году Татарское книжное издательство (г. Казань) выпустило его первую книгу стихотворений «Запомни меня счастливым». В 1984 году был принят в Союз писателей СССР. В настоящее время – автор 14 книг стихотворений и одной книги публицистики и краеведения «Это в Тарловке было». Главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Почётный гражданин города Набережные Челны.

ПО ДОРОГЕ В БОЛДИНО

МУЖИК

«Кто воюет? Украина
И Россия – горе мне:
У меня убили сына
На гражданской сей войне.

Мне слезами боль не вылить,
Рукавом не утереть.
Сколько надо водки выпить,
Чтобы сразу умереть?»

Мистер Байден, пан Зеленский
Не ответят мужику.
Все в округе деревенской
Горько смотрят за реку:

Что ж так долго на распутье
Ждали мы, едрёна вошь?
Может быть, ответит Путин,
Ныне наш верховный вождь?..

К мужику придут соседи,
По пятёрке принесут,
Всем селом солдата Федю
В Божьем храме отпоют.

Донесут и до погоста
Парня в цинковом гробу.
Всё обыденно и просто –
Не пенять же на судьбу?

- Не блажи, Андрюха,- скажут,-
На жену-то посмотри:
Ей тяжельше, будь на страже,
Время лечит, в корень зри!

Горе матери безмерно.
Ей двоих ещё растить.
Он вздохнёт:
- Вот это верно!
А отцу – за сына мстить…

Пусть ещё не пролетели
Сорок траурных деньков,
Но мужик восстал с постели –
Даже в бой идти готов.

Он сказал в военкомате:
- Мне – полсотни. В самый раз!..
Помолясь на Богоматерь,
Он уехал Донбасс.

Где твой «фюрер», Украина?
С ним иду на смертный бой!

Он воюет там за сына
И за нас, читатель мой...

* * *

Виктору Буланичеву

На родине славно живётся –
Я здесь не чужой человек.
Когда же тропа оборвётся,
Отсюда и в небо – навек.

На родине трудно живётся.
Вокруг «то гульба, то пальба»*.

И в каждом из нас отзовётся
Всеобщая эта судьба.

В лучах фейерверков победных
Хотелось бы душу не злить,
И мир на богатых и бедных,
На добрых и злых не делить.

Сомкнётся над родиной бремя
И вновь закружит вороньё –
Хоть стар, но готов я со всеми
Идти на защиту её.

А в час, когда русское семя
Взрастёт в заповедно краю,
Отпраздную вместе со всеми
Победу в небесном раю.

_____

**Строка из стихотворения Булата Окуджавы*

ВЛАСТИТЕЛЮ

За песню соловья не упрекай!
По воле неба он не знает страха.
Есенин – божья дудка, а Тукай –
Курай Аллаха!

ПО ДОРОГЕ В БОЛДИНО

Снег в июне. Небо в тучах.
Провисают провода.
То ли нас природа учит,
То ли близится беда.
Не она ль бежит по следу?
У небес отмщенья зуд?
За ответом еду, еду –
Рельсы к Пушкину везут…
- Александр Сергеич, кто ты?
Сын гармонии? О, да!
Господа, откройте шпроты!
Верьте Блоку, господа!*
Кто сказал – все песни спеты,
И на сердце злая грусть?
Водку пьют в купе поэты

И читают наизусть:
«Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид?»**
Этой жалобой дорожной
Дуэлянт в десятку бил.
- Ах, как простенько о сложном
Пушкин с миром говорил!
И про то, что век ужасный
И ужасные сердца…
Но предчувствия напрасны –
У дуэли нет конца.
Все цари навек уснули.
В будке дрыхнет инвалид.
А дантесовская пуля
Всё летит, летит, летит…

**Имеется ввиду речь и статья Александра Блока «О назначении поэта»*
***Цитата из стихотворения Александра Пушкина «Дорожная элегия»*

ИМЕНИНЫ В БОЛДИНЕ

Наступит утро – радость будет.
Огонь сердечный не потух.
И снова Пушкина разбудит
Горластый болдинский петух.
Опять приехали поэты!
Светла планиды полоса!
Июньским солнышком согреты
Вокруг «Лучинника»* леса.
В его любимой, дивной роще
На миг замолкли соловьи.
- Ах, господа, пишите проще,
Как Белкин повести свои!
И благодатью Пушкин дышит,
К ручью студёному приник:
- Всяк слух имеющий услышит
Журчащий болдинский родник.
Ведь он и есть мой ключ Кастальский!
А в листьях ангел шелестит:
- Ты лучше б здесь навек остался,
Как барин наш и как пиит!

На летнем болдинском крылечке
Встречал бы к празднику гостей,
Зимою грелся бы у печки
С капризной музою своей.
Ты ей писал – как было б славно
С тобою вместе да с детьми
Жить здесь, Наталья Николавна,
С простыми русскими людьми…
Казалось бы – какая малость
Из уст её услышать – да!

- Всего три года оставалось
До Чёрной речки, господа…

**Лучинник – любимая поэтом роща в трёх верстах от болдинской усадьбы Пушкиных*

* * *

Зло мировое на прицел
Берёт с рождения поэта -
Покуда жив, покуда цел,
Покуда песня не допета.

Пусть Сатана наметил срок,
Неотвратимостью владея,
Но кто-то взял да уберёг,
Сместив прицел у лиходея.

Народ, отчизна - не заслон.
Надежда эта безответна...
Лишь ангел Божий, только он
Беду отводит незаметно.

Но Пушкин, Лермонтов? Вопрос:
Иль демон ангела сильнее?
Бог есть любовь. Распят Христос.
Вот истина. Пребудем с нею.

СЕКРЕТ ПОЭЗИИ

Александру Нестругину

Прост, как осенняя трава…
Уйди из дома
Искать волшебные слова –

Одно к другому…
Уединенье, речка, тишь –
Хоть плачь, хоть смейся!
Ещё мелодию услышь
Из поднебесья…

* * *

То одна беда придёт, то другая.
То царя, то президента ругая,
Мы живём иль выживаем на свете.
Кто мы? Овцы на лугу? Божьи дети?
Виноваты ли во всём демократы,
Или сами мы кругом виноваты?
Жизнь по солнышку: взойдёт и растает -
Ну чего тебе, чудак, не хватает?
Срок настанет и спрошу я у Бога.
Или Бог меня за всё спросит строго?

* * *

Диане Кан

Течёт река Волга
Под россыпью Млечной.
Я буду жить долго,
Я буду жить вечно.
А Волга впадает
В небесное море,
Вдали пропадая
И Млечному вторя.
И катится в вечность
Подобием Волги
Вся звёздная млечность,
А я – в самоволке.
Сижу, будто выпил
Вселенского зноя –
Из вечности выпал
На время земное…

* * *

Вдруг вспомнится перед сном,
И сердцу светлее станет,
Как женщина за окном
Мальчишку к себе поманит.

И лягут – в руке рука.
Что ж, парню пора приспела.
А женщина, как река,
Не знающая предела…
И ласки её волна
Иное откроет зренье,
Поднимет его со дна,
Открыв в небеса теченье…
Воспой же, моя строка
Власть женщины! Знамо дело –
Ведь женщина, как река,
Не знающая предела…

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ

Месяц в окошко свесится.
В тонком его луче
Даром небесным светишься
Ты на моём плече.
В веки былые, оные
Не разгадал никто:
Ночи мои бессонные
Рядом с тобой – за что?
Счастье – живое, зримое
(Выскользнет – не поймать) –
Ева моя любимая
Рядом – жена и мать!
Утречком… неумытая…
Вся ещё в сладком сне…
Тёплая и раскрытая
Снишься и снишься мне…

ВЕРНОСТЬ

Я не просил о верности – не надо…
Свободна ты – вот Бог, а вот порог!
Но будь всегда на расстоянье взгляда,
Чтоб от беды тебя я уберёг.

Так говорил я женщине когда-то.
Любил её. Боялся потерять.
И потерял. Она не виновата.
Мне на Земле её не отыскать.

Там, в небесах её мольба застыла.
Какую глупость я нагородил!
Она ***меня*** о верности просила,
А я свой взгляд стыдливо отводил.

* * *

Родом деревенский я мужик.
Где бы жизнь по свету не носила,
Родину люблю, ещё язык,
На котором мама говорила.

СВЯТОЙ КЛЮЧ

Играет луч с берёзовой листвой,
Бежит родник по жёлобу проворно...
Не бойтесь окунуться с головой -
В России все купели чудотворны!

* * *

Уединиться, никого не видеть…
Родных и близких только… Жить в лесу…
Душа взывает: «Я твой крест несу,
Не торопись грехом меня обидеть!»

* * *

Глазам открыт простор, и это душу лечит…
Ты вышла на крыльцо кормить озябших птах.
И тихий белый снег летит на шаль и плечи,
И тает на твоих ресницах и губах…

В ИЮЛЕ

Я отключён от интернета.
Я слышу песню соловья.
А счастье вот: макушка лета,
Родная речка, дом , семья…

* * *

Сестре Вере

Льётся дождик по крыше,
Прямо в память летит.
Дочь Петра и Мариши
Рядом с братом сидит.

Долго дождику литься
На родительский дом.
Будем Богу молиться
За хранимое в нём!

ИЗ ОКНА ВАГОНА

По дороге, взглядами скользя,
Кто-нибудь да скажет:
- Жить без грусти всё-таки нельзя
При таком пейзаже…
Друг ты мне или незваный гость –
Поклонись порогу!
А дорога – русская насквозь –
Вся открыта Богу.
Может всех простором одарить,
И печалью – тоже…
А о чём ещё-то говорить
Под приглядом Божьим?

ПОПЫТКА ВЕРЛИБРА

Выйдя к реке,
подумаешь вдруг,
что птичий язык Хлебникова
вряд ли
объединил бы всё человечество,
но, может быть,
научил бы нас
разговаривать с птицами,
с шелестом берёзовой листвы,
с ветром и облаками…

* * *

Предвестие дождя, как зазеркалье,
Надвинется, пугая и дразня.
Вот молнии по тучам засверкали.
Скорей домой – гром торопил меня!
Дом ждал меня, как панцирь ждёт улитку.
Всему свой срок. И, будто по часам,
Я отворю знакомую калитку –
И хлынет дождь. И - слава небесам!

О БЕЗМЕРНОСТИ

Беседую с юнцами,
Свои считаю дни.
Свожу концы с концами.
Сойдутся ли они?

- Душе поможет вера
По жизни крест нести…
- Во всём должна быть мера –
Безмерность не в чести…

- Добро не знает меры.
- Не знает меры зло.
- Добро и зло – химеры?
Куда ж вас занесло?!

Вам шанс родиться выпал,
А родина – причал.
Свобода – только выбор
Меж вечных двух начал.

Сквозь все земные сферы
Даётся неспроста:
Ни в чём не знают меры
Любовь и красота.

Печальна жизни повесть,
Но в ней резоны есть,
Когда безмерна совесть.
Когда безмерна честь.

Мораль читать не буду…
Мелькнув звездой в судьбе,
Пусть женщина, как чудо.
Откроется тебе.

Упало в почву семя.
Цветок раскрыл бутон.
И лепестками всеми –
Смотри – прекрасен он!

Без чьей-то доброй воли
И тут не обошлось.
Безмерно жизни поле:
И ты сомненья брось!

Шагай тропою верной,
Поскольку Богом зван!
Твоя душа безмерна,
Как Тихий океан…

* * *

Господь свою милость опять показал –
Я радуюсь этому, словно мальчишка.
Стишок сочинил по дороге в Казань.
Ещё бы с десяток и – новая книжка!

А с книжкой поздравят друзья и жена –
Она же, как принято, муза поэта.
И верить приятно, что будет нужна
Кому-то ещё вся грамматика эта…

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Уходят поэты, чьи песни не спеты.
Уходят поэты один за другим.
Уходят в закаты, уходят в рассветы –
Там лучше, чем в жизни, наверное, им.

Морозова Гену окликнуть охота,
Лимонову Инну обнять, как сестру.
Мы в русской поэзии просто пехота,
Мы словом заветным служили добру,

За каждую букву ответствуя лично
Тому, кто стоит у начала начал.
Мы были готовы к тому, что трагична
Дорога, которую Блок завещал…

Из их поднебесья ни слова, ни звука…
Дано ль там открыться певучим устам?
И знать невозможно – долга ли разлука?
И вовсе неведомо – встретимся ль там?

* * *

Зашевелился Ленин в мавзолее.
Сенсация! Зюганов тут как тут:
- С тобой, Учитель, станем мы смелее,
И к власти вновь большевики придут!

И был ответ сквозь дрогнувшее веко:
- Чем в камне гнить, уж лучше к палачу!
Похороните, суки, человека –
Быть истуканом больше не хочу…

НАСТАВНИКИ

Среди **и**збранных много незваных
Затесалось. Всяк – кум королю…
Был я в Болдине, был я в Тарханах,
И пройтись по Кырлаю* люблю.
У Есенина был, у Рубцова,
И поеду, даст Бог, к Шукшину.
И моё сокровенное слово,
Может быть, прозвучит на страну.

Не печалюсь об этом, забота
Не моя – расставлять по местам.
Пусть незваные, если охота,
Шебуршат по углам тут и там.
Я наставников слушаю – счастлив
Угощаться с куста черемшой!
Мне достаточно этих причастий -
Вслед иду со спокойной душой…

* *Кырлай – родина Габдуллы Тукая*

* * *

Какая есть – другой судьбы не надо.
Я жизнь прожил на родине своей
Среди родни, на расстояньи взгляда
Друзей, любимых и учителей…

ПРИЗНАНИЕ АКТЁРА

памяти Виктора Дмитриева

Захочу – и запл**а**чу, захочу – хохочу!
Извините – за это я судьбою плач**у**…

ПОЭТ

Одни живут в низине,
Другие на холме.
А я меж них – разиня –
Живу в своём уме.
И должен быть готовым:
Вдруг немота – стеной!..
То ль я владею словом,
Оно ль владеет мной?

* * *

Солдатам воевать, а пацифистам злиться:
Мы ко всему привыкли на Руси…
Воюют наши – нам за них молиться.
И ждать, и верить. Господи, спаси!

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Мне есть что спеть
Владимир Высоцкий

1.
Мне семьдесят, но я ещё не стар…
Когда-то я умел держать удар -
Слыл драчуном в Орловке не последним,
Мог успокоить правым боковым
Соперника ударом роковым
На школьном ринге в весе полусреднем…

2.
Мне семьдесят, но я ещё не стар.
Я всё ещё могу держать удар
В баталиях словесных битв и трений.
Бой с тенью – это бой с самим собой.
С самим собой, но вовсе не с судьбой.
Судьба, она всегда хороший тренер.

3.
Всю жизнь воюя с собственною тенью,
Я научился всё-таки терпенью.
Покаяться пора и за грехи.
Но разве же не исповедь – стихи?

4.
Мне семьдесят, но я ещё не стар.
Ещё возможен «гибельный пожар»*
В моей – хирургом резаной – груди.
Ах, Эрос, с искушеньем погоди!
Познав любовь, знать не желаю блуда!
Я вас любил, Светлана, Катя, Люда!
И повторить, признаюсь, был бы рад
И счастья хмель, и боль земных утрат…

5.
Мелькнёт былое тенью полушалка…
Меж двух сердец звенящую струну
Не рвите, люди, пошлостью – кляну!
Любовь, когда и жизнь отдать не жалко
За Родину. За маму. За жену.

6.
Ещё пишу крамольные стихи.
И верю, что прощаются грехи.
Я никого не предал, не убил.
Я жизнь любил. Я Родину любил.
И до сих пор, покуда хватит сил
Люблю всё то, что в детстве полюбил,
Оставшись верным Дару и Кресту.
Мне есть что спеть Учителю – Христу.
Бог есть Любовь. Любовь есть Божий дар.
Мне семьдесят, но я ещё не стар.

7.
Ещё раскрыла записная книжка
Мне семьдесят. Я всё ещё мальчишка.

_____
** Цитата из Александра Блока*

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

ЛИТЕРАТОРОВ БОБРУЙСКА

РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бобруйское городское отделение писателей Белорусского литературного союза "Полоцкая ветвь" было создано в ноябре 1995 года. Одним из организаторов отделения был поэт, автор 19 книг и развивающих пособий для детей дошкольного и младшего школьного возраста, Председатель Совета Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» Леонтьев Владимир Иванович. В литературном отделении состоит двадцать один член Белорусского литературного союза и двенадцать членов литературного клуба "Солнечные нивы". В литературном клубе обучаются стихосложению, изучают правила и ритмические основы стиха, участвуют в проводимых литературных конкурсах, и наиболее подготовленных кандидатов рекомендуют для вступления в Белорусский литературный союз.

Городское отделение организует и проводит много различных литературных мероприятий, таких, как встречи со школьниками и студентами учебных заведений, устраивает поэтические мероприятия с жителями Бобруйска в библиотеках города, в Районном центре культуры, Городском дворце искусств и других городских площадках.

Самое знаковое ежегодное городское мероприятие - Региональный литературный фестиваль "Звучанье русского стиха", который приурочен ко дню рождения А. С. Пушкина и проходит в начале июня, с обязательным посещением деревни Телуша, где много лет жила внучка Александра Сергеевича Натали Воронцова-Вельяминова, и где находится её могила. В рамках фестиваля, в котором участвуют поэты из многих городов Белоруссии и их российские коллеги, проходят Пушкинские чтения.

В 2023 году в Бобруйске пройдёт 4-й литературный фестиваль «Звучанье русского стиха», на который приглашаются все, кому дорог великий русский язык и живое поэтическое слово.

АГРАНОВИЧ ЮЛИЯ НАУМОВНА
Бобруйск

Родилась 11 мая 1958 года в городе Бобруйске. Окончила Гомельский политехнический институт. Работала на заводе Бобруйскагромаш. Стихи пишет с 1995 года. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Стихи были напечатаны в сборниках стихов: «Бобруйский след», «Негасимый свет», «Антология 1994-2009 годы», «Бобруйский почерк, «Память храним…», «Крылатым росчерком пера. Цитаты и афоризмы в катренах бобруйских поэтов», совместно с Виктором Буселем «Диалоги о любви», «Перекрёстки времени». Является составителем сборника стихов Виктора Буселя «А между строк твоя душа». Автор сборников стихов: «Осколки души», «Всё лучшее ещё произойдёт», «Любить», «А вдруг любовь?».

ГОРОД МОЙ

Разный – невысокий и значительный,
И старинный ты, и молодой,
Город мой, родной и удивительный,
Я люблю тебя! Горжусь тобой!

Люди здесь простые, работящие.
Жизнь порой не сахар, и не мёд,
Но зато тут люди настоящие.
Город наш им силу придаёт!

Он врачует души обаянием
Тихих улиц, милых площадей,
И густым зелёным обожанием
Парков без амбиций и затей.

Сильная была я и неспешная,
Без желаний, света и огня.
Всякую – святую или грешную,
Город мой, ты принимал меня!

Тем и хороша земля родимая,
Что без лишних слов и суеты,
Примет всех и назовёт по имени,
И построит нужные мосты!

Каждый день жить начинаю заново,
И латаю в бедном сердце брешь.

Город мой - сиреневый, каштановый,
Никогда ты мне не надоешь!

ЧАЙНАЯ РОЗА

Проходит ночь, и тают грёзы,
Уже светлеют небеса,
Как бриллиант горит роса
На листьях бледной чайной розы.
Не зная радостей иных,
Колючим станом безупречна,
Капризна роза и беспечна,
Купаясь в росах медвяных.
И что ей суета мирская?
Несуетлив её мирок…
Её колючий стебелёк
Лишь ветер иногда ласкает.

*** * ***

В тончайших гранях волшебства,
Изменчивости, постоянства
Любовь являет чудеса
И заполняет всё пространство!

И тот, кому дано любить
Узнает тайны и секреты,
И будет Ариадны нить
Вести из лабиринта к свету.

Цветок волшебный расцветёт,
Умолкнут птицы, стихнет ветер…
Влюблённый человек поймёт:
Он не один на белом свете!

И станет воздух чист и пьян!
И каждый звук, и шорох значим!
А у калитки «злой» бурьян
Приметой доброю назначен!

Чудесный миг, счастливый час
И нежное прикосновенье,
И весь огромный мир - для вас!
Ты счастлив этим озареньем!

То раб любви, то господин.
Примеришь роли те и эти…
Но, главное – ты не один,
Ты не один на белом свете!

* * *

Давно ищу заветную строку,
Которую запомнят наизусть,
Порой совсем себя не берегу
И тратить свою душу не боюсь.
Но, иногда, закрыв ночную дверь
И ощутив всем сердцем пустоту,
Я жалобно завою, словно зверь,
В кромешном, заблудившийся аду!
Я стану тихо Господа молить,
В руках дрожащих комкая платок
И глупо от угла к углу ходить,
И стены вопрошать: «За что? За что?»
Забьюсь под одеяло, на кровать
И спрячу под подушку телефон,
Ворчливо станет чайник клокотать
И кот мурлыкать песни в унисон!
А старый фильм, уже в сто первый раз,
Покажет мне красивую любовь
И я поверю… В этот самый час
Наступит время искренних стихов!
А завтра будет снова жизнь-река…
Душа открыта, только что в конце?
Быть может та, заветная строка?
А может лишь морщинки на лице!

ИЛЛЮЗИЯ

Это лишь иллюзия такая:
Розовое утро, дикий пляж,
Смуглая красавица нагая,
Пальмы, море, райский антураж.
Где-то далеко, на горизонте
Белый парус лодки небольшой,
Ласковое утреннее солнце,
Нереальный, сказочный покой.
Тишина запуталась в ресницах,

Тишину качает на волне,
Только слышно как щебечут птицы
В этой первозданной тишине!
И порхают бабочки беспечно,
Сладко пахнут дивные цветы,
Жизнь тиха, нетронута и вечна
На чудесном острове Мечты!
Вот она, иллюзия какая!
Мир утратил райский антураж,
Лишь во сне по острову шагаю,
Где реален сказочный мираж!

НОЧНАЯ СТРАННИЦА

Плывёт луна – ночная странница,
Дневные беды позабудь…
За нас печалится печальница,
Ночами освещает путь.
Струится с неба свет загадочный
На землю тихую мою.
В сиянье этом дивном, сказочном
Сама себя не узнаю!
Я за тобой шагну решительно,
Меня ты только позови…
Такие ночи восхитительны!
Такие ночи для любви!
И мы, садами соловьиными
Пойдём с тобой – рука в руке!
Над серебристыми долинами
Услышим песню вдалеке!
Зачем же нам страдать и маяться,
Когда на улице весна?
Пускай печалится печальница,
Ночная странница – луна!

ПОЗДНЕЕ СЧАСТЬЕ

Осенние дожди наводят грусть,
И метят наши души грустной меткой,
А солнышко бывает очень редко,
Мы знаем нашу осень наизусть.

И принимая правила игры,
Молчим порой тоскливо и тревожно.

Прошу тебя жить тихо, осторожно,
Идём с тобой «не в гору, а с горы».

Как жаль - мы поздно встретились! Как жаль!
Но я люблю и благодарна Богу!
Он осветил нам позднюю дорогу,
И утолил осеннюю печаль!

Смеёмся, плачем…Важен каждый взгляд
И каждое мгновение простое:
И дождь, и снег, и солнце золотое,
Ещё один рассвет, один закат.

Пусть будет всё – и лето, и весна,
И робкая задумчивая осень.
Сравню твои глаза и неба просинь,
И выпью счастье позднее до дна!

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Где ромашковое поле
У излучины реки
Мы гадали, обрывали
На ромашках лепестки.
Солнце яркое светило
И казалось мне тогда
Ты любил и я любила,
Будем вместе навсегда!
В поле потерялся ветер,
Небо в белых облаках,
Почему ты не ответил
И запутался в словах?
Но любви напиток сладкий
Отрывал нас от земли.
Счастья целую охапку
Мы с собою увезли .
Поцелуи, запах мяты
Дни счастливые зовут
Эх, вернуться бы обратно
Хоть на несколько минут!!!

СОН НА ДВОИХ

Сон один на двоих нам приснился сегодня:
Открывались границы, поднимались мосты,
Пела птица в ночи - всем известная «сводня»
И под вальсы Шопена распускались цветы!

Воздух сладкий, как мёд, нас окутывал негой,
И луна в небесах, словно яркий ночник.
А густая трава нам была оберегом
И журчал, и гремел у дороги родник.

Мы с тобой в облаках странной птицей парили,
Нас несли над землёй на двоих два крыла.
Ты меня обнимал, мы друг друга любили,
А волшебница - ночь в звездной лодке плыла.

Ах, как сладок был сон! Как крепки его нити!
И стучали сердца, словно били в набат.
Отыщите меня! Наяву отыщите!
Пусть в счастливой судьбе будет сон виноват!

СЧАСТЬЕ МОЁ

Мой каприз, лебединая песня,
Недосказанность и мечта,
Птица яркая в поднебесье,
Нереальная высота.
Ты моя тишина на рассвете,
Глупость, нежность, молитва, укор!
Ты - письмо в пожелтевшем конверте,
Неоткрытое до сих пор…
Лодка хрупкая у причала,
Знак таинственный у тропы,
Мой конец и моё начало!
Лист последний в книге судьбы!
Нет теперь ни минуты покоя,
Есть работа душе и уму…
И за что же мне счастье такое?!
Не пойму…

ПОТАПОВИЧ ТАТЬЯНА
Бобруйск

Родилась 13 февраля 1968 года в г. Бобруйск. Закончила СШ № 9 и Бобруйский автотранспортный техникум в 1985 году по специальности: «Бухгалтерский учет в промышленности». По распределению работала бухгалтером в Чигиринском лесничестве Бобруйского лесхоза. В 1992 году закончила Гомельский Государственный Университет им. Ф.Скорины по специальности: «Экономика труда». С 1987 года работает на ОАО «Управляющая Компания Холдинга «Бобруйскагромаш» бухгалтером. Член ОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» с 2013года. Печаталась в коллективных сборниках: «Ностальгия по настоящему…», «ЛитЭра № 8», «Есть только миг…», «Славянская лира-2014, 2015, 2018», «Наедине со всеми…», «Бобруйский почерк», «Восторг души 2016, 2017, 2018», «Есть у каждого из нас тайна…», «Новые сказки VI», «Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру…», «Откровение 2017, 2018», «IV Межпортальный поэтический конкурс «Остров сокровищ», «Весь мир на ладони…», «Золотой томик поэзии», «Формула осени», «Хранители природы», «II Международная литературная премия «Перископ – 2018» (лучшие стихи и рассказы)». «I Международная поэтическая премия Фонарь – 2019 (лучшие стихи)», «V Межпортальный поэтический конкурс «Остров сокровищ», «Интереальность – 2019» и др. Автор сборника стихов «В плену иллюзий». Живет в г. Бобруйск.

ПАРИЖСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Оживлённый парижский квартал –
ручейки любопытных туристов,
суета… У кафе ворковал
о любви с октябрём золотистым
поседевший старик, и дома
улыбались, кивая тактично:
незаконченный милый роман…
Бомж дремал, к суете безразличный,
обнимая послушного пса.
Хорошо им спалось: не мешали
ни прохожие, ни голоса,
ни галдёж воробьиных баталий.
Жизнь бурлила, но шумный поток
растворялся, внезапно стихая,
в подворотнях… В цветах уголок
на балконе дрожал, словно заяц,
на ветру ароматной копной…
Для любого романтика мира
в этой строгости, чуть напускной,
есть любимое место. Вальсируй
вольной птицей сегодня, река.

Беспокойный денёк… Тишину ли
люди ищут в Париже? Тонка
с прошлым связь у изысканных улиц…

ТОЧКА НА КАРТЕ ПАРИЖА

Сердечным тайнам нет числа,
Париж наполнен ожиданием,
а счастье так призрачно…
- Прошу тебя, услышь,
Стена любви... Об этом просят часто.
И я шепчу чуть слышно в тишине,
закрыв глаза, ладони прижимаю
к словам признаний на стене сильней,
с надеждою услышать «я …. кахАю*».

Вдали от надоевшей суеты
поверю, наконец, в земное чудо:
Стена Монмартр** избавит от пустых,
тревожных мыслей. Скоро я забуду,
не только я, как худо быть одной.
Возможно, начиталась глупых книжек.
Убеждена и с тем вернусь домой –
просила о тебе не зря в Париже…

** «люблю» на белорусском языке*
***Стена Монмартр (стена любви) – это одна из достопримечательностей Монмартра, где написаны слова «Я тебя люблю» на 311 языках, включая даже шрифт Брайля для слепых.*

МИР, В КОТОРОМ НТ МЕСТА СЧАСТЬЮ

Безрассудно свела нас осень,
ожидая исход украдкой.
В твоей повести опечаткой
я осталась – рыжеволосой.

С безнадёгой дружить непросто:
забываешь порой про ужин,
безразлично – здоров, простужен…
Одиночество – перекрёсток.

А куда повернуть? Не знаю.
Беспорядочно мысли кружат…
Горький опыт моих подружек
лишь помехой, их боль иная.

Не даёт отключиться память –
потерять бы её на время.
А к соседке приехал немец –
дом украшен теперь цветами.

Она светится и удачей
называет билет в Ганновер.
Согласилась на ряд условий:
Хельмут – в возрасте и невзрачен.

В серой жизни нет места счастью.
Почему? Не ищу ответов.
Мир пыталась покинуть – меткой
шрам горит на моём запястье.

Слов не помню твоих, пустое –
вспоминать яд последней фразы.
Не приснился ты мне ни разу.
Снов не вижу, полгода строю

увлечённо воздушный замок
в тишине предрассветной дымки.
Наше прошлое – в старых снимках…
«Всё пройдёт», - обещала мама.

КРАДЕНОЕ СЧАСТЬЕ

День засыпает в ногах котёнком,
тихо мурлычет и жмётся ближе.
Тщетно пытаюсь укрыться тонкой,
глупой надеждой, что не увижу

этой, сводящей с ума, улыбки,
линий на нежных твоих ладонях…
Знаю, мечтанья – фундамент зыбкий.
Мы незаметно друг в друге тонем.

Разногляденьем не склеить части,
встречи всё реже, мне нужен кто-то…
Чувство вины заменяя страстью,
я заполняю тобой пустоты.

ВЧЕРАШНИЕ СОМНЕНЬЯ

Темнеет, в беседке опять сходка местных котов…
Грущу и на скорую встречу уже не надеюсь.
Быть рядом хотела б, но чувствую – ты не готов.
А здесь умирают мечты… По продрогшей аллее
ватагой спешит молодёжь – ей дожди нипочём.
Тоскуем вдвоём с рыжей таксой – нашлась у аптеки,
с надеждой уткнулась мне носом холодным в плечо…
Не ест без тебя, безразличны совсем сыр и крекер.

Зачем постоянно шуршит в тёмной комнате мышь
моих колебаний и страха пить чай в одиночку?
Ты скоро вернёшься с вопросом: « К себе пригласишь?»
А впрочем, не время спешить ставить жирную точку!

Пусть день виновато глядит и рыдает дождём,
и ночь не сулит фейерверков и радостной встречи,
я знаю, уверена в мире далёком, ином
ты помнишь о нас… Почему-то от этого легче.

Звонок прохрипел как простуженный… снова – не сон:
стоишь, улыбаясь, с букетиком нежных ромашек.
- Ждала? Вот приехал, – от счастья стал мир невесом…
- Считала минуты, соскучилась аж до мурашек!

Остыл незаметно заваренный с вечера чай,
внезапно умолк ненадолго восторженный шёпот…
Зачем сомневалась? Скучающий первый трамвай
по улицам сонным ворчливо вдоль сквера прошлёпал.

ОСЕННЯЯ ИСТОРИЯ

Осенняя морось стекает в минуты,
Привычно состав по накатанной мчится.
Мужчина на встречу стремится как будто,
Она направляется тоже в столицу.
Мелькают пейзажи: печальная осень
Хозяйкой, без пауз, листает картинки.
Устало уныние поезд уносит,
На окнах одна, две… танцуют дождинки.

Судить, кто возьмётся, случайна ли встреча?
Они не заметили сразу друг друга:

Холёный красавец привычно беспечен.
А женщина явно не «барского» круга:
Ершистая внешне, взгляд строгий и острый,
Не верит давно, что сближаются души.
Вечерний перрон – заколдованный остров
Запутал сюжет, ход событий нарушил.

Причина смешна, опоздали нежданно,
Пустынный вокзал неприветливо-хмурый...
Сроднил равнодушный, чужой полустанок
Двоих (очень разные были натуры).
В какой-то момент отступила тревога,
Смешались мечты, ожидания, краски.
Гремящий трамвай подсказал им дорогу...
И женщина снова поверила в сказку,

Раскрылась в ответ на шутливые фразы,
Сомнения смело оставила в прошлом.
Попутчик её разглядел, пусть не сразу,
А вечер дождливый стал просто хорошим.
Внезапно сбежала прочь «серая мышка»,
Не нужно робеть, чтоб фортуну потрогать...
Её покорил бесшабашный мальчишка!
А много ли надо для счастья земного?

НАПОМНИЛ ДОЖДЬ…

Дождями размыто немало сюжетов,
От прошлого в памяти - только детали.
Мужчина спускается вниз к парапету,
Привычно задумчив... Несчастен? Едва ли.
В быту всё в порядке: дом - полная чаша -
Картинка из фильма «Счастливые будни»,
Гора отутюженных чистых рубашек,
На фирме растущей - ведущий сотрудник.
В семействе - отлично: два сына - студенты,
Дочь радует (в маму!) - модель и спортсменка.
Дни мчатся, лишь мельком - цветы, сантименты...
У счастья земного хватает оттенков.
Но где-то в душе зреют крохи сомненья:
Друзей растерял, не нашёл настоящих.
Всегда не хватало живого общенья,
Мечтал о свободе и чувствах пьянящих...

Смятенье растёт. Успокоить бы… Нечем -
Красивый «рисунок» не радует больше.
Он изредка парк посещает под вечер,
Стоит у реки, вспоминая промокший

До ниточки плащ и девчонку смешную,
Бегущую следом, шум летнего ливня,
Вкус первых надежд, новизны, поцелуя,
Случайные ссоры в порыве наивном.

Улыбка в ответ на дешёвый браслетик,
Веснушки, глаза и восторженный шёпот...
Взрослеют мгновенно беспечные дети,
Обиды неловко пытаясь заштопать.

Танцуют дождинки легко и задорно,
Пугая, спешащих укрыться, прохожих.
Напомнил мне дождик - малец беспризорный:
«Мы были с тобой удивительно схожи».

С зонтами кружась, убежишь, непоседа.
Исчезнешь опять, нагулявшись по крышам.
Домой я сегодня счастливый приеду:
Весёлый твой смех в шуме капель расслышал.

И Я СМОГУ…

Разложена вся жизнь моя по полкам
психологом в столичном центре «Плюс»:
ранима, до безумия боюсь
мышей, своих желаний, кривотолков.
Пытаюсь безуспешно стать счастливой
здесь, дома, не в какой-нибудь Москве.
Проблемы гроздью зреют в голове,
питаясь всевозможным негативом.
Напасти собираю враз, и лихо
в сомнения укутавшись с утра,
бегу… Зачем листки календаря
роняет год, не предвещая тихой,
улыбчивой как радуга минуты?
Мечтой пугаю серость и хандру,
когда-нибудь я их перехитрю…
Стучит в окно нахально холод лютый

потёртостью очередной потери.
Судьбой запущен стартовый отсчёт…
Пусть счастье незабудкой прорастёт
во мне. И я смогу тебе поверить,
сорву бесстрашно якорные цепи
тревог – так дальше жить невмоготу.
В кострище – Ахиллесову пяту…
А ветер разнесёт белёсый пепел.

НЕУГОМОННЫЙ СЕМЁН

Не стоит надеяться на случай. Хочешь жить нескучно? Тогда сделай всё для этого:

1. Забудь о правилах и нормах.
2. Найди новое увлечение.
3. Поменяй окружение лучше полностью.

Не веришь? Тогда обо всём по порядку. В 26 я вдруг поняла, что ничего интересного в моей жизни давно не происходит. Дом и работа – конечные пункты моего ежедневного маршрута. Это просто порочный круг какой-то. Каждое утро просыпаешься под рёв телефонного будильника, не проснуться от которого может только старый, полуразложившийся труп. А дальше… Не стану перечислять список из перечня «Всё как всегда», думаю твой мало чем отличается от моего.

Мысль о необходимости пересмотреть жизненный уклад пришла неожиданно в минуту резкого торможения маршрутки во время очередной незапланированной остановки. И также невежливо повисла в накалённом от возмущения, спешащих по делам пассажиров, воздухе. Решение пришло только во время обеденного перерыва. Оно было гениальным. В этом я теперь уверена на все сто! Необходимо начать с начала – заменить будильник. Оказалось, что в торговом центре, расположенном напротив окон моего ежедневного заточения, этих будильников несметное количество от обычных механических до мелодичных электронных. Но я ведь искала особенный!

Он нашёлся только через несколько дней упорных поисков в интернете, на сайте «Из рук в руки», и оказался говорящим. А почему бы и нет? Такого у меня точно ещё не было. Несколько дней не происходило ничего необычного, возможно, пристально присматривался ко мне. В субботу он заговорил впервые в неурочный час. Это произошло в то время, когда я неспешно доедала омлет и слушала последние новости самого сладкого радио страны «Зефир».

- Хозяйка, ты собираешься так просидеть весь день?

Оглянувшись, я подумала, что мне всё показалось. Но тот же голос повторил:

- Ты собираешься так просидеть весь день, или…

- Есть предложения? – резко ответила вопросом на вопрос.

- Есть, но для начала приведи себя в порядок, - мне стало не по себе.

«Неужели это то, о чём меня предупреждал бывший владелец? Не может быть! Будильник не знает, что для меня лучше и чем я должна заниматься».

- Что застыла? Начни с зарядки. Надеюсь, тебя не нужно инструктировать на этот счёт? – по спине пробежали мурашки, но я взяла себя в руки и спросила:

- Велотренажёр подойдёт?

- Несомненно, садись и крути педали без остановок. Я сообщу, когда можно будет закончить.

«Тиран, а голос-то какой командный! И где только такие производят?» - мысли просто атаковали мою удивлённую голову.

- Разговорчики! Бегом к тренажёру, а то включу сирену, и соседи сбегутся на пронзительные звуки. – Голос стал угрожающим.

Пришлось подчиниться. Спорить с ним, видимо, бесполезно. Через 30 минут усердных занятий будильник наконец-то произнёс:

- А теперь в душ и поторапливайся!

После душа моё настроение улучшилось. Не дожидаясь очередных указаний, я просто сбежала из дома от назойливого Семёна, так называл его предыдущий хозяин. На улице было хорошо, люди казались такими милыми. Хотелось просто идти и вдыхать беззаботный аромат выходного дня. Как давно я не прогуливалась так неторопливо и с удовольствием. Вокруг кипела жизнь: в песочнице малыши что-то усердно строили, с восторженными криками пролетали подростки на велосипедах, на лавочках в сквере о чём-то оживленно беседовали старушки… А я наслаждалась этим летним, ничего необыкновенного не предвещающим, утром.

Из этой лёгкой эйфории меня вывел телефонный звонок. Номер не определился. «Странно, кто бы это мог быть? Обычно в субботу утром меня никто не беспокоит», - подумала я, но ответила:

- Алло!

- Она ещё томно аллокает! И где тебя носит? – голос Семёна нельзя было спутать ни с чем.

- Дышу, а что? – я начала неожиданно для себя защищаться.

- Прекращай, через полчаса начинаются занятия по английскому, - ошарашил будильник.

- Какие занятия? – вопрос остался без ответа. Домашний монстр отключился, а перезванивать было некуда. Пришлось возвращаться обратно, репетитор ведь не виноват, что Семёну вздумалось заняться моим образованием.

С этого злополучного субботнего утра всё и закрутилось. Незаметно новый жилец, которого я сама принесла в свою тихую, свободную от шума и споров квартиру, стал местным тираном. В доме ничего не происходило без его активного участия. Моя жизнь изменилась, она стала насыщенной и интересной: по воскресеньям – бассейн, по понедельникам и четвергам занятия танцами, по вторникам и субботам – английский, а в пятницу я продолжала встречаться с подругами в клубе или каком-нибудь другом месте, чтобы пообщаться и весело провести время. Хоть на этот вечер Семён никогда не покушался.

Для домашних дел оставалась среда. По средам будильник был особенно беспощаден, указывал, что и как я должна делать. Но тратить время на то, чтобы его переубеждать было бесполезно. Безропотно с ним соглашалась. К моему удивлению, он во многом оказывался прав. Откуда знал столько всего нужного и полезного? Это оставалось для меня загадкой. К тому же всегда был в курсе моих планов и постоянно лез с советами. Семён, наверное, был опытным телепатом или каким-то образом подслушивал мои телефонные, и не только, разговоры? В общем, вопросы накапливались, а ответы оставались вне зоны доступа.

К удивлению коллег я очень скоро начала прогрессировать в английском, который безуспешно пыталась освоить уже несколько лет. Регулярные занятия танцами и плаванием сделали мою фигуру подтянутой. У меня появилось много новых знакомых, у которых постоянно чему-нибудь учусь. От кавалеров теперь нет отбоя. А на последнем корпоративе даже шеф заметил, что я неплохо двигаюсь не только под зажигательные ритмы, но и под медленные лирические мелодии. Уже полгода на занятиях по понедельникам и четвергам танцую с постоянным партнёром. И прекрасно понимаю, что без зануды-будильника никогда бы не встретила своего жениха Дмитрия. Сегодня мы решили попробовать жить вместе, а в субботу он переезжает ко мне.

Семёну я обо всём рассказала, и в пятницу вечером с ним идём в ресторан, где мы с подругами решили отметить предстоящее событие. Он мне так и заявил:

- Пришла пора сменить хозяйку. Надо заняться одной из твоих подруг.

Ну, что на это можно возразить? Я девчонкам плохого не желаю. Да и они уже давно хотят с ним познакомиться.

КОВАЛЕВИЧ ЭММА
Бобруйск
Родилась в 1966 г. в Брестской обл. Стихи пишет с 2006 г. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Выпустила два сборника стихов и афоризмов «Строки» и «Между прочим…». Живет в городе Бобруйск.

* * *

Продаю говорящую рыбу!
Говорит, говорит – без умолку!
«Ах, какой замечательный выбор!».
«Ах, как мало от выбора толку!».

* * *

Поглубже копайте, копайте скорей –
Есть шансы до клада добраться!
…Но если уже вы в глубокой дыре,
То дальше не стоит копаться...

* * *

В суете пропускаем прологи
И читаем с последней строки.
…Коль во всем виноваты дороги,
То зачем нам тогда дураки?

* * *

За подгнивающим забором
Не стоит прятать все от глаз,
А то обрушится с позором
И выдаст нулевой запас.

* * *

Что-то не так, где-то не так.
Хочется взять и руками сломать!
Только не место, только не срок…
Не нужно руками – возьми молоток!

* * *

Губка грязь впитает враз.
И отдаст обратно грязь.

Вот такая вот система:
Что впитал – о том и тема.

* * *

Три желанья непременно
Загадаю, буду рад:
Миру – мир, любви – вселенной
И желать не всё подряд.

* * *

Стужа в поле, вьюга в поле,
Все – сплошная круговерть.
И не слышно даже боли,
Если песни громко петь.

* * *

Успех имеет свой секрет:
Без поражений нет побед.
А торопливым знать неплохо
О связи выдоха и вдоха.

* * *

Когда устанет тело изощряться,
Пойду к душе прощения просить:
Ей так хотелось жизнью наслаждаться,
А приходилось тело сторожить.

* * *

Равнять все то, что не равняется,
Какой же это тяжкий труд:
Те, кто повыше, не сгибаются,
Те, что пониже, не растут.

* * *

Не вероломным нападением извне
Ломают непокорные натуры.
А вкрадчивым сомнением в себе
В металле изменяются структуры.

* * *

У широкой и быстрой реки,
У течения, все уносящего,

Я оставлю свои башмаки
Часто злого и вечно просящего.

* * *

От узости зрений случился конфуз.
Лечил офтальмолог – пока безуспешно:
Из центра колоды козырнейший туз
В руках оказался шестеркой кромешной.

* * *

Проверяла судьба не раз
На возможность кривить душой:
Говоряще подбитый глаз –
От Вселенной привет большой.

* * *

Прекрасно к людям относиться –
Как достижением гордиться!
И я горжусь… горжусь… держусь…
Да уберите эту гнусь!

ЛЕОНТЬЕВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
Бобруйск
Председатель Совета Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», автор 19 книг и развивающих пособий для детей дошкольного и младшего школьного возраста выпущенных в свет Минскими издательствами «Сказ», «Аверсэв» и Московским издательством «Айрис» общим тиражом более 500 000 экземпляров. Член БЛС.

* * *

Вздыхают над полем туманы,
Над рощей плывут облака.
Стога от заката румяны,
От сумерек мутна река.

Не видят петлистой дороги,
Уставшие за день глаза.
Слетает на босые ноги
С травы золотая роса.

Спускается молча на плечи
Эфирной материей мрак.
Беда ль какова? Но под вечер
Тяжелым становится шаг.

Теряя пронзительность взгляда,
По кочкам идти нелегко.
Вот-вот отгорит свет заката.
До дома ж еще далеко.

Прольются печальные песни,
Как слезы на томную грудь.
И станет совсем неизвестным,
Знакомый мне ранее путь.

* * *

Хочу проснуться рано-рано
И встать до первых петухов,
Сквозь дымку черного тумана
Взглянуть на контуры лугов.

И за околицей деревни
По влажной тропке далеко
Шаги направить к соснам древним,
Взметнувшим кроны высоко.

И где-то на лесной опушке,
Когда заря начнет вставать,
В глуши проснувшейся кукушке
Мои приветствия сказать.

И пусть она мне накукует
С открытой щедростью своей
Любовь и удаль молодую,
И крепость духа от корней.

Как просто с Родиной обняться
И ощутить на сердце дрожь
От сознаваемого счастья,
Что день грядет, и ты живешь!

МЕЧТА

Гляжу на жизнь с высокого балкона.
В округе торжествует красота.
На выгоне коровы, рядом кони.
Над выгоном парящая мечта.

Плывет она, легко расправив крылья,
Зовет в необозримость синевы,
Где света золотого изобилье
Летит стрелой из Божьей тетивы.

Все впечатляет с птичьего полета:
И ширь полей, и локоны дубрав,
И, даже, грязь забытого болота
Из сердца высекает добрый нрав.

Прекрасная природа у мечтаний.
Не от нее ль становится добрей
Мир, ищущий у Бога оправданий
За грех слепой и слезы матерей?

Всем на земле мечтать сегодня впору,

Чтоб с лиц стереть отныне и навек
Улыбку, оскверненную позором,
В которую оделся человек.

Какую милость нам еще осталось
Просить в молитвах, с трепетом дыша?
Во след мечтам, над жизнью поднимаясь,
Спасает мир высокая душа!

КОСТЕР

В лесу, забытый рыбаками,
Близ тихо дремлющей реки,
Ночной костер махал крылами,
Просил спасительной руки.

Терял он безнадежно силы,
И кровь на глыбу тьмы плескал.
Уже не свет, а цвет могилы
Золой в его когтях блистал.

Летели розовые перья
И исчезали на глазах.
Тепло и боль под дымкой серой
Хранил крыла последний взмах.

Вот так еще одна страница
Сгорела пламенем любви.
Огонь, как раненная птица,
Не оторвался от земли.

Не смог осилить бремя ночи.
Он крылья гордые сложил,
Поставив пеплом многоточье
На травах после слова - жил…

БАБОЧКА

Кружит над канареечной поляной,
Залитой соком солнечного дня,
Живой лоскутик бархатно-багряный,
Как вырванная искра из огня.

С привольем обозначенным свободой

У этой бабочки связующая нить.
Ей нет необходимости быть гордой,
Есть надобность дышать, летать и жить.

Она в струе медовых ароматов
Несет пыльцу с тычинки на венец,
Любовью сопрягая необъятной,
Цветочное биение сердец.

Дай Бог, чтоб эта искра не угасла,
Хранящая в себе заряд тепла.
Ее полет не может быть напрасным, -
Он согревает нежностью тела.

Дух кротости, к делам любви склоняя,
Чтоб милосердье лить через края,
Живой лоскутик я благословляю,
Как вырванную искру из огня.

ДУБ

Высокий дуб на горном склоне,
С фигурой статной маяка,
Цепляется когтистой кроной
За дымчатые облака.

Нельзя не видеть в нем величье,
И дух его не умолить.
Он заглушает голос птичий,
Когда берется говорить.

Свои чудовищные корни,
Вонзая в землю глубоко,
Дуб смело с диким ветром спорит,
И ветру не свалить его.

Ствола могучего коснешься -
И чувства выразятся вслух.
От вечной мудрости и мощи
Тебя захватывает дух.

Но есть рука сильнее дуба,
И есть мудрее голова.

Грядет зима. Крестьянин рубит
Величественность на дрова.

* * *

По золоту песчаной почвы
Зеленый стелется ковер.
Пчела летит на вереск сочный.
В разгаре самом медосбор.
Безветренный июль томится
В бору сосновом. Жаркий день
Лучами жгучими стремится
Спалить разбросанную тень.

Недвижный воздух зноем пахнет.
В абстрактных звуках тишина
За межами села не чахнет -
Там утверждается она.
В безлюдье все неторопливо,
Шаг бытия весьма нескор.
Идет на вересковой ниве
В трудах бесшумных медосбор.

ЦВЕТОК

Цветок, я искренне жалею
Тебя, и очень больно мне,
Когда ты, чей-то взор лелея,
Страдаешь молча на окне.
В потоке жизни быстротечной,
Где трудно дать отпор греху,
Ты жертвой стал руки беспечной,
Тебя сорвавшей на лугу.

И вот, в тиши апартаментов,
Где вещи в немоте стоят,
Ты, обращенный ликом к свету,
Несешь последний аромат.
Ты, прежде свежий и свободный,
Теперь изведавший полон,
В красивой вазе, угнетенный,
На увяданье обречен.
В манере праздничных традиций
Ты водворен, как добрый знак,

С улыбкой радостной на лицах,
Людьми в хрустальный саркофаг.

ПОЭЗИЯ

Птица вольная, непокорная…
Неба вдоволь ей, с изобилием.
И летит она над просторами,
Дышит заревом, машет крыльями.
С облаков вуаль, как созвездие
В лоно синих рек тихо сыплется.
Широка душа у Поэзии!
Тем сильна она, тем и высится.
Ой, судьба моя хлебосольная,
Дай же неба мне с изобилием -
Буду птицей я, птицей вольною
С озаренными светом крыльями!

ГОДА, ГОДА…

Года, года…
Сплошная вереница.
Нет окончаний
Счету Красных дат.
Но память бережет
Святые лица
Погибших в битвах
Молодых солдат.
Земной поклон
Защитникам Отчизны,
Ушедшим и живущим
В эти дни.
Желаем ветеранам
Долгой жизни,
Здоровья, счастья,
Мира и любви!

ЛЕСКОВЕЦ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА
Бобруйск

Родилась 18 января 1989 года в деревне Могилёвской обл. в семье учителей. В 2011 году окончила университет БФ БГЭУ в Бобруйске по специальности «экономика и управление на предприятии». Работает в УЗ «Бобруйская городская поликлиника №3» Оператором ПЭВМ. С детства увлекается поэзией. Первое стихотворение написала в девять лет. Печаталась в журналах «Гаспадыня», и газетах «Могилевские ведомости», «Бабруйскае жыццё», «Трыбуна працы», «Медицинский вестник», «Стяг Саветаў»
В феврале 2018 года стала членом ОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»». С 2018 года - финалист Международного литературного форума «Славянская лира». В 2019 году заняла II место на межрегиональном литературном фестивале «Звучание русского стиха», а в 2021 году II место в литературном конкурсе «Живое слово», памяти православного благоверного князя Александра Невского. Награждена дипломом III степени за участие в Международном литературном конкурсе памяти Константина Симонова «Это нужно – не мертвым! Это надо – живым!» в 2021, а в 2022 году II и III место в Международном Литературном фестивале «Славянская лира».
Является победителем 3 межрегионального литературного фестиваля «Звучание русского стиха 2022».

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

«Хоть пять минут покоя!» Но пришли.
«Не поднимусь! Мне тоже сон положен!»
- Профессор, тут парнишку привезли….
Осколочная бомба…. Безнадежен»

Стоит сестра и молча ждет ответ.
А тишина звенящая такая….
«Профессору» седьмой десяток лет.
Вторые сутки сон не выпадает….

- Связист Большую землю запросил.
И самолет придет. Не отказали….
Вот-только паренек совсем без сил….
- Зачем Большую землю вызывали?!

Зачем для безнадежных самолет?!
Кто дал приказ?! – И голос вдруг сорвался.
- Опомнитесь! кругом война идет.
Еще один солдат отвоевался….

- Так жив ещё…. - Надолго ли он жив?!
- Нет сил уже…. Черт знает, что такое….

И он продолжил, ярость усмирив.
- Через минуту буду, пусть готовят.

И он пришел. – А ну-ка дайте свет!
Нет керосина? Не моя забота!
Устроили мне тут могильный склеп….
Так началась тяжелая работа.

И кто теперь расскажет, в чем секрет?
И где предел у этой грани тонкой.
Медикаментов мало, шансов нет.
Но мама не получит похоронку.

ВЫБОР

Можно забыть, но все это было, было….
Страшное время или судьбы урок:
Тянутся черной лентой автомобили
В сумерках осени из Москвы на восток.

Паника, паника злая мешает думать.
Ветер гоняет тоскливо земную пыль.
Город молчит в безумии людского шума.
Город измучен. Нет уже больше сил….

В Кунцево тихо. Чай позабытый стынет.
Трубка погасла. К черту любые сны!
Черные мысли о старшем пропавшем сыне
В эти мгновенье даже страшней войны….

Историю помнить – трудное это дело….
Трусость и подлость следует тоже знать:
Кто-то – на фронт, а кто-то прическу делать.
Как же иначе? Скоро гостей встречать….

Знать бы еще, откуда берутся силы?
Автомобилей тянется черная нить….
Все это было и мародерство было….
Хватит! Довольно! Панику прекратить!

В Кунцево утро. От тишины остались
Только осколки серого льда в траве.
Сделал свой выбор ночью Товарищ Сталин:

«Москва не сдается! Я остаюсь в Москве!»

Страна не сдалась, но стала примером, глыбой!
И эта победа тоже на всех одна.
Не так уж и трудно правильный сделать выбор,
Но как обнажает трусость и смелость война!

РЕЧЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ПЕРЕД БОЕМ

Славяне! Братцы! Пробил час
Безжалостный и беспощадный.
Надменно смотрит Рим на нас
И потирает руки жадно.
Нам удержаться долг велит
И отстоять свою державу.
Нет! Не сдадим родной земли
Мы иноверцам на расправу.

И что нам сладость их речей
И обещание объятий?
Лишь звон монет, да лязг мечей
Врагу доступен и понятен.
Мы своего не отдаем.
Одной стеной и силой станем.
Вовек отсюда не уйдем
И даже мертвыми восстанем.

И если хочет враг войны,
То помнить нам необходимо:
В своем единстве мы сильны!
В единстве мы непобедимы!
Славяне! Братцы! Пробил час!
Захватчик целей не достигнет!
Ведь кто с мечом пойдет на нас,
От нашего меча погибнет!

ЦЕЛУЕШЬ ДУШУ

Мне бы лучше рассудок слушать.
Ты же все понимаешь сам!
Только снова целуешь душу,
Прикасаясь к моим губам.

Только снова, как откровение,
Переменит всю жизнь вокруг
Это жаркое притяжение,
Этот замкнутый тайный круг.

Как бороться и с чем, не знаю.
Но мне кажется на краю,
Что я тоже тебя спасаю,
Что я тоже тебя храню.

И какой тут рассудок слушать?
Как признаться? Почувствуй сам,
Что я тоже целую душу,
Прикасаясь к твоим губам.

НАСТОЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ

Не спалось этой ночью мальчишке.
Что ж бывает, поднялся – чуть свет.
Ведь душа не на месте у Мишки:
В трактор взять обещал его дед.

Ожиданием мальчонка томится.
Еще с вечера сон не идет.
Не проспать бы такое событье….
Да и дедушка…. Точно возьмёт?

Да и бабушка все возражала:
«Он малой еще, что за дела»?
Мама только плечами пожала.
Возразить ничего не смогла.

А Мишутка дрожал от волнения:
«Мама, мамочка, ну разреши!
Он использовал дар убеждения
Своей трепетной детской души…..

Он тогда на семейном совете
На вопрос «Будешь деду мешать?»
Очень честно и громко ответил:
«Буду дедушке я помогать!»

«Не боюсь ни жары я, ни пыли,

Обещаю совсем не шалить!»
На семейном совете решили:
«Пусть проедется, так уж и быть!»

Разрешили! Отпустят! Победа!
Потому и проснулся - чуть свет
И с надеждой в глаза смотрит деду:
«Ты же в трактор возьмешь меня дед»?!

«Я еще проверяю запчасти….
Раз проснулся, помощник – идем!»
Вот оно настоящее счастье:
Ехать в тракторе с дедом вдвоем!

ГОРОД

Город, как много в тебе современного…..
Вечер…. Красиво сверкают огни….
Город, ты помнишь июль сорок первого?
Помнишь кровавые страшные дни?

Тихо. В ночи раствориться мне хочется.
Что же так грустно, ведь все хорошо….
Помнишь ли, город, фашистские полчища,
Что, за твоей приходили душой?

Падают звезды хрустальными вспышками.
Сколько тебе пережить довелось….
Помнишь ли, город, с какими мальчишками
В жутком аду попрощаться пришлось?

Был ты свидетелем марша победного.
Сильного духом вовек не сломать.
Помнишь, солдаты дрались до последнего,
Вырвав у смерти отсрочку опять?

Улицы сердцу родные, знакомые….
И аромат недосказанных слов….
Помнишь ли, город, потери огромные
Помнишь подбитые танки врагов.

Помнишь ли, город маневры военные?
Сколько во тьме воскресало надежд….

Помнишь ли подвиги эти нетленные?
Кровью залитый Днепровский рубеж?

Чувствую сердцем и чувствую нервами
Твердый ответ и другому – не быть:
«Помню, конечно! Июль сорок первого
Я никогда не сумею забыть»

НЕЗАМЕТНО ПОСЕДЕЛИ КОСЫ

Незаметно поседели косы,
Мамочка, как хочется домой!
Не волнуйся, все в порядке, просто
Завтра снова вылет боевой.

Здесь у нас хорошие девчата.
Только очень строгий командир.
То война, конечно, виновата.
Победим, и вновь наступит мир.

Ты не думай, смерть меня боится.
И в ночи опять отводит взгляд.
Знаешь, мама, отчего-то снится
Весь в цвету наш яблоневый сад.

Жаль, что сон не часто выпадает.
Цель одна лишь: Родину спасти.
Враг нас ненавидит, проклинает.
Значит мы на правильном пути.

Наш налив, он все такой же сладкий?
Мамочка, как хочется домой!
Не волнуйся, мама, все в порядке.
Завтра снова вылет боевой.

ВЕРА ДУДКО
Бобруйск
Творческой деятельностью начала активно заниматься более 20 лет тому назад. Автор шести сборников стихов, в том числе двух сборников стихов для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Участвовала в литературных конкурсах, занимала призовые места, в том числе заняла первое место, как победитель международного литературного конкурса в номинации «Художественный перевод» в Международном литературном фестивале «Славянская лира- 2020». Член Белорусского литературного союза. « Полоцкая ветвь»

О СЧАСТЬЕ

(Веронике Тушновой)

С волненьем Тушнова расскажет нам снова
О солнечном счастье, о тёплой любви.
Секрет Вероника открыть нам готова,
Как снизить давленье до нормы в крови.

Портрет не безликий,
Размах невеликий,
Признанье пришло лишь к годам тридцати.
Как голос России, как детские крики,
Поэмы о счастье как гимны почти.

На волжских просторах,
В родных коридорах
Рождались стихи у Тушновой легко.
В рассказах и в спорах не слышен был шорох,
Как чувства входили в сердца глубоко.

При скромном участье
В раздумьях о счастье
Могла красотой поэтесса затмить
То мир весь огромный, то только лишь части,
И в море влюблённых не станет штормить.

Вновь доктор с тетрадкой
Мечтала украдкой,
Чтоб счастье сияло одно для двоих.
И с мыслью богатой, талантливой, краткой
Большим становился коротенький стих.

ВАСИЛЬКОВЫЙ ВЕНОЧЕК

Над нами бескрайнее светлое небо,
Не скроется солнце в его облаках.
И кто бы в полях наших солнечных не был,
С любовью подержит колосья в руках.

А ветер гуляет, гуляет на воле
И клонит он долу с зерном колоски.
В широком ржаном, ветром пахнущем поле
Притянут наш взгляд синевой васильки.

Славянский базар с васильком неразлучен,
Смотрелся скромнее изысканных роз.
Он скромности этой природой обучен
И полем широким, в котором он рос.

Славянский его замечательный почерк
И синий любимый, торжественный цвет
Из разных сторон, прилегающих точек
Бросают на Землю негаснущий свет.

Поэт, насладившись славянским букетом,
Писал с вдохновеньем свой новый сонет,
Что праздника краше нет в городе этом
И зрителей лучше, наверное, нет.

Светились улыбками светлые лица,
Звучали, как гимны, со сцены слова,
Что каждый готов вновь и вновь поклониться
Земле Белорусской не раз и не два.

Легко родились сразу несколько строчек,
Как дороги сердцу родные края.
Украсил девчат васильковый веночек,
В нём мира кусочек, в нём прелесть своя.

СЛОВА НА МУЗЫКУ ЛЕГЛИ

Стихи рождались в глубине
Души и сердца наравне
И приносили счастье мне,
И радость светлую кому-то.

Слова на музыку легли,
Их не заметить не могли,
Ведь в жизни многим помогли
Сойти с неверного маршрута.

Всему прогрессу вопреки
Ведут девчонки от руки
В стихах сегодня дневники,
Как есть свободная минута.

Стихи рождались в тишине
От разных взглядов в стороне
И чаще, может быть, вдвойне
Взгрустнуть хотелось почему-то.

Из сердца бились родники,
И с гор сходили ледники,
В стихах писались дневники
В момент душевного уюта.

Стихи рождались в глубине
Души и сердца наравне
И приносили счастье мне,
И радость светлую кому-то.

ПИСЬМО

Не ставлю я свою печать
На всплесках праздничного шума,
Когда начну опять скучать,
Смотреть на праздники угрюмо.

Я напишу тебе письмо
Совсем короткое такое.
Оно засветится само
То чувством страсти, то покоя.

Найдя покой и страсть в судьбе,
Их положу в одно лукошко.
Я расскажу в письме тебе,
Как лунный свет проник в окошко.
Меня влюблённые поймут,
В часы обильного цветенья

В дрогу дальнюю возьмут
Цветок волшебного растенья.

Он рос в своей родной степи
Вблизи большого водоёма
В кольце одной земной цепи
В сезон горячего приёма.

Слова все льются из души,
Её великие порывы
На свежий взгляд все хороши,
Хоть, может, чуточку игривы.

Великих планов рубежи
В письме предстанут вереницей
В пределах письменной межи
Одной, единственной страницей.

Найдя покой и страсть в судьбе,
Их положу в одно лукошко.
Я расскажу в письме тебе,
Как лунный свет проник в окошко.

МЕСТЕЧКО

Пробегу по росе, как девчонка,
Хоть давно не девчонка уже.
Дорогая родная сторонка
Навсегда остаётся в душе.

Мысль шальная проникла в сердечко
И судьбой верховодить смогла.
Полноводная реченька-речка
Мыслей новых уже пролегла.

Ах, моё ты, моё ты сердечко,
Словно десять сердечек стучишь,
Как приеду в родное местечко
И представлю, что это Париж.
Называется так наш посёлок
С незапамятных давних времён.

В нём аллеи из сосен и ёлок
Словно царство зелёных знамён.

В нём влюбляются девушки сразу
В молодых и красивых парней,
Не жалея об этом ни разу,
А влюбляясь сильней и сильней.

Может, чаще теперь вспоминаю
Материнский задумчивый взгляд,
По-другому смотреть начинаю
На всё то, что даёт мне заряд

Видеть в каждом здоровом мужчине
Мощь отцовских натруженных рук.
И, наверно, по этой причине
Красоту открываю вокруг.

Ах, моёт ты, моё ты сердечко,
Словно десять сердечко стучишь,
Как приеду в родное местечко
И представлю, что это Париж.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

Свой маленький город однажды в пути
Я встретила, выйдя с вокзала,
Пешком исходила весь город почти,
Судьба нас навеки связала.

Росла я в деревне советской простой,
О городе с детства мечтала,
В траве возле дома зелёной, густой
Дорожку к мечте протоптала.

Мой маленький город, совсем небольшой,
К тебе я уже прикипела,
И сердцем горячим, и нежной душой
Влюбиться в красоты успела.
Теперь я по улицам чистым хожу
И пыль не глотаю, как в детстве,
И счастье, казалось, уже нахожу
В простейшем обыденном средстве.

Идя по асфальту, вдруг вспомню луга,
Взгрустну я по детству порою.
Деревня родная, ты мне дорога,
Но город стал ближе, не скрою.

Мой маленький город, совсем небольшой,
К тебе я уже прикипела
И сердцем горячим, и нежной душой
Влюбиться в красоты успела.

ЗИМА ПОЁТ МОРОЗУ ГИМНЫ

Зима поёт морозу гимны,
Творит с погодой чудеса.
И в образ сказочный, и дивный
Вошли поляны и леса,

Взяв необъятные просторы
Родимой матушки-Земли
В свои объятья, раз, который
Возвысить их снега могли.

Как на глазах росли сугробы,
Не каждый видеть мог зимой
Такой высокой чистой пробы,
Когда спешил к себе домой.

Но кто-то, же домой с работы
Совсем, наверно, не спешил
И все домашние заботы
Он отложить на день решил.

И любовался, любовался
Вечерней сказкой перед сном,
И с ней весь вечер целовался
Под запорошенным окном.

Смотрел на чудное убранство
Деревьев, росших у окна,
На белоснежное пространство,
Не видя верха в нём и дна.

ДНЕВНИК

Дневник – знакомая тетрадка
Напомнит мне в который раз,
Как любовался я украдкой
Красой твоих горящих глаз.

Напомнит каждая страничка
Не сон, а встречи наяву,
Вагон последней электрички,
Ночного неба синеву.

И то последнее свиданье,
Когда сказала: «Не скучай,
Прости меня и до свиданья»
И вдруг добавила: «Прощай!»

Тогда сказать хотя бы слово
Тебе вдогонку не успел.
Жалею я об этом снова,
Что догадаться не сумел

О предстоящем повороте.
Об изменениях в судьбе.
Странички в стареньком блокноте
Напоминают о тебе,

Как годы быстро пробежали,
Назад никак их не вернуть,
На те, которые сближали
Опять так хочется взглянуть.

БАГУК РАИСА
Бобруйск
Багук Раиса родилась в деревне Хоромцы. Работала на ОАО " СЛАВЯНКА" Печаталась в газете " Швейник", Бабруйскае жыццё. Основательно стихи начала писать с 2018 года. Печаталась в альманахах " Созвездие" и Метаморфозы. Сборниках - «Память храним», «Бобруйский почерк», «Полет души», «Пока звонят колокола. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Живёт в Бобруйске.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Есть особая прелесть в цветах полевых:
Их целуют ветра, солнце греет лучами.
По утрам, пробуждаясь в туманах седых,
Вспоминают, что снилось ночами.

Как волшебною лентой бегут васильки,
Средь полей золотистых, безбрежных.
Их, как волны, качают во ржи стебельки,
Колоски обнимают их нежно.

В изумрудной траве белоснежный ковер
Из ромашек, что сердцу так милы.
Красотою земною любуется взор,
Мы от них набираемся силы.

С ТОБОЮ РЯДОМ

Как хорошо с тобою рядом быть:
Смотреть в глаза, тонуть в твоих объятьях.
И каждой клеткой нежность всю дарить,
И ощущать любовь, блаженство, счастье.
Как хорошо с тобою рядом быть:
Коснувшись губ, лететь в миры иные.
И лёгкой дымкой среди звёзд мелькнуть,
Где души вмиг становятся родными.
Как хорошо с тобою рядом быть,
Предугадав желанье, насладиться.
И, как нектар, любовь глотками пить,
И в сладкой неге вместе раствориться.

ОТЕЦ

Когда деревню вспоминаю -
Бегут слезинки по лицу.
Нет для меня роднее края...
Жаль, не прижаться мне к отцу.

А в детстве я за ним, как хвостик:
Меня с собой на сено брал.
Ворочали вдвоём покосы...
Я на стожке - он подавал.

Какие запахи у луга!
Среди травы - ковёр цветной...
Вот посевная... я за плугом
Бегу девчушкою босой.

Лишь только зорька загоралась,
Спешили за грибами в лес.
В коляске сонно я качалась,
Держа ведро наперевес.

А лес встречал своей прохладой,
Разноголосым пеньем птиц.
Берёзки, как подружки, рядом,
Шептались, наклонившись вниз.

Средь жёлтых листьев выделялась
Лисичек рыженьких семья.
Удачей первой вдохновлялась
Азарт охватывал меня.

Вот боровик в траве укрылся.
Такой крепыш, а вот другой.
Ах, как обманывают листья,
На гриб похожие порой.

А время быстро пролетело...
Давно я стала городской.
На выходной домой летела,
Ждал папа, будто постовой.

Теперь никто уже не встретит,
И дом, как сирота, стоит.
В саду гуляет вольной ветер.
Душа моя болит, болит...

РЕАЛЬНОСТЬ

Уже заметна седина,
И скачут рысаками годы.
И с глаз упала пелена,
Даёт свои реальность всходы.

Яснее видно, кто твой друг,
И с кем секретами делиться.
Пусть меньше истинных подруг,
Зато без ханжества их лица.

С годами взгляд уже иной,
И всё в природе умиляет.
И хочется дышать Весной,
А Лето к жизни вдохновляет.

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Послушай музыку дождя:
Он третий день выводит гаммы.
И наши души бередя,
Вообразил, что самый главный.

Струится хрусталём с небес,
И по стеклу потоком льётся.
Всевышний запустил процесс -
Пора дождей. Закрыл нам солнце.

В природе бледные тона,
Немного серость досаждает.
Но будет новая волна,
И снова солнце заиграет.

НА ПОРОГЕ ЛЕТА

На пороге лета я в любовь одета:
Платьице в ромашках, васильки в глазах.
На пороге лета я тобой воспета,
И душа летает где-то в небесах.

А жасмин-проказник опьяняет, манит,
И твои объятья очень горячи.
Сладостные речи голову дурманят,
И биенье сердца слышатся в ночи.

Росы серебрятся в травах изумрудных,
И прохладой свежей день встречает нас.
Для сердец влюблённых расставаться трудно,
А ещё труднее ждать свиданья час.

На пороге лета, с ночи до рассвета,
Шепоты влюбленных слышатся в саду.
Солнце пробудилось лучиками света,
Расстаёмся на день, вечером приду.

ШАГАЮ ВЛЮБЛЁННЫЙ…

Осенние краски наполнят и вылечат душу.
И рыжая осень рисует ажурный узор.
А ветер играет знакомый всем блюз, ты послушай,
И льётся мелодия, будто бы сладкий ликёр.

Чарует круженье листвы, красотой опьяняет,
Берёзы роняют на землю листву-конфетти.
По сонной аллее бреду и тебя вспоминаю,
Люблю и надеюсь, что снова сойдутся пути.

Багряный наряд примеряют осины и клёны,
Парчовые платья у стройных красавиц берёз.
Шурша листопадом, шагаю счастливый, влюблённый -
И верю, что всё между нами с тобою всерьёз.

Уехала ты ненадолго, я жду возвращенья.
И вижу тебя в бликах солнца и рыжей листвы.
А ветер доносит твой голос своим дуновеньем,
И в сердце моём навсегда поселилась лишь ты.

АХ, ЭТА ОСЕНЬ!

Ах, эта осень, вьюга листьев рыжих,
От дуновенья ветерка кружит.
В лесу под травкой спрятан где -то рыжик.
И шмель назойливо над головой жужжит.

Березки золотятся на опушке,
И лист кленовый, как пожар, горит.
У тополей зелёные макушки -
Природа красотой своей пленит.

Ах, эта осень нам подарит счастье,
Что летом не успели получить.
Прорвется бабье лето сквозь ненастье.
Как хорошо... и хочется любить!

СОВЕТ ДРУГУ

Что делать, если ты зашёл в тупик,
Сомненья гложут и на сердце рана…?
Воспрянь душой и оглянись на миг -
Жизнь - черновик, и в ней полно изъянов.

Но это твой неповторимый путь.
Твои ошибки, радости, удачи.
Живи по совести - ведь в этом суть,
Всегда будь сильным, и нельзя иначе.

Не надо вечно на судьбу роптать:
- Обидела, по жизни обделила…
Ты жив, здоров. Ну, поседела прядь -
То мудрость снизошла, а с нею - сила.

Другим ты можешь преподать урок:
Как жизнь прожить, и чтоб с пути не сбиться.
Всегда старайся запасаться впрок
Добром души. С другим чтоб поделиться.

ЛЮБОВЬ ХИХИЧЬ
Бобруйск
Родилась в Белоруссии, на Могилёвщине, в крестьянской семье. Образование высшее, педагогическое. Работала в гимназии учителем русского языка и литературы. Педстаж-40 лет. "Отличник просвещения БССР" и "Отличник просвещения СССР". Печаталась в районной газете «Бабруйскае жыццё» и в республиканской газете «Друг пенсионера». Автор сборника «Звенят ручьи моих стихов».

МОЛИТВА

Как много же бед мне пришлось пережить!
Как много грехов мне пришлось совершить…
Смиренно стою пред иконою строгой,
Молитвенный взор обращаю я к Богу.

Всевышний, прости, что грешила невольно,
Ведь было тоскливо, обидно и больно:
Наивную душу мою бичевали,
Её, как когда-то тебя, распинали.

Когтистая ложь… наговоры…измена---
Всё это, Господь, наподобие плена…
Прошу тебя, Боже, Всевышний и Правый,
Продли мою жизнь, чтоб грехи мне исправить…

Вдохни в мою душу надежду, терпенье
И веру вдохни, чтобы жить без сомнений…
Очаг укажи, где могла б я согреться,
Чтоб к людям любовью наполнилось сердце…

За слабость душевную не обессудь,
Направь меня, Боже, на Праведный путь

В ПРЕДДВЕРИИ ВЕСНЫ

Растрёпа-март уже стучит нам в двери,
Но балом правишь ты ещё, февраль.
То заморозишь вдруг, то заметелишь,
Затянешь мглой небесную вуаль.

Из пригоршни плеснешь в лицо порошей,
На землю сбросишь панцирь ледяной.

И если будет кто неосторожен,
То непременно встретится с бедой.

Но как бы ты ни хмурился, ни злился,
Хотел бы ещё властвовать, чудак,
Но видно по всему, что притомился,
Весну тебе не задержать никак.

Ведь с каждым днём всё звонче песнь капели,
А солнце щедро льет на землю свет.
Вчера, февраль, ты властелин метелей –
Сегодня шлёт весна нам свой привет.

Так уступи же, наконец, свой трон другим,
Не суетись и зря не бей тревогу,
И ты услышишь триумфальный гимн:
“Весна! Весна идёт! Весне дорогу!”

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Люблю я рано утром просыпаться
И первый луч ресницами ловить.
Шалун, он норовит ко мне пробраться,
И ото сна на зорьке разбудить.

Как хорошо лежать, раскинув руки,
Короткой ночи повесть прочитать
И сквозь дремоту слышать жизни звуки,
Они о многом могут рассказать.

Петух горластый с ярким опереньем,
С насеста спрыгнув, оседлал забор,
Пеструх-хохлаток, завлекая пеньем,
Осматривает по-хозяйски двор.

В углу тихонько звякнул рукомойник,
Готовый влагу тёплую пролить.
То мама, вымыв руки, взяв подойник,
Идёт свою кормилицу доить.

Я слышу звук кнута, он будто выстрел.
Ленивое мычание коров…

Так это наш пастух на вахту вышел
И собирает стадо со дворов.

Гогочут гуси, требуя свободы,
Им травку бы с росою пощипать!
А солнце на сады и огороды
Льет благосклонно божью благодать.

Пускай сопит курносыми носами
Румяная от солнца детвора,
Укутанная радужными снами.
Я ж говорю себе: «Вставать пора!»

Как хорошо бежать тропой росистой,
Сбивать стеклярус капель на ходу.
Бежать скорей к струям, прозрачным, чистым ,
Под ивами кудрявыми – к пруду!

Окутан покрывалом он летучим.
В прохладу я бросаюсь с головой…
Всем говорю: «Нет процедуры лучше!» –
И, вдохновлённая, бегу домой.

Ждёт завтрак: молоко с душистым хлебом.
И, бросив полотенце на плетень,
Молитвенно я обращаюсь к небу:
«Спасибо, Боженька, за новый день!»

ТЫ, Я И ЗОНТ

Я помню то предзимнее ненастье,
Когда седая мгла закрыла горизонт.
Знать не могла тогда, что встречу счастье,
А сожалела, что забыла зонт.

А ты, увидев жалкую фигуру,
Радушно купол распростёр зонта.
Галантный жест был суть твоей натуры—
Меня же сразу покорила доброта.

Сверкнула взглядом озорно и ярко
(О тайных мыслях здесь я умолчу),

И стало мне тепло и даже жарко,
Лишь прикоснулась к твоему плечу.

Мы шли пустынной улицей по лужам,
Бездумно шли, болтали ни о чём.
Тогда я поняла, что ты мне нужен
С таким надёжным, преданным плечом.

А дождь всё шёл, его не замечали,
Хотелось, чтоб дороге не было конца.
Звук капель был нам песнею венчальной,
И в унисон стучали юные сердца.

Теперь тот зонт в укромном уголочке,
Возможно, помнит день ненастный тот.
Давно уж замуж вышли наши дочки,
А он, как страж, очаг наш стережёт.

ПУСТЬ ГОВОРЯТ

О чувствах в возрасте так мало пишут –
Они ж как раз и ярче, и сильней.
И я молюсь: «О, Господи Всевышний,
Продли подольше счастье этих дней!»

Любовь пришла, нагрянула нежданно
Весенним ливнем, молнией ночной,
Тугой струёй и брызгами фонтана
И затянула в омут с головой…

И выскочила, точно как убийца
Вдруг появляется из темноты.
Любви хочу я низко поклониться,
Что душу мне спасла от пустоты.

Но думалось: «А разве это можно
В мои лета мне думать о таком?»
Я чувству отдавалась осторожно,
Всё сомневаясь, мучась, а потом…

Забыв про все приличия и годы,
Решив, что повернуть нельзя назад,

Со страстью отдалась во власть природы,
Пустилась во всё тяжкое…
Пусть говорят!

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.
М. Цветаева

Вы против истины ничуть не погрешили,
Когда успех своим стихам когда-то предрекли,
И в торопливых строчках высказать спешили,
Любили что и что принять Вы не смогли.

Они явились к нам негаданно-нежданно,
Стихи, которые « пылились» много лет
И засияли радугой, струёй фонтана,
Для нас теперь хрестоматийный Вы поэт.

Мы не читаем Вас сегодня - изучаем
И слышим голос торжества и тяжких бед.
И, хоть шумит крылами время, пролетая,
Не погасит оно зажжённый Вами свет.

Как много общего у Вас с «курчавым магом»!
Его мятежность взглядов вдохновляла Вас,
К вершинам горным поднимаясь Аю-Дага,
Тепло Вы вспоминали Пушкина не раз.

Светлы, порой дерзки стихов мотивы,
И музыкой звучит свободы торжество,
А благородных душ «прекрасные порывы»
Сближали больше вас, чем кровное родство.

Избрали оба вы тернистый путь, неторный,
Наверное, другой принять вы не могли,
Сокровища души дарили добровольно…
Как тяжек грех на тех, что вас не сберегли…

А. С. ПУШКИНУ

Я Вам пишу сквозь годы и сквозь вечность.
Услышанной быть Вами не молю.
Я Вас благодарю за дум сердечность,
Что разбудили душу Вы мою.

Она была неопытный, наивной,
До Вас спала. Но мне открыли Вы
Такой всегда неповторимый, дивный,
Волшебный мир волнующей любви.

Спасибо Вам за то, что ночью звёздной
Истомой полнилась душа моя,
За то, что невозможное возможным
Казалась мне. Вам благодарна я,

Ещё за то, что поутру спешила
Уйти из душных комнат, а потом,
Как и Татьяна, у реки бродила,
Мечтая об Онегине своём.

Он был мой идеал, его искала,
Ждала, как путник ночью ждёт зарю…
За чувство светлое, что я познала,
Вам шлю земной поклон. Благодарю!

ЖЕНЩИНАМ ВОЙНЫ

Не смейте женщин слабым полом называть!
Когда им выпала лихая злая доля,
Они смогли сполна свой долг отдать
И проявили мужество, решимость, волю.

Они месили грязь и рыхлый снег в крови
Не в туфельках, а сапогах солдатских, грубых
И с гордым словом «Родина» на плаху шли,
Сурово сжав недоцелованные губы.

Им бы с любимыми встречаться по весне
И смахивать тайком счастливую слезинку –
Им, юным, выжигали звёзды на спине,
Война им повязала скорбную косынку.

Они упрямо, жёстко спорили с судьбой,
Когда под пулями спасали жизнь кому-то,
Просили раненых: «Терпи, терпи, родной…» -
И жизнь тогда свою делили на минуты.

Из них формировали женские полки,

И в смертный бой с врагом вступала эскадрилья.
В тылу и день, и ночь работали станки,
Ковали неустанно для победы крылья.

Но разве можем мы когда-нибудь забыть,
Как женщины седели, старились до срока?
Но знали: слабыми никак нельзя им быть
И эту слабость прятали в себе глубоко.

Не унижайте женщин грубым словом «баба»,
Не обижайте их без ведомых причин.
Не спорю, что и женщина бывает слабой,
Она слабеет… лишь в объятиях мужчин.

ВЯЧЕСЛАВ КИЛЕСА
Симферополь
Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», "Юлька в стране Витасофии", «Крымские рассказы», «Белогорский РОВД». Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.). Заслуженный юрист Автономной республики Крым.

ДАЧНАЯ ИСТОРИЯ

Из автомобильных знаков более всего нравятся «Учусь ездить» и «Женщина за рулем»: при движении по трассе водители шарахаются от моих «Жигулей» как от президентского кортежа. С гаишниками стараюсь не ссориться и даже, когда настаивают, делюсь пенсией: вдруг у них детишки второй год не кормлены! При желании можно простить даже себя, а уж других…

В автолюбители заманила меня Люська: дружим с ней со школьных времен, когда друг у друга контрольные списывали. Шагнув одновременно в ряды пенсионеров, собрались у меня на даче — счастье шампанским залить, — вот Люська и говорит:

— Мы что, не можем, как нормальные бабы, на машине за грибами ездить? Завтра на курсы водителей записываемся!

Баба сказала: баба сделала! Скажу честно: коленвал от карбюратора я так отличать и не научилась, а с прокладками вообще запуталась — в каком магазине их покупать, — зато экзамен сдала с третьей попытки, в отличие от Люськи, установившей мировой рекорд по не сдаче правил автодорожного движения. Получив водительские права, помчались на авторынок: я свои социальные накопления поменяла на первую модель «Жигулей», а Люське повезло — она заначки мужа Вовки отыскала и как раз на «ГАЗ24» хватило.

В тот субботний вечер собралась на дачу: полить огурцы на грядке, собрать помидоры и щель в крыше заделать. Дача неказистая — ее покойный муж по дешевке в девяностые годы приобрел, — но стены крепкие и огородик присутствует. А главное: озеро рядом. Дочка Сашенька, когда летом с семьей из Мурманска приезжает, любит на этом озере загорать.

Звоню по мобильнику Люське: «Компанию не составишь?».

«Нет, — говорит, — ко мне гости из Тамбова нагрянули, соус для них готовлю».

Пожелала ей кухонных успехов, завела двигатель «Жигулей» и покатила на дачу.

Из города выбралась без происшествий, свернула на ведущую к дачному поселку дорогу, прибавила скорость (какая женщина не любит быстрой езды!) и вдруг увидела впереди стоящую на обочине машину ГИБДД и размахивающего жезлом гаишника.

«Что-то случилось у человека, — думаю, — Вон, как палкой в меня тычет. Надо остановиться: вдруг помощь нужна».

Торможу. Выскакиваю из машины и кричу:

— Вам плохо? Может, «Скорую» вызвать?

Идет ко мне и с ехидцей говорит:

— Если кому и нужна «Скорая», то вам. Какая разрешенная скорость на этом участке?

— Вам лучше знать, вы — мужчина.

Ощущение, что его впервые мужчиной назвали: так растерялся.

— Я — сержант милиции Иванов, — отчеканил. — Предъявите ваши водительские права!

— А я — Клавдия Сергеевна, — делаю книксен. — Вот и познакомились. Зачем вам права, я сразу могу номер телефончика дать.

— С нарушителями дорожных правил не знакомлюсь, — сухо так, даже обидно стало. — Почему у вас на лобовом стекле знак «Дикие животные»?

— Кота вчера к ветеринару возила, — объясняю. — Снять не успела.

— А причем здесь знак? — лепечет.

— Кот дикий, на чужих в доме прыгает, укусить может.

Сердится:

— Этот знак на дорогах устанавливается, а не в автомобилях. Впервые с подобным нарушением сталкиваюсь.

«Новичок, наверное, — думаю. — Хорошо, что Люська со мной не поехала: он от ее знаков «Слепая за рулем» и «Прочие опасности» мог бы окочуриться».

— Возьмите права и идите в мою машину: будем протокол составлять.

— К малознакомым мужчинам в машину не сажусь, — заявляю. — Мне мама, Царствие ей небесное, еще в детском садике это в голову вбила.

Посмотрел, пожал плечами и в мое «Жигули» залазит. Достает бумажку и на планшет ее пристраивает.

Сажусь рядом, вытаскиваю кошелек и протягиваю ему двести рублей.

— Вот такие, как вы, и делают из нас, честных ментов, «оборотней в погонах», — вздыхает. — Удвойте сумму.

— А чего так дорого?

— Завтра у моей жены день рождения.

Аргумент весомый. Вытаскиваю еще двести рублей.
Еще раз вздыхает:
— Думаете, мне не стыдно? Да я потом ночью спать не могу…
Сует деньги в карман и бредет к своей машине. С жалостью посмотрев ему вслед, вывожу «Жигули» на дорогу.

На даче все дышало летом и спокойствием, радуя сердце и настроение, пока, загнав в гараж машину, не заглянула в огород.

«Опять часть помидоров украдена, — зло констатирую. — Видно, к Самовару братки приезжали и закуски не хватило».

Сосед слева по фамилии Самоваров в былые времена рэкетировал городской рынок и, уступив поле деятельности более молодым, замашек своих не оставил, изредка тренируясь на моем огороде. Мои и Люськины высказывания в свой адрес Самоваров игнорировал, насмешливо восклицая: «Докажите!», в чем ему поддакивал местный участковый милиции Федоркин, объяснявший мне, что следы обуви к делу не пришьешь, да и ущерб незначительный. Вот попарился бы Федоркин на поливке помидор — при нашей постоянно отключающейся в поселке водопроводной системе, когда приходилось воду ведрами из озера носить, тогда бы по-другому заговорил.

Ринулась в рэкетирское жилище: но мой набег на совесть Самоварова закончился, естественно, ничем, разве что, страдающий от похмелья, пообещал он при случае разукрасить мою физиономию фонарями: чтобы ночью светлей ходить было. Я, покидая бандитское логово, ответила теми же выражениями, на что Самовар весело заржал, понимая, что мои желания уступают его физическим возможностям.

Люське по телефону пожаловалась; обсудили с ней планы мести, представили, как Самоваров корчиться в адском котле, куда его наверняка боженька после смерти отправит — и на душе легче стало.

Зашла на кухню, включила электрочайник: привыкла чаем неурядицы сглаживать. Когда одна, то электрочайником обхожусь, а для гостей самовар на стол ставлю: громадный-прегромадный, от бабушки по наследству достался. Он на настенном шкафчике сверху стоит, кухню украшает.

Попила чай, на диване повалялась, любуясь открытками с крымскими пейзажами. Я месяц назад в Ялту на отдых собиралась, но подсчитала недавно финансы и поняла, что не устала.

Пора переходить к основной программе: починка крыши. Когда последний дождь был, в кладовке пришлось миску под дыру в крыше ставить.

Производить ремонт удобней было, забравшись во владения соседа справа — прохудившаяся часть крыши прямо в его огород упирается, — но я постеснялась: у меня с этим соседом по фамилии Анисимов странные

отношения сложились. Военный на пенсии, соседом он стал недавно: купил дачку у наследников жившей здесь старушки. Пообщалась с ним пару раз, чаем с пряниками угостила, выяснила, что он, как и я, иногда по ночам у озера сидит, луной в воде любуется, — и вдруг почувствовала к нему женский интерес. Люська, выяснив, что Анисимов вдовый, начала к активности меня подталкивать, но характер не поменяешь, не привыкла я мужчин, как зайцев, в сети ловить, — вот и бегаю теперь от соседа.

Надев шорты и старую рубашку, сложила в сумку материалы и инструменты, прислонила к веранде лестницу и полезла на крышу. Оседлала конек и внимательно осмотрела Анисимовский двор: слава Богу, никого нет! Поползла по скату вниз, нашла щель в шифере — кто-то камнем пробил, а потом непогода углубила, — достала из сумки деревянный чоп, подогнала его ножом по размеру, забила молоточком в дыру и замазала сверху герметиком. Все: ремонт закончен!

В доме у соседа послышался шум: оглянулась и увидела выходящего на крыльцо Анисимова. Представив свой внешний вид, попыталась подняться, чтобы быстрей с соседских глаз исчезнуть — и соскользнула вниз. К счастью, успела за конец ската уцепиться. Повисла, как сосиска, поглядывая вниз и думая, что себе сломаю, когда упаду. Думала недолго: Анисимов успел меня подхватить и на землю поставить.

— Вы что, — спрашивает сердито, — в альпинисты готовитесь? Зачем на крышу полезли?

— Щель заделывала, — объясняю, пытаясь придать себе приличный вид.

— Понятно, — кивает головой. — На чай зайдете?

— В другой раз: мне огородные дела, пока не стемнело, надо закончить.

— Давно понял, что ваш любимый литературный герой — Золушка, — улыбается.

Проводил меня к воротам и в дом вернулся: что-то ремонтировать. А я на огород поспешила и до ночи там провозилась. И на душе так хорошо было, когда улыбку Анисимова вспоминала.

Поужинав, посмотрела какую-то ерунду по телевизору, и спать завалилась. И снится почему-то покойный муж Юрочка: на Сашкиной свадьбе с ним веселимся. Гости, шампанское, танцы… И вдруг: звонок телефона.

Просыпаюсь, нашариваю в темноте мобильник:

— Алло?

Тишина. Потом ехидный женский голос:

— Спишь?

— Спала, — уточняю. — А что?

— И, наверное, уверена, — хихикает собеседница, — что твой муж сейчас с друзьями отдыхает?

Сразу кладбище вспомнилось, на котором Юрочка лежит.

— С друзьями вряд ли, но отдыхает точно, — говорю, пытаясь понять, не продолжается ли сон.
— Мне наплевать на твои догадки, — высокомерно сообщает незнакомка, — но любовник он превосходный.
— Вот как! — поразилась я. — Ты что, его откопала?
— Можно сказать и так! — засмеялась женщина — и я вдруг поняла, что дама изрядно пьяна. — Превосходный мужской экземпляр!
— Завидую твоей храбрости! — я содрогнулась, представив себя в объятиях скелета.— Страшно не было?
Молчание. Потом неуверенный женский голос:
— А что — он болен? Неужели СПИД?
— Наверняка, — представив царящую в могиле антисанитарию, согласилась я.
— Негодяй! — завопила женщина. — Сейчас спущу его с лестницы: пусть обратно к тебе катиться!
— Только не ко мне! — запротестовала я, но мобильник уже замолчал.
Включив свет, посмотрела на часы: далеко за полночь. Сонное состояние начало проходить и я сообразила, что незнакомка ошиблась номером. Пожалев мужика, которого сейчас спускают с лестницы, задумалась, что делать дальше: по опыту знаю, что заснуть не смогу.
Поплелась на кухню: чай приготовить. Вспомнила, что заварка в прошлый раз закончилась, и к настенному шкафчику направилась: я там запасы храню. Поднявшись на носки — шкафчик Юра высоко прибил, еще тогда с ним ругалась, — начала коробочки перебирать, да так неудачно, что они на пол вывалились. Разозлившись, изо всех сил хлопнула дверцей шкафчика: и успела увидеть, как на меня сверху падает самовар.
Очнулась на полу, на залитых кровью и раздавленных моим телом коробочках. Пощупала распухший нос — на него самоварная крышка спикировала, потрогала шишку на голове, посозерцала лежащую неподалеку тушу самовара, удивилась, что еще жива, и, с трудом поднявшись, потащилась в комнату. Вызвать из города «Скорую помощь» не догадалась, зато представила, как утром находят мой труп и милиция с пристрастием допрашивает Анисимова. Предупреждая милицейскую ошибку, посылаю Люське эсэмеску: «В моей смерти прошу никого не винить: меня ударил Самовар». И внимание не обратила, что «самовар» с большой буквы написала.
Залив рану на голове йодом, легла на диван. Стресс начал проходить; почувствовав себя бодрее, решила смыть с себя кровь. Открыв кран, послушала шипение воздуха — опять воду отключили, — и, захватив полотенце и чистую одежду, пошкандыбала на озеро.
Эсемеску Люська обнаружила, встав по малой нужде в туалет. Прочитав послание из могилы, набрала мой номер. Не получив ответа — откуда ей

было знать, что я в это время сижу на берегу озера, а мой мобильник в одиночестве на диване подпрыгивает, — включила свет и объявила общую тревогу. Через полчаса, запихав мужа и гостей в «ГАЗ-24», Люська мчалась ко мне на дачу.

Увидев включенный в доме свет, царивший на кухне разгром и пятна крови, народ убедился, что я убита, а труп Самоваров куда-то унес.

— Милицию надо вызвать — предложила жена гостя Варвара.

— А что мы предъявим? — не согласился Вовка. — Самовар не зря Клавку спрятал: нет трупа — нет дела.

— Надо взять Самовара в плен и допросить, — решила Люська. — Вдруг Клава еще жива.

— Замаскироваться бы, — неуверенно произнес Варькин муж Костя. — Мало ли что потом будет.

— В сундуке — новогодние наряды, — вспомнила Люська. — Переоденемся, вооружимся — и к Самовару.

Выйдя на шум во дворе и наткнувшись на вооруженную вилами и топорами группу фантастических чудовищ в новогодних масках, Самоваров так изумился, что даже не стал уклоняться от Люськиного удара скалкой по голове. Очнувшись в своем доме привязанным к стулу, бывший рэкетир еще больше ошалел от вопроса: «Где труп?» Уверенность в голосе киллеров так подействовала на Самовара, решившего, что его «заказали», что, выторговав себе жизнь, он сознался, что труп закопан в сарае.

Пока Люська и ее команда выкапывала мой труп в рэкетирском сарае, я, восстановив силы звездами и тишиной, плавала голышом в озере и думала про Анисимова. Всегда знала, что мысль материальна, и не удивилась, увидев его на берегу. Подплыв поближе, язвительно сказала:

— Вы что, специально ждали, когда купаться приду? Если решили на мои прелести полюбоваться, то ничего у вас не получится.

— Разве я бы посмел! — восклицает Анисимов и чувствую по тону, что смеется. — Просто я в это время крокодила кормлю.

— Какого крокодила?

— Купил недавно. Молоденький, метра полтора. Пока бассейн для него не построил, в озеро пустил плавать. Вы, пожалуйста, если с ним столкнетесь, его не обижайте.

Ничего себе шуточки: мгновенно на берегу оказалась.

— Отвернитесь, — кричу. — Нечего зенки пялить!

Послушался. Одеваюсь и говорю:

— Насчет крокодила — серьезно?

— Нет, конечно. Повернуться разрешаете?

Вот гад!

— Разрешаю. И станьте так, чтобы удобней было по щекам вам надавать.

— Есть другое предложение, — стал рядом и щеку подставил. — Выходите за меня замуж.
Тут я онемела. Посмотрела на Анисимова в упор, вздохнула и говорю:
— Пошли в дом: там все обсудим.
Тем временем Люськина команда успешно разрыла могилу и с удивлением уставилась на мужской труп недельной давности.
— Это кто? — требовательно спросила Люська.
— Напарник по бизнесу — Костыль, — угодливо сообщил рэкетир, — За долгом приходил.
— Где другой труп, женский? — заорала Люська.
— Больше трупов нет, — занервничал Самовар. — Только этот. Мамой клянусь!
— Послушайте, — заглянула в сарай находившаяся во дворе Варвара. — В доме вашей подруги кто-то ходит.
Оставив привязанного к стулу Самоварова возле разрытой могилы, Люська и ее подельники поспешили в мой дом. Увидев за столом меня и Анисимова, Люська от счастья разрыдалась, — чтобы потом, узнав подробности, смеяться вместе со всеми до колик.
Вызванный по анонимному звонку милицейский наряд перевез Самоварова на постоянное место жительство в тюрьму, так что мои помидоры больше никто не воровал. Зато долго гулял по окрестностям слух о неуловимых мстителях, объявивших войну рэкетирам. И никто не понимал, почему, слушая рассказы о грозных мстителях, я и мой муж Анисимов загадочно улыбаемся.

ЛИТОВЧЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
(псевдоним – Ирина Звягина)
Красноперекопск

Родилась в 1967 году в городе Лахденпохья Карельской АССР. В Крым переехала в 1968 году. Окончила среднюю школу №3 в г. Армянске, далее училась в Симферопольском кооперативном колледже. Специальность – кулинар-кондитер. В 1988 году по семейным обстоятельствам переехала в Якутскую АССР. Вернулась в 1990 году, поселилась в Красноперекопске. В 1995 году пришла в литературное объединение «Пятиозерье». С 2001 по 2006 годы была секретарем ЛИТО. С 2006 года — руководитель литературного объединением «Пятиозерье» Автор сборника стихов "Всполохи" (2006). Стихи публиковались в альманахах «Полынный мед», «Степные мелодии», «Камышовая бухта», «Город в ожерелье строк», журналах «Фанданго», «Полюс-Крым», а так же в периодической печати. Рассказы – в альманахах «Интеллигентный сезон», фэнзине «Фанданго», юмористическом журнале «Трутень». Победитель городского конкурса на лучшую песню о Красноперекопске (2007). Лауреат Первого регионального фестиваля поэзии и бардовской песни «Жемчужина в степи» (2011), дважды лауреат Международных конкурсов фантастической прозы «Фанданго» (2012 и 2013 гг.), лауреат Международных литературно-музыкальных фестивалей «Интеллигентный сезон» (2015 и 2016 гг.). Член клуба фантастов Крыма. С 2017 года – член Союза писателей Крыма.

КУКУШКА

Анна Ивановна Ерофеева мужа своего, Степана, похоронила еще в запрошлом году. Прожили они, что называется, в любви и согласии ровно тридцать лет и три года. Деток родили, воспитали. Внуки появились. Все хорошо было: дом, достаток…

Но вот простудился Степан Ерофеев. Стены стробил. Кто умеет, тому не надо рассказывать, что за пылища стоит в тесной комнатушке, когда перфоратором стены долбишь. Ни вздохнуть, ни охнуть. Чтобы малость проветрить, Степан приоткрыл окошечко. Тут-то подлый сквознячок его и подстерег. Кабы знал, где упадешь… И накрыло простого работягу воспаление легких. А доктора в глубинке – чуть не поголовно сосланные мединститутом двоечники. В общем, не повезло Степану, вылечили его на всю оставшуюся смерть. А потом по всем полагающимся обычаям обмыли, отпели и оплакали.

Анна Ивановна так и не смогла смириться с тем, что мужа уже нет. Ей все казалось, что он где-то здесь, совсем рядом, и слышит ее. Она даже разговаривала с ним, рассказывала ему новости про взрослых детей, про подрастающих внучек. Она могла часами говорить с мужем, сидя в одиночестве на клетчатом диване. Дети, услышав такие монологи, решили, что мать тронулась умом. Ее уговаривали, усовещивали, доказывали, что бред о бессмертии души – это поповские выдумки. Однажды отвели к

доктору, сказав, что бабка с горя крышей поехала. Доктор тоже, по всей видимости, был в числе неуспевающих, прописал витамины, тем дело и кончилось.
С тех пор Анна Ивановна зачастила на кладбище, здесь никто не мешал ей общаться с мужем, не стыдил, не выговаривал. Здесь каждый занят был своим горем.

Сегодня женщина принесла с собой ведро и совочек. Могилка изрядно просела, следовало подсыпать землицы, подровнять холмик. Ходить за грунтом предполагалось в другой сектор. Пока туда, пока обратно, каждое ведро грунта обходилось минут в 30. Но женщина не торопилась. Вернувшись из очередного «рейса», она высыпала землю и присела на скамеечку.
– Ой, Степушка, устала… посижу малость.
Она сняла косынку, поправила седую прядь волос и посмотрела вверх, в небо.
– А совсем уж весна, Степа. Смотри, как солнышко пригревает. Скоро уж и картошку сажать. Ой, а рассада в этом году какая хорошая у нас взошла! Помидоры прямо солдатики, крепенькие, ровненькие, один в один.
Она погладила портрет на сером могильном камне.
– А помнишь, как мы с тобой первый-то раз помидоры сажали? Ой, смехота… А их потом медведка поела. Как ты расстраивался-то, помнишь?
Она неслышно засмеялась.
– Ну, еще раз схожу, и потом уж буду тебе холмик поправлять. Лежи, лежи. Я скоро.
Она взяла ведерко и совок и побрела в очередной раз набрать грунта. Обратно прибежала взволнованная и запыхавшаяся, платочек сбился, едва дыша.
– Ой, Степа, ой… Ой, сил моих нет, погоди… Ой, отдышусь, чего расскажу!
Она перевела дух, вывалив очередную порцию комьев крымского суглинка на могилу мужа.
– Степа, а ты Лену Ховрину помнишь? Девочку, я говорю, из третьего дома, Лену? Да ну, что ты мне рассказываешь! Помнишь ты! Ее Ховрины взяли, какая-то их родственница дочку родила, да отказалась, а они и взяли к себе. Вспомнил? Ну, вот… Так она тут недалеко от тебя, да. Ну что значит, как умерла, будто ты не помнишь! Я что, не рассказывала?
Анна Ивановна рассердилась и махнула в сторону памятника рукой:
– Ну, как это я не рассказывала! Ты мне еще скажи, что я сумасшедшая! А то деточки-то не постеснялись, того гляди, в дурдом отправят.
Она обиженно помолчала и продолжила.
– Ладно. Я чего сказать-то хотела… Иду я сейчас с ведерком, а у могилки Леночки какая-то женщина стоит. Я сперва подумала, что это Татьяна

Ховрина к ней приехала, уж было и рот открыла сказать: здравствуй, мол, Татьяна… А потом гляжу – да не она это. Татьяна и ростом пониже, и пошире будет, а эта высокая, в сером пальто, рукава широкие, что птичьи крылья. И в руках такие розы красивые! Красные, как кровь, да крупные – каждая как твой кулак. Стоит, словно к памятнику Неизвестному солдату пришла.

Анна Ивановна понизила голос до шепота.

– И вот я иду, а она стоит. Не всплакнет, ни пошевелится. Увидала меня, сделала такое лицо, словно я не человек, а земноводное. Ну я, понятное дело, спрашивать ничего не стала. А вот сейчас все думаю, уж не та ли это кукушка, что Лену Ховриным подкинула? Ой, Степа… идет, идет! Ты посмотри на нее, а? Вырядилась! А каблуки-то, каблуки! Да порядочная женщина и не встанет на такие, сразу видно – спина ни разу не болела у нее. И очки черные, смотри ты, как в кино. Значит, легкую жизнь прожила. Идет, бесстыжая… Степа, да у нее тут и машина своя! Ну, прямо к машине и идет! Ну, правильно, мы с тобой все лучшее – детям, а у нее какие заботы? Вкусно кушать и красиво одеваться… Хахаль ей дверцу открыл. Руку целует. Ну, чисто сериал смотрю, Степа. Сначала дочка не нужна была, а теперь, значит, вспомнила. Ах, бессовестная…

Анна Ивановна проводила глазами дорогую иномарку, увозившую с кладбища неизвестную женщину в сером пальто, и вздохнула. Все было в этом вздохе: и многолетняя бабья усталость от бесконечной работы и быта, и горькое сожаление о судьбе брошенного ребенка, и нотки зависти, что уж ей-то никто рук целовать не будет и роз на могилку не принесет.

Она вытерла концом платочка слезинку в углу глаза и, еще раз вздохнув, принялась наводить красоту на последнее пристанище мужа. Управившись, положила на холмик принесенные с собой по традиции продукты: пару вареных яичек, карамельки, галетное печеньице, и снова присела на ту же скамеечку:

– А я ведь, Степушка, сильно по тебе скучаю… Я ведь с тобой и наговориться даже не успела. Раненько ты меня одну оставил. Ну, да уж что теперь толковать, что было, то прошло. Кукушка-вековушка вот весь век одна живет, гнезда не вьет. Вот так и мне теперь без тебя, век одной куковать.

Она посидела еще, склонив по-птичьи голову в платочке. Помолчала.

– Пора мне, Степушка. Скоро уж последний автобус в город пойдет, не опоздать бы.

Собрала нехитрые свои инструменты, поцеловала портрет на могильном камне.

– Не скучай. Я через недельку опять…

Анна Ивановна вошла в салон последнего рейсового автобуса и села на свободное место. Вместе с ней с кладбища уезжали еще несколько женщин

с сумками. В сгущающихся сумерках все они казались серыми тенями с птичьими лицами, а в глазах их читалась какая-то странная отчужденность и от этого мира, и друг от друга.

А когда в городе мертвых не осталось ни одного живого человека и шум автобуса стих вдали, в вечереющем воздухе всхлипнуло звонкое и чистое:
– Ку-ку…

ЛЮДМИЛА КУЛИК-КУРАКОВА
Ялта

Родилась 18 июня 1959 года в Оршанском районе, Республика Беларусь. Окончила Симферопольское медицинское училище по специальности «медицинская сестра». В настоящее время живёт в г. Ялта. Руководитель Ялтинского отделения Союза писателей Крыма. Лауреат 4-го Международного музыкально-поэтического фестиваля «ЯЛОС 2015» в номинации «Тайный гость» – проза. Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Казантип поэтический» (Щёлкино), в номинации «Стихотворения, посвящённые Крыму» (2015г. 2016г.). Дипломант фестиваля «Интеллигентный сезон» (2017г.). Автор книги «Я буду рисовать стихами». Публикации в газете «Литературный Крым», журналах «Крым», «Белая скала» (Россия), «Соотечественник» (Болгария), «Метаморфозы» (Беларусь), «Новый меридиан» (США) и т.д. Соавтор 25 международных альманахов «Планета друзей». Лауреат закрытого конкурса альманаха «Планета друзей» (в номинации «Рассказ – быль»), получивший гранд ИСП на издание его авторов в приложении к журналу «Российский колокол» (2016г.). Благодарность КРУНБ им. И. Я. Франко «За активное участие в Празднике русской книги «Гармония поэтического слова» в рамках XI Международного фестиваля «Великое русское слово» (2017г.). Благодарность в честь «Дня Защитника Отечества» г. Севастополь ГР крейсер «Москва» (25.02.2018г.).

НА КРЕЙСЕР «МОСКВА» ПО КАНАТУ

Февраль две тысячи восемнадцатого года разнообразен в погоде: солнечные дни сменяются кратковременными дождями, холодные порывы ветра сталкиваются с тёплым, туманы порой закрывают пейзажи гор, за время зимы у нас в городе снег так и не выпал и лишь пару раз на верхушках гор зима усадила снег белыми лебедями, но тёплые порывы циклонов растворили этот один из признаков зимы. Солнечные лучи, прогревая растения, заставили их поверить в наступление весны и приятно

смотреть на цветение миндаля, сливы, кустарники, распустившиеся розы, словно молодые девицы, начинающие жизнь без страха и сожаления. Подснежники зацвели восьмого января в Симеизе, во дворе у моей приятельницы Светланы. Любование ими доставляет радость и, вдыхая аромат свежести, ты получаешь праздничное настроение. У меня на балконе продолжают приносить плоды помидоры «Черри», их посадила дочь Алёна и ухаживает за ними. Всю зиму они плодоносят. Зима подходит к завершению по времени года, но завтра обещают морозы.

Поездки в другие города, праздники – так и пробежало зимнее время. Если каждый день тебе что-то нужно сделать, или поехать, ты не замечаешь времени. Дни, насыщенные событиями, дают тебе второе дыхание жизни. Чем меньше свободных минут, тем лучше я себя чувствую.

В Севастополе прогнозируют до минус трёх градусов мороза. Мы едем с Татьяной на выступление – праздничный концерт для военнослужащих в честь Дня защитника Отечества. Будем читать стихи, и где? На крейсера «Москва». Мы так долго ждали этого момента. Я помню песню из детства со словами: «Что тебе снится, крейсер «Аврора»?» Крейсер – звучит как величественное и недосягаемое, непобедимое явление. Очень гордо звучит: «Крейсер Москва».

Я человек военнообязанный, есть военный билет, но мои сражения и служба проходили в больнице, я сражалась с болезнями за жизнь людей: принимали поступающих, кормили, носили на носилках, спасали от смерти, но иногда люди умирали. Всё как на войне, но в мирное время. Те же тревожные часы, что и у военных, забота, переживания. Отслужила двадцать лет. Военный билет храню, иногда вспоминаются больные люди в отделении кардиологии, помню некоторых фамилии и события минувших дней. Но и сегодня жизнь полна событиями, она интересна с включением в ней неожиданностей.

– Ты ходила на автовокзал? Купила билеты в Севастополь? – спросила подруга и соратник по перу Татьяна.

– Да, купила. Вот, возьми. – Я достала из кошелька билет и отдала Татьяне. Татьяна забрала билет и они с сыном ушли домой. Она спешила. А я прошлась по набережной с ялтинскими литераторами. У нас было очередное заседание литературного клуба «Созвездие лиры» в кафе. Я зашла в магазин, купила хлеб и молоко и поехала домой.

– Люда, взять билеты обратно из Севастополя? Я сейчас на автовокзале.

– Да, возьми, часов на шесть – ответила я на звонок Татьяны, сидя дома в кресле.

Через час я позвонила Татьяне:

– Купила билеты?

– Да, купила, – смеялась Татьяна, – туда два, обратно три. Мы в магазин заходили, и я выбросила билет, тот, что ты купила.
– А зачем три?
– Я с сыном еду.
– Зачем же ты выбросила билет?
– Я его вместо чека магазинного выбросила.
– Да, весёлое начало. Ну, ладно, не до смеха сейчас, завтра в пять утра вставать. Нам нужно быть на крейсере «Москва» в девять часов тридцать минут. Пока. До завтра.

Я проснулась без пятнадцати пять, выпила кофе, оделась и по темноте спустилась по ступеньках к автовокзалу. Зашла в автобус, через пять минут пришла Татьяна с сыном. Контролёр проверял билеты:
– А у кого пятое место?
– Пятого места не будет. Я билет выбросила – с улыбкой ответила Татьяна.
– Вы же не возвращаете деньги или другой билет? Это плохо. А билет нечаянно вместо чека выбросили.
Контролёр посмотрел на нас отрешённым взглядом и молча вышел из автобуса.
– Водитель, нам нужен четырнадцатый причал или пристань, в Севастополе! Скажите, когда выходить!
Водитель помолчал, наверное, он не знал, где, а потом ответил:
– Езжайте до конечной.
Что ещё может быть проще, когда не знаешь – до конечной.
«Всё ясно – подумала я, – он нам не скажет».

Севастополь нами плохо изведан, но знаю, что перед кольцом много дорог в разные стороны Севастополя. А одна из них – Северная. Других дорог не знаю. Выхода нет, едем до конечной. Там будем спрашивать.

Моросил дождь, местами туман стелился плотным слоем. Ближе к Севастополю появился ветер. Когда вышли из автобуса, холодный морозный воздух порывом бросился на нас. Я была в шубе. Мне дочь Алёна сказала:
– Мама, в Севастополе завтра будет три градуса мороза. Одевай шубу и шапку. Это тебе не Ялта.
Теперь понимаю, что прогноз погоды оправдан.

На автовокзале в Севастополе мы спросили, как проехать на четырнадцатую пристань. И мужчина нам ответил:
– Вам нужно на Северную сторону, езжайте до центра, там спросите.
Да что же это? Никто не может сразу объяснить? Долго, что ли, объяснять? Или севастопольцы не любят объяснять?
Мы сели в автобус и через три остановки вышли у беленых колонн возле моря. Морозный ветер покалывал иголочками наши лица. Людей мало в

городе, никто не объясняет, и мы немного погрустнели. Долго ли ещё добираться? И где стоит крейсер «Москва»?
– Мужчина, нам нужно на четырнадцатую пристань? На чём можно туда добраться?
– Внизу стоят катера. Идите и там спросите, – мужчина вытянул руку в сторону моря.

Мы побежали вниз за впереди идущей девушкой. Где-то должны быть кассы. Кассы закрыты. Идём дальше. У железной калитки стоит женщина-контролёр и продаёт билеты. Люди бегут на катер. Нам тоже надо поторопиться.
– Скажите, пожалуйста, нам нужно на четырнадцатую пристань. На Северную сторону – сказала я.
– В Голландию – добавила Татьяна.
Меня это название немного смущало.
– Вот, на катере садитесь, там спросите.
Да что ж такое, бегаем по Севастополю как иностранцы, говорим по-русски, но никто не объясняет. И где эта Голландия?
Мы купили билеты и зашли на катер. Сели по правую сторону. Куда плывём? Я поинтересовалась у мужчины:
– Скажите, пожалуйста, нам нужно на крейсер «Москва».
– В Голландию – добавила Татьяна.
– Я знаю, я работал на крейсере «Москва» много лет. Вам нужно пересесть на маршрутку и ехать до конечной.
– Опять до конечной, всё время до конечной, а конца не видно, похоже всё закручено кругами, – подумала я, сомневаясь в правильности пути.
– Потом нужно будет идти возле моря или выйти перед железной дорогой. Но тоже нужно идти, по расстоянию одинаково, но впереди могут быть закрыты ворота, и вы не пройдёте.
Мужчина ещё повторил маршрут, но нам было непонятно, где лучше выйти и куда идти дальше? Словно выполняли боевое задание по разведыванию местности. И мужчина добавил нам излюбленную севастопольскую фразу:
– Там спросите.
Сын Татьяны смотрел на навигацию в телефоне. Следил, на правильном ли мы пути. Но путь запутывался с пересадками транспорта.
Катер подплывал к берегу, люди вставали со скамеек и двигались к выходу.
– Выходим? – спросила Татьяна.
– Нет. Едем до конечной, – произнёс сын уверенным голосом.
– Так это и есть конечная, катер обратно пойдёт – сказала я и засомневалась, а может, и правда не конечная. Кто их поймёт?

Мы совсем запутались: где Северная, где четырнадцатый причал, где Голландия? Куда мы приехали: в Севастополь или в Голландию?
Выйдя с пристани на дорогу, впереди мы увидели стоянку автобусов.
– Нам нужно на четырнадцатую пристань или причал, на крейсер «Москва»? – спросила я у рядом идущей женщины.
– В Голландию? – добавила громким голосом Татьяна.
– Впереди стоят автобусы, вам туда, на 46 номер.
– Пойдёмте быстрей, вон стоит №46. Нам нужно успеть, времени мало осталось, можем не успеть к назначенному времени на крейсер.
Я побежала вперёд и вскрикнула, увидев на автобусе название:
– Голландия! Вот она! Мы её нашли!
Мы сели в автобус, в нём было около шести пассажиров.
– Мы едем, кажется, обратно, в сторону Ялты, – обращаясь к Татьяне, произнесла я.
Сзади сидели мужчины. Один из них ехал с нами на катере.
– Мужчина, скажите, как попасть на крейсер «Москва?
– Вам тот мужчина на катере говорил выходить на железной дороге. Но лучше не нужно. Езжайте до конечной. Там спросите.
Заколдованные круги получаются, третий раз нам говорят: «Езжайте до конечной, там спросите», и никто не говорит, где же этот конечный пункт.
– Да, у вас в Севастополе всё запутано – сказала я, обращаясь к мужчине из катера.
– Язык до Киева доведёт, – произнёс мужчина.
– Туда нам сегодня точно не нужно, – возразила я. – Нам бы до Голландии добраться. У нас в Ялте всё понятно. С гор все спустились к центру, всё рядом.
– А у вас рыбаки ловят рыбу?
– Да, ловят, – ответила Татьяна.
– А у нас квадракобры пускают – камера, летающая такая, знаете?
– Да. Знаем.
– А потом встречают вместе с рыбой и штраф.
– Приезжайте к нам, в Ялту.
Мы вместе посмеялись и мужчины вышли на остановке. А мы ехали ещё минут двадцать. До начала концерта оставалось тридцать минут.
– Смотрите, поворот. Может, нам выходить? Не пропустить бы остановку, а то обратно поедем.
– Это конечная? – спросила я.
– Да, конечная, – устало произнёс водитель.
– Выходим.
– Да, выходим, – подтвердила Татьяна

И мы принялись приставать к прохожим с один вопросом, с волнением и тревогой в голосе, что не сможем справиться с ответственным заданием. Для нас было очень важно успеть по времени.
– Нам нужен четырнадцатый причал, крейсер «Москва»? – обратилась я к пассажирке, вышедшей из автобуса №46.
– Идите туда, по тропинке вниз. Там спросите.
Холодно. Людей на улице мало. Спросим – подумала я, – если будет у кого. Мы шли по тропинке между старых ржавых заборов, ступая на подмёрзшую землю, а местами замешанную на дожде. Мы шли, растерянные в своих действиях, но уверенные, что крейсер близко. Оставалось восемнадцать минут до начала концерта, посвященного «Дню защитника Отечества». Мы двигались вперёд, чтобы приблизиться к морю, наверняка крейсер здесь. Вот мы у моря. Ура! Четырнадцатый причал или пристань? Но где же крейсер? Старенький домик с маленьким окошком, но никого в нём нет. Небольшой каменный навес с двумя столбами, побитый временем и людьми. Скамейка. А вокруг ни одного человека. У кого спрашивать? Куда дальше?
– Смотрите, на той стороне бухты стоит крейсер «Москва» – сказал сын Татьяны.
– Да, действительно крейсер «Москва». Мы его нашли. Но кто перевезёт нас по воде? Маленьких катеров здесь нет. Какая-то заброшенная Голландия. На Севастополь не похожа.
Мы бегали по четырнадцатой пристани и пытались высмотреть дорогу по земле к крейсеру.
– А как мы туда попадём? Между нами и крейсером морская вода. Куда идти? Или плыть нужно? А сколько времени осталось? – обратилась я к Татьяне. – Опаздывать нельзя. Люди военные. Дисциплина.
– Осталось десять минут – ответила Татьяна. – Люда, звони Вячеславу Владимировичу, у меня телефон в рюкзаке.
– Хорошо, сейчас позвоню: – Вячеслав Владимирович, мы в Голландии, на четырнадцатой пристани. Здесь никого нет. Что нам делать? Куда идти.
– Вы проходили через КПП?
– Нет. А где это?
– Ищите. Мы только что его проехали на автобусе.
– Ага, хитренькие, они на машине из Симферополя добираются, не выходят, и до крейсера поехали на автобусе. А мы здесь бегаем по Голландии, ни одного человека нет.
– Пойдемте вправо, там железные ворота и табличка. Навигатор показывает, что мы уже близко – сказал сын Татьяны и пошагал вперёд.
На табличке, висевшей на воротах, мы прочитали: «Посторонним вход воспрещён. КПП.
– О-о-о!!! Проход здесь. Пришли – сказала я.

Из окошка пропускного пункта выглянул мужчина в форме.
– Нам нужно пройти на крейсер «Москва». У нас выступление в девять часов тридцать минут. Как пройти туда? – спросила я, с уверенностью думаю, что мы почти на месте.
– Вам нужно возвращаться и идти по дороге. Но вокруг идти вы не успеете – это будет долго – объяснял мужчина средних лет.
– Есть путь короче. Видите – кипарисы у моря, идите туда, возле последнего поворачивайте, идите вперёд по тропинке, там у высоких камней будет верёвка, по ней перелезьте, а дальше пешком.
– Хорошо, спасибо.
И мы быстрым шагом двинулись вперёд на «баррикады», чтобы задание было выполнено успешно.

Небольшая кромка забетонированной дороги быстро закончилась. Дальше – по камням, потом по земле и вот последний кипарис. Слева – камни и море, справа – заборы из металлической сетки прошлых времён, выше – маленькие жилые дома. Тропинка закончилась – остановка конечная. Впереди высокие белые камни. Рядом мы обнаружили верёвку. Вот она.
– Я туда не полезу – сказал сын Татьяны. – Очень высоко, зацепиться не за что.
– Но я тем более не смогу наверх залезть. Забор высокий, а с той стороны колючая проволока – возмутилась я.
– Ещё подумают, что мы чужие. А вдруг стрелять начнут? – сказала Татьяна. – Видели надпись: «Посторонним вход воспрещён».
Куда же идти: ловушка какая-то! Вот вам и Голландия на четырнадцатом причале. Ему число надо было дать тринадцать.
– Давайте вверх по дороге поднимемся – предложил сын Татьяны.

Мы совещались, идя обратно в сторону дороги, поднимавшейся вверх. Решения принимали быстро. За металлическим забором из небольшого домика вышла девушка в форме.
– Девушка, нам нужно на крейсер «Москва»? У нас выступление. Там будет концерт. Куда нам идти? У нас пять минут остаётся до выступления.
– Идите вниз к морю. Возле камней верёвка. По ней пройдёте возле моря, и по камням до крейсера.
– Мы там были. В море идти, ноги намочим. А на улице мороз.
Похоже, другой дороги нет – только по канату. Рискнём. Странная эта Голландия в Севастополе. Всё незнакомое, запутанное, словно в чужой стране. Да, чаще нужно приезжать в Севастополь.
– Давайте попробуем вниз спуститься, – советовались мы. – Будем все вместе держаться за канат. В одной упряжке не так страшно. Падать, так вместе, в любимое Чёрное море.

Вода прозрачная, изумрудная и холодная. Крепко держась двумя руками, мы скользили по белым камням вниз, упиравшихся своей мощью в морские камни. Татьяна была первой, и, перешагнув по камням в море за стену белых камней, крикнула:
– Я вижу песок и тропинку. Здесь невысоко.
За Татьяной поднялся наверх Влад. Парням это легко удаётся. А я в тяжёлой шубе и белых сапожках, преодолевая препятствия, касаясь сапогами моря, взобралась, оставляя верёвку-канат, глядя на неё, как на реликвию. Получив навыки альпиниста и моряка, мы совершили пехотную пробежку к виднеющимся кораблям. Мы у цели. Появился военный. Значит, на правильном пути.
– Скажите, пожалуйста, нам нужно на крейсер «Москва», мы правильно идём?
– Да, он последний стоит. Вам туда, – и офицер указал на пропускной пункт.
Мы пробежали в открытую дверь пункта.
– Через пять минут крейсер отплывёт – сказала Татьяна.
– Нет, ты что, он в море не выходит, концерт внутри крейсера будет.
– А я думала: в море.
– Много чести. Скажи ещё: капитан первого ранга будет встречать.
Пробегая, мы поздоровались с офицерами. Они стояли на пристани, глядя на корабли, и беседовали. Ветер холодный, ещё несколько метров. Вот он – крейсер «Москва». Задание выполнено, прибежали вовремя, нас встречали. Мы поднялись по трапу. Молодой человек в форме с погонами приказал, обращаясь к матросу, стоявшему у трапа, одетому в длинный, овечий тулуп (да, нелегко здесь ребятам служить, в мороз стоять – подумала я): – Проведи гостей, где будет проходить концерт.
Мы последовали за дежурным матросом, спускаясь вниз, и у дверей перешагивая через выступы. Да, не побегаешь. Перед глазами мелькали закрытые коробки на стенах и трубы. В помещении, куда привёл нас молодой служащий, на деревянных скамейках сидели матросы.
– Вы как добирались? – спросил Вячеслав Владимирович.
Я вкратце рассказала ему, и добавила: «После каната – на подводной лодке».
– Прямо из Ялты? – не всё расслышав, спросил он.
– Да, из Ялты.
И мы рассмеялись.
Выступающие суетились в маленькой комнате. Я положила шубу на двухъярусную кровать, а сверху бросила синий тёплый шарф.
В помещении зазвучали поздравления с Днём защитника Отечества, стихи, песни. Фотоснимки на память. Вячеслав Владимирович подарил книги в библиотеку. А я подписала свою книгу «Я буду рисовать стихами»:

«Экипажу гвардейского крейсера «Москва» от автора», и вручила её офицеру. Затем состоялось вручение благодарностей всем участникам концерта. Для нас это знаменательное событие. В благодарности написано: «За огромный вклад в патриотическое воспитание личного состава, творческие успехи, активное участие, старание инициативу, и в честь Дня защитника Отечества, подписанную командиром войсковой части, капитаном 1 ранга О. Князевым.

После вручения грамот нас пригласили в офицерскую столовую, где предложили чай с печеньем. Уютная большая комната с картинами, флагами. А на двух экранах телевизоров светилась надпись: Союз писателей Крыма, то есть мы, что было вдвойне приятно увидеть. Этот наш маленький вклад в жизнь молодых парней-моряков, наши стихи и песни. Мы старались. И если одна строка или слово затронули их сердца, то для нас это лучшая благодарность. Но это ещё не всё. Командир повёл нас на экскурсию по крейсеру. Мы обрадовались, вышли на палубу. Холодный ветер подул мне в шею, и тут я вспомнила, что шарф оставила в маленькой комнатке. Офицер рассказывал про орудия.

– Я забыла шарф, где мы раздевались перед концертом, – поворачиваясь к офицеру, сказала я.

– Не волнуйтесь, сейчас вам его принесут – ответил офицер, приятный молодой мужчина среднего роста.

– Принеси шарф, – обращаясь к матросу, скомандовал офицер, и объяснил, где его найти.

Мы медленно продвигались по крейсеру, внимательно слушая историю крейсера. Подбежал молодой офицер, без шарфа. Я подумала: не нашёл, придётся распрощаться. Как Тане с билетом.

– Что? Говори – произнёс офицер.

– Они меня послали, – ответил матрос.

– Кто? Позови мне…, – и офицер назвал фамилию.

Экскурсия продолжалась. Подошли двое матросов.

– Ну что вы за мной ходите? Видите, я занят, экскурсия. Подождите внизу, дверь сейчас откроют, я приказал.

Минут через десять шарф был доставлен на верхнюю палубу тем же матросом, что бегал в первый раз. Он по-мужски держал его крепко, свернутым и зажатым в ладони. Я радостно взглянула на шарф:

– Спасибо большое.

Теперь полная экипировка против зимы. Экскурсия по крейсеру «Москва» закончилась и офицер, провожая нас, спустился на пристань и спросил у симферопольцев:

– Вы на чём добираетесь?

– Мы на автобусе, – ответил Вячеслав Владимирович.

Мы трое: я, Татьяна и её сын остановились с мыслями: «Неужели опять по канату, затем пешком, на маршрутке, на катере. Может, есть другой путь?»
Офицер видел нашу неопределённость и сказал:
– Могу подвезти вас до КПП.
– Вам куда?
– Нам в город, к Дому офицеров. Там в три часа концерт.
– Хорошо, садитесь, но только до КПП.
На улице морозно, ветер. Так не хочется идти с препятствиями. Но спасибо ему, хоть по канату не придётся идти. Мы уселись в машину.
– А здесь тепло, погреемся – произнесла Татьяна.
– Да, тепло – подтвердила я.
Пока мы перекидывались словами, командир вышел из машины, обошёл её вокруг и через три минут стоял у открытой двери, с моей стороны. Он, протягивая мне трогательно, по-джентельменски, руку, произнёс:
– Выходите.
Я смотрела, не понимая ситуации, что мы натворили, но выходить на мороз не хотелось. Я посмотрела на Татьяну. Она молчала и смотрела на офицера.
– Вы шутите? Куда выходить?
– Выходите из машины.
Я подумала: «Ладно, дойдём пешком, маршрут не забыли. Служба, наверное, обстоятельства изменились».
Мы вышли разочарованные на мороз. Северная сторона. Вот когда вспоминаешь преимущества юга.
– Проходите сюда, – шагая к рядом стоящей машине, сообщил офицер. Вас довезёт командир.
Это лучший вариант. Мы уселись в машине. Вторая попытка, чтобы не идти пешком.
– Вам куда нужно?
– Нам к Дому офицеров.
– Я вас в город отвезу, я туда еду.
– Замечательно. Спасибо – ответили мы по очереди.
Я достала благодарность и прочитала:
– Черноморский флот Российской Федерации. Открыла внутреннюю сторону и прочла внизу над печатью:
– Командир войсковой части, гвардии капитан 1 ранга О. Князев.
Мы с Татьяной сидели на заднем сидении машины.
– Скажите, случайно не вы О. Князев, – громко произнесла я.
– Да, я Князев. – ответил офицер.
Мы переглянулись с Татьяной. Вот нам повезло. Сам О. Князев, капитан 1 ранга везёт нас в город на своей машине из Голландии. Моя мама сказала бы: вот так подфартило. Больше ни о чём спрашивать я не решалась.

Подъехав к Дому офицеров, мы поблагодарили капитана и, войдя радостные в фойе, под музыку оркестра станцевали с Татьяной вальс. А затем похвастались Вячеславу Владимировичу:
– Нас сам Князев довёз до города, капитан 1 ранга.
– Серьёзно?
– Да, мы не обманываем.
– Как вам повезло!
– Но вы же по канатам не лазили?!
Мы посмотрели концерт, не долго, и поехали домой.
Смотрю сейчас на благодарность, где на развороте фотография крейсера «Москва» и удивляюсь: я была на этом крейсере, ходила по палубе, читала стихи перед матросами. Нас так приветливо приняли. И пусть никогда не стреляют его орудия, пусть ходят экскурсии, а мы будем читать для экипажа крейсера стихи, петь песни. Пусть юношей и мужчин поздравляют каждый год с праздником «Дня защитника Отечества». А у них будут только учения. Пусть служат для мира и во имя мира! А мы будем радовать своими творческими успехами. Да, из пятисот человек экипажа кто-то тоже пишет стихи и песни в свободное время. Творчество нас объединяет. И пусть наша дружба будет самым главным оружием.

ЕЛЕНА ДАНИЛОВА
Саки
Руководитель Арт-клуба «Февраль» г. Саки, заместитель председателя Союза писателей Крыма. Родилась на Донбассе. Закончила КФУ им. Вернадского, в настоящее время работает учителем начальных классов, ведет активную творческую жизнь. Публикации в сборниках и альманахах: «След. Крымская палитра» (Саки 2017), «Интеллигентный сезон – 2017», «След. Зигзаги удач» (2018), «Начало пути» (2020), «Калининград – янтарный берег» (Москва, 2020), «Планета друзей» (№106, 110 2021), «Новый енисейский литератор» (1/2022), электронной газете «Литературный Крым» (Крым, 20–21) и т.д.

ПРЕДВОЕННЫЙ ВЫПУСКНОЙ

Ах, как дурманили цветы!
В садах черешни наливались.
А мы с тобой на выпускном
С друзьями, школой попрощались.

И все пошли встречать рассвет…
Кто ж знал, что мир уже наш в прошлом!
Уж взвился в небо свет ракет,
И первый танк в атаку брошен.

Война! У военкомата
Стоим, вчерашние мальчишки.
И слышен голос Левитана,
И на ружьё сменились книжки.

Ну, а девчонки, платья спрятав,
Поправив сумку на плечах,
Простившись у военкоматов,
На фронт ушли, ускорив шаг…

И нам дано на поле боя
Врага в Россию не пустить
И, землю заслонив собою,
Навеки молодыми быть!

РАЗГОВОР С БАБУШКОЙ

– Расскажи мне, бабушка, о войне.
– Это слово грустное. Больно мне.
Жили дружно в городе мы Лебедине.
Четверо детишек помогали мне.

Дедушка учителем в местной школе был,
И играть на скрипке очень он любил.
Я ж преподавала в школе языки.
Заходили часто к нам мои ученики.

Но война по городу горем пронеслась.
Школа не работала. Поменялась власть.
А когда в Германию эшелон пошел,
Случай на разъезд меня в тот момент привёл.

До сих пор мне слышатся голоса ребят,
Что с теплушек ветхих с болью мне кричат:
– Верочка Михайловна, помните о нас!
В эшелоне ехал мой любимый класс…

Много пролетело лет, многое прошло,
Только сердце навсегда это сберегло.
С той поры мне о войне больно говорить.
Не могу я эшелон этот позабыть.

ТАЛЬЯНОЧКА–ТАЛЬЯНКА

Выйду в поле спозаранку
Растяну твои меха,
Эх, тальяночка-тальянка,
Примани мне жениха!
Бабий век, увы, не долог.
Мужики все на войне.
Я пойду пахать с рассветом
На корове, не коне.
Я прошу тебя, тальянка,
Голос твой пусть вдаль летит,
Ну а суженый, вояка
Пусть скорее в дом спешит.

Пусть с победою вернётся,
Будет сеять, будет жать.
Я ж в дому хозяйкой буду
Шить, готовить да рожать.
А под вечер возле дома
На завалинке у нас
Соберём друзей, знакомых
На весёлый перепляс…
Вот стою я спозаранку,
Растянув твои меха.
Эх, тальяночка-тальянка,
Примани мне жениха!

СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!

Моему деду, рядовому Гусеву М.П.,
пропавшему без вести в 1942г.

Говорю: «Спасибо деду
За Великую Победу!»
Улыбается в ответ
Молодой безусый дед.

Быть героем не старался,
Но и трусом не хотел.

Он от пули не спасался,
Защищался, как умел.

Дома дети батю ждали.
Младшенькой всего-то год…
Но война не выбирает,
Кто под пулю попадёт.

И сегодня вместе с дедом
На парад пойдём Победы:
Я и мой безусый дед,
Не дождавшийся побед.

МОЙ ДЕД

Он не пал смертью храбрых,
Он просто… лег на землю устало вздремнуть.
Не мешайте, снаряды, постойте,
Не пронзайте ни душу, ни грудь.

А над ним ветер кружит колосья…
Эх, в муку бы их… Вымесить… В печь…
А душа к Богу просится в гости.
Не сумел он ее уберечь.

Жизнь прожить, как хотел, не судилось.
Молодой, а гляди-ка, уж сед.
Он упал, защищая Отчизну.
Рядовой разведроты, мой дед!

ДОВОЕННОЕ ФОТО

На фото моем пожелтевшем мы все еще живы.
На фото семья – каждый полон здоровья и силы.
Вот мама, смеясь, обнимает смешного Трезора.
Я, к папе прижавшись, гляжу на родные просторы.

Бабуля в цветастом платке улыбается внуку
И держит, счастливая, деда под правую руку.
На фото моем первый раз собралась вся семья.
И целых три дня до войны. Еще целых три дня!

А время кружит надо мной скорбной белою птицей.
А мне б в этот памятный день хоть на миг возвратиться.

Прижаться к отцу, маму крепко схватить бы за руку.
И всех уберечь от беды…
И всех уберечь от беды!
От ярости взрыва, от вечной тоски и разлуки!

ДЕВЧОНКИ НА ВОЙНЕ

Сладко-пенное буйство садов.
Девчонки, ну точно невесты.
Сорок первый. Июнь. Выпускной.
В расцвете мечты и надежды.

А наутро ворвалась война.
Мечты перечеркнуты взрывом.
Что ты скажешь, родная страна?
Приказывай! Сердцем всё примем!

В наши окна медовый июнь
Влетает с жужжанием пули.
Как прощальный горчит поцелуй.
И первые в вечность шагнули…

«Эй, сестренка!» – звучало не раз,
Когда под визжанье снарядов,
Жизнь на хрупких девичьих плечах
Возвращалась к простым солдатам.

Вы забыли про запах духов.
Смеяться почти разучились.
Но мечтая о смерти врагов,
Добрей и сильней становились.

БЕРЕЗЕ ПРУССИИ

(нашему деду, Герою Советского Союза Ткаченко И.Ф.,
в течении 11 часов вызывавшему огонь
на себя в бою под Бартаништейном, посвящается)

Ну, здравствуй, дерево. Узнаешь ли меня?
Касаясь изувеченной коры,
Шепчу: «Спасибо. Ты защитой мне была,
Береза жутко-огненной поры».

Ты помнишь, милая, уселись под тобой
Разведчики, устало гомоня.

Как символ Родины, безмолвной, дорогой,
Там, в Пруссии, краса твоя была.

Нас только четверо, а Бартанштейн, гляди,
Врагами полон, техникой набит.
Февраль по-здешнему купается в грязи,
Березовый лишь сарафан рябит.

Летит снаряд! Минуты счастья сочтены.
Огонь вокруг взъерошился стеной.
И через час на высоте в живых лишь мы:
Я с рацией, да скорбный шелест твой.

И, корректируя огонь до хрипоты,
Координаты в штаб передавая.
Я глох, стонал, но не давая здесь пройти,
Кричал: «Огонь!», на нас залп направляя.

В тот трудный день я выжить мог едва ли.
Одиннадцать часов тот длился бой.
Но ты меня от взрывов защищала
Ветвями, будто маминой рукой.

Ну что ж, уходим вновь тропой военной.
Последний раз стою перед тобой.
Мы породнились, это чувствую в себе я:
Как ствол стал крепок, как кора седой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД РОССИИ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЫЗРАНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

СЫЗРАНЬ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД РОССИИ

Сообщество писателей появилось в Сызрани ещё в тридцатых годах минувшего века. Оно продолжило развивать богатые литературные традиции знаменитых классиков, чьи жизнь и творчество в разные годы были связаны с городом.

Это Иван Дмитриев, Денис Давыдов, Алексей Толстой, Константин Федин, Сергей Григорьев, Николай Панов и другие. Такая благодатная почва не могла не взрастить новых талантливых поэтов и прозаиков. Ими руководил сотрудник местной городской газеты «Красный Октябрь» Кузьма Горбунов. Официальной же датой рождения нынешнего городского литературного объединения считается 1951 год. Его костяк составили вернувшиеся с войны фронтовики: Валентин Павлов, Анатолий Давыдов, Николай Овчинников.

По сей день на слуху у горожан имена писателей Надежды Подлесовой и Владимира Сидорова, тоже стоявших у руля литобъединения. В начале восьмидесятых ответственный пост председателя ЛИТО занял Вячеслав Харитонов. И вот уже более тридцати лет он является неизменным наставником как для начинающих, так и для других прозаиков и поэтов города.

Щедро делится своим итературным опытом с писателями и Наталья Окунева — сопредседатель организации. Кроме того, Наталья Владимировна и Вячеслав Владимирович являются редакторами и корректорами большого количества книг сызранских авторов. Отдельно следует отметить литературно-художественный альманах «Сызранская излучина». Он издаётся с 2012 года и пользуется огромной популярностью у жителей нашего края.

Сызранская городская писательская организация была создана в 2014 году. В её состав вошли не только члены и кандидаты в члены Союза писателей России, но и наиболее талантливые участники городского литературного объединения. Председателем её правления на общем собрании организации был избран член Союза писателей России Сергей Кирюхин, а его заместителем — кандидат в члены Союза писателей России Александр Мишенков. На том же собрании были приняты устав организации и другие основополагающие документы её деятельности.

А Сызранское отделение Союза писателей России образовалось в 1998 году, когда сразу четверо сызранцев были приняты в творческий союз. Это двое писателей-фронтовиков — Николай Овчинников и Надежда Подлесова, а также их более молодые коллеги — Олег Портнягин и Вячеслав Харитонов. За годы деятельности организации СПР её состав пополнился такими замечательными литераторами, как члены Союза писателей России Галина Цыплёнкова, Александр Карякин, Лидия Невская, Галина Елисеева, Надежда Чванова, Елена Миронова, Игорь

Рабштейн, Илья Портнягин и кандидаты в члены Союза писателей России Татьяна Твердохлебова, Валентина Юдина, Наталья Бондаренко и Александр Мишенков.

В августе 2021 года в Сызрани проходил литературный фестиваль и десятилетний юбилей альманаха «Сызранская излучина». На этот праздник русской словесности собрались писатели из обеих столиц — Москвы и Санкт-Петербурга, а также из многих регионов страны. В рамках этого события состоялось выездное заседание секретариата правления СПР, где впервые прозвучало предложение о присвоении Сызрани почётного литературного звания.

В декабре на пленуме Союза писателей России было утверждено решение секретариата о присвоении Сызрани почётного звания «Литературный город России». А несколько месяцев спустя, 21 марта 2022 года, на торжественном собрании в городском драматическом театре секретарь СПР Геннадий Иванов вручил городу Сызрань диплом, вымпел и малую копию флага Союза писателей России.

Так Сызрань удостоился чести носить почётное звание «Литературный город России»…

ВЯЧЕСЛАВ ХАРИТОНОВ родился в городе Сызрани Куйбышевской области в 1942 году. Окончил Сызранский трикотажный техникум и литфак Свердловского пединститута. Служил ракетчиком в МО ПВО, где впервые опубликовал стихи в окружной газете. Работал на ИТРовских и рядовых должностях в лёгкой, пищевой и химической промышленности и в тяжёлом машиностроении в Сызрани и Семипалатинске, а также журналистом в городской, районной и заводской печати. Член Союзов писателей и журналистов России. Публиковался в газетах и журналах Москвы и Подмосковья, Поволжья, Урала и Сибири, в коллективных сборниках. Издал восемь поэтических книжек. Дважды лауреат городской премии «Признание», областной литературной премии имени Виктора Багрова и Всероссийской литературной премии «Мастер». Проживает в Сызрани, где на протяжении многих лет руководит городским литобъединением.

НА РАСПУТЬЕ

И снова витязь на распутье.
В очах упорство, гнев и грусть.
А, может, это и сам Путин?
Ответить сразу не берусь.

Сверяет он с российским курсом
Грядущий путь родной страны,
Не потакая чуждым вкусам,
Нападкам зла со стороны.

До президента дослужился,
Не посрамив свою мечту.
На лбу не дрогнет даже жилка:
Нацелен так на правоту.

За ним - история России,
Размах полураскрытых крыл,
Что наших предков возносили,
Объединяя фронт и тыл

Единой верой православной
И всех соратников её,
Идти путём-дорогой главной,
Не сотрясая бытиё

Иных племён, иных народов,
Их прорицателей, вождей,

Что с думой о своих свободах,
Ведут в грядущее людей.

ДЕТЯМ ВОЙНЫ

Год достоин сорок третий,
В том история права,
Превосходных междометий,
Если кончились слова

И к родным, и к инородцам,
Не вернувшимся с войны,
Рядовым и полководцам
На фронтах родной страны.

Но с тех пор, как ни скорбите,
Как ни таяли б сердца,
Нет на свете знаменитей
Неизвестного бойца.

Кем он был, скрывал ли возраст,
Коль до нынешнего дня
Сохранил бессмертный образ
В всплесках вечного огня?

Не дадим его, потомки,
Новых войн познавши жуть,
Память светлую в потёмки
Ненароком окунуть.

Ты, рождённый в сорок третьем,
Продолжая рода нить,
Разве дашь кому на свете
Чем-то предка очернить?

Потому и не премину
Каждый год, пока живой,
Возвращаться в середину
Страшной битвы мировой.

СЛЕД КАРАНДАША

Вникнув в треугольник
Бесконвертных писем,

Николай Угодник,
Поделись их смыслом,

Нераскрытой тайной,
Что пробилась к маме
Весточкой случайной
В час между боями.

Карандаш химический
Помусолил воин,
Тон избрав лирический,
Пишет, что живой он.

Защищён фактически
Бруствером окопа,
Бьётся героически,
Как ни жмёт Европа.

Мол, вернусь с победою,
Если в схватках выстою,
Всем тогда поведаю
О безумстве выстрела,

О штыке, пронзающем
Вражье тело слепо,
И бойце не знающем,
Как погиб нелепо...

2

Оттого и близок нам
В пору новых бед
На листке замызганном
Карандашный след.

Зря ли он, неизданный
Строчкой средь бумаг,
Дух поднять нам призванный,
Проступил сквозь мрак?..

Трепещите, ироды,
В статусе своём:
Если вы и лидеры,
То над вороньём!

СТАРУШКИ И ЦЕРКВУШКИ

Ещё не вымерли старушки,
А в русских сёлах там и тут
Стоят забытые церквушки,
Порастерявшие уют.

Одни святыни местной властью
Превращены давно в склады,
Куда податься для причастья
Закрыты напрочь все ходы.

Другие даже в день престольный,
Открыты ливням и ветрам,
Забыли звон свой колокольный
И прихожан, спешивших в храм.

Мох и трава в продрогших окнах,
И стены, без икон пусты,
Укрытьем стали для животных,
Что ходят-бродят без нужды

По прилегающим лужайкам,
Между могилок и крестов...
Сельчанин, как ни возмущайся,
Ты сам - наследие грехов.

Пусть в Лету канула эпоха,
К иконам и попам строга,
Но и поздней бывало плохо
Страдальцу вроде мужика.

Хотя Отечество свободно,
Просчёты, как их не таи,
Воспринимаются сегодня
Людьми простыми за свои,

Коль проявился прежний ворог,
Что, сослан в гиблые края,

Не растерял свинец и порох,
Ещё пригодный для ружья.
Не зря спешит ему на помощь,

О нас не зная ни шиша,
Америки с Европой помесь,
Такой же злобою дыша.

А что касается старушек,
То им нужнее, не доспав,
Оставить пух своих подушек,
Сердца открывши нараспах.

Покуда злыдни все не мёртвы
И цел спасительный наш кров,
Объединим в полки когорты
Своих сограждан и сынов.

И грусть растает незаметно,
Когда остынет вражий прах,
И прозвучит салют победно
С колоколами в куполах.

ОБЕЗВРЕЖЕННЫЙ СНАРЯД

За стеклом музея ящик.
В нём не свадебный наряд,
А минёром настоящий
Обезвреженный снаряд.

На него металл затрачен.
Он, и мститель, и слуга,
Был угробить предназначен
Обнаглевшего врага.

Злом кичился ль Самозванец,
Англо-сакс, забывший страх,
Либо турок и афганец -
Постигал безумца крах.

Поредела ль рать пророков,
Утверждать я не берусь,
Коль забыта суть уроков,
Что давала миру Русь.

Кто чужой не жаждал крови -
Хан ли, бек ли, или шах?..

А она на добром слове
Поднялась, как на дрожжах.

Нас теперь скрути попробуй!
В злом дыму вселенских смут
Все тенёта русофобий
Наши воины порвут.

Поскорей бы только в ящик
Сдать снарядов муляжи,
А тем паче настоящих
Впредь, судьба, нам не кажи!

ФАРФОР ИЛИ ФАЯНС?..

Что разгляжу в огне я,
„ Что грел нас с давних пор?
И что для нас важнее -
Фаянс или фарфор?..

Что скажет археолог,
Над черепком склонясь?..
Фарфора век не долог,
Непрочен и фаянс.

Простой гончар на свете
Знал: доступа к ним нет,
Пока под страхом смерти
Не выкрали секрет.

С тех пор посуды масса -
Куда ни поглядишь.
Небьющейся пластмассой
Уже не удивишь,

Ведь как её не стукай -
Не повредишь всерьёз,
Меж тем, как злой гадюкой
В наш быт пластид прополз.

Вес выверен до грамма,
Хоть неказист на вид.
Но ни жилья, ни храма

Заряд не пощадит.

А с Запада, с Востока ль
Вдруг полыхнёт "заря" -
Не разглядим до срока
Исток её. А зря!

ОДНОПОЛЧАНИН

В час досуга не молчали
О себе однополчане.
Крепче сахарной горилки
Поцелуй дивчины пылкий,

Хлеб с горчинкою печной,
Сало в палец толщиной...
Так, смешна и чуть наивна,
Представлялась Украина

С чаркой, пущенной по кругу,
В годы службы мне и другу.
В пору юности завидной
В корочке жевто-блакитной,

Словом, в жёлто-голубом,
Вспомню дембельский альбом.
На просторах Подмосковья
Прибавлял нам всем здоровья

Приукрашенный слегка
Быт ракетного полка.
Помню, Украины отпрыск
Ехал с Сахалина в отпуск.

Разболтались - вот те на! -
Из полка он Фомина,
Где, вкусив немало пота,
Отслужил я все три года.

Позже полк перевели
От Москвы на край земли.
С чувством гордости завидным
О делах в полку зенитном,

Всех и вся включая в опись,
Мне поведал славный хлопец.
Этот случай вспоминаю
И, увы, теперь не знаю,

Как и чем живёт он ныне
На чужой мне Украине.
За Бандеру ль держит мазу,
Предан ли душой Донбассу?

Стал ли карточкой визитной
Флаг ему жевто-блакитный,
Как мне дембельский альбом
С тучкой в небе голубом?..

ОЛЕГ КОРНИЕНКО
Сызрань

Родился 6 февраля 1954 года в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище с золотой медалью. Около 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу летчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён пятнадцатью медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Печатался в ведущих изданиях России, в журналах «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан), «Приветик!» (Латвия), «Склянка Часу» (Украина) и др. Член Академии «Русский слог». Член редколлегии литературных журналов «Волга – XXI-й век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат городской премии «Признание», лауреат Международной литературной премии им. Э.Хемингуэя (Канада). Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России.

ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК

Тимка лежал на русской печи и наблюдал как мать разжигает грубку. Ужин собирается готовить, догадался он.

Положив под дрова старую скомканную газету, мать подожгла её. Огонь начал лизать сухие, принесенные из сарая дрова.

Загудело за окном. Тимка подняв голову и прислушался: не отцов ли мотоцикл? Хотелось соскочить на пол и припасть к замерзшему окну. Но слазить с печи мать запретила: у него ангина.

Гул за окном постепенно затих - нет, это не мотоцикл, по улице проехала машина.

Тимка ждал отца. Ждал когда он привезет подарок от лисички? Что же она передаст на этот раз: конфету или яблоко, и не знал на чем остановить свой выбор – хотелось и того и другого.

- Когда папа приедет?- спросил Тимка.

- Да пора бы уже,- мать посмотрела на часы.- Может, опять мотоцикл сломался?

Поломался это плохо, огорчился Тимка. Сегодня вечером он собирался спрятаться за деревьями, что растут вдоль дороги и подсмотреть, как лисичка передает подарок. А тут на тебе: горло заболело. И это от горстки снега.

Недомогание Тимка почувствовал утром. Хотел глотнуть и скривился от непривычного комка в горле, испугался и заплакал. Подошла мать, потрогала лоб, и все открылось: играли на пруду за селом, стало жарко, и он зачерпнул ладошкой снега...

Не скоро он теперь лисичку увидит...

Отец счастливый, он каждый день встречается с ней. А Тимка не то, что лису, обыкновенного зайца не видел.

Трещали в грубке дрова, в соседней комнате негромко бормотало радио. Залаял на улице Лапун. Лапун потому, что у него широкие, лохматые лапы, огромные как и он сам. Положит на плечи- с ног валишься.

Лапун полаял и замолчал, значит шёл свой.

В сенцах кто-то затопал ногами, оббивая снег, затем начал шарить по двери в поисках щеколды. Наконец скрипнула дверь и Тимка по голосу узнал соседку бабу Марью.

- Ну, что снегоед?- заглянула она на печку.- Будешь ещё снег лопать?

Тимка обиженно отполз вглубь печки.

- Я не снегоед.

- Чисто снегоед,- повторила соседка. - Держи,- и она протянула Тимке что-то завернутое в газету.

Тимка молча взял сверток.

- Что нужно сказать?- напомнила мать.

- Спасибо,- прохрипел Тимка.

Баба Марья, кряхтя, села на стул, расстегнула фуфайку и сказала, расправляя на груди шерстяной платок:

-Ты, хоть, посмотри, что тебе баба Марья принесла.

Тимка аккуратно развернул газету и радостно промычал:

- Пряник.

- Тульский пряник,- поправила баба Марья. - Медовый! Мне сынок из Тулы посылочку прислал.

Тимке не терпелось проверить: так ли это? И он понюхал, а затем и лизнул пряник. Пряник, действительно был медовый.

А Баба Марья уже рассказывала о подарках сына, о высокой должности, какую он занимает в Туле, что на работу его возит персональная машина. Тимке слушать это было не интересно и он уставился на огонь в грубке. Он вдруг представил, что это луч фары отцовского мотоцикла, который несётся по укатанной снежной дороге. Нет, это Тимка мчит на мотоцикле по зимней дороге. Свистит в ушах ветер. Какое прекрасное время - зима! Вокруг деревья в снегу, а Тимке почему-то нисколечко не холодно, а даже наоборот - жарко...

...Проснулся он от голоса отца, открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. За окном уже темно. Стул, на котором сидела баба Марья был пустой, возле умывальника фыркал, умываясь, отец.

- Три раза останавливался, пока доехал, - говорил он, принимая из рук матери полотенце. - Замучил он меня, хоть продавай.

«Неужели действительно продаст?» - со страхом подумал Тимка про мотоцикл и не решился спросить про лисичку.

Заметив, что сын проснулся, отец с грустью сказал:

- Не видел я сегодня лисичку, сынок. Не дождалась, видно, меня, убежала.

Отец повесил полотенце и сел за стол.

Тимка увидел, как расстроился отец. Ещё бы: ведь у лисички был подарок для него и теперь она, может быть, отдаст его другому мальчику, если, конечно, волки не отнимут.

- И никуда лисичка не убежала,- Тимка соскочил на пол и положил перед отцом пряник, тот самый тульский пряник, что принесла нынче баба Марья.

ВАЛЕНТИНА ЮДИНА

Родилась 26 июня 1949 г. в селе Обшаровка Приволжского района Куйбышевской области. Окончила физико-математический факультет Куйбышевского педагогического института имени В. В. Куйбышева и Московский народный университет искусств имени Н. Крупской. Отличник народного просвещения. Стихи, рассказы и сказки публиковались в районных и городских газетах, в журналах «Наш современник», «Начальная школа», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Сура», «Стрежень». В электронном издании «Звуки праздника», «альманахах «Русское эхо», «Сызранская излучина», антологии прозы и поэзии «Сызрань литературная», книге «Чести достойны», а также в коллективном сборнике «Серебряные родники». Автор поэтических сборников «Бессонница», «Листок рябины на стекле», литературно-музыкального сборника для детей «Альпинистка», музыкальной сказки «Варенькин мяч», поэтических сборников для детей «Другой подход», «Просим чудо повторить». Член Союза писателей России.

И ЖИЗНЬ, КАК ПТИЦЫ ВОЛЬНЫЕ, ЛЮБИТЬ!

* * *

Ах, эти с оттенками краски
Невзрачной осенней поры,
Природы немые подсказки
Цветной бесконечной игры!

Лес замер. Как чист и прозрачен!
За тонким плетеньем ветвей
Он словно скрывать предназначен
Просторы заречных полей.

Там летом кипела работа.
Хлеба золотили поля.
И, чувствуя эту заботу,
Делилась богатством земля.

Сливаются речка и небо.
И в этой седой пелене
Лишь берег горбушкою хлеба
Внезапно всплывёт в тишине.

ОБЛАКА

А на горизонте облака
Будто приземлились отдохнуть,
В сизой дымке прятались, пока
Ветер не поторопил их в путь.

Облака клубились над землёй,
Медленно меняя форму, цвет,
В общий грозовой вставали строй,
Закрывая синевы просвет.

Небосвод заполонили весь.
Непогодам благодатный срок.
Осени несёт благую весть
Облаков безудержный поток.

СТРИЖИ

Стремительные, юркие стрижи,
Хватая на лету мошки приманку,
Закладывали в небе виражи,
В окно моё летели бумерангом.

Их резкий свист, короткий, как сигнал,
Настойчиво врывался и тревожил.
А может быть, не зря он волновал?
Так полетать мне захотелось тоже!

Легко, свободно в воздухе парить,
Простором необъятным любоваться
И жизнь, как птицы вольные, любить!
И к счастью бумерангом возвращаться!

ПОЛЫНЬЯ

С. П. Усачёву с благодарностью за вдохновение

С утра большая полынья
Решительно взялась за дело,
И льда прозрачная броня
Потрескалась и похудела.

Но аппетит у полыньи
Всё больше, больше разгорался.
К обеду ближе от брони
Лишь самый толстый лёд остался.

На стрежень матушки-реки
Гнала оставшиеся льдины,
Те плыли наперегонки,
Задерживаясь на глубинах.

Потом и вовсе разошлись,
Нашли к большой воде путь краткий
И вниз по Волге подались,
Неся на юг зимы остатки.

ПРОЩАНИЕ

На улице с утра все минус восемь.
Туман накрыл верхушки старых сосен,
Что возле дома выстроились в ряд.
И не поймёшь, как надо одеваться,

Чтобы не мёрзнуть и не задыхаться –
Так, чтобы по погоде был наряд.
Сегодня снова зимушка вернулась,
В последний раз, быть может, обернулась:

– Не забывайте быстро обо мне!
И, показав характер переменный,
Накрыла ветки инеем мгновенно
И, словно фея, скрылась в пелене.

ПРЕЛЮДИЯ ВЕСНЫ

Нехотя снег от подъездов домов отползает,
Быстро худея, асфальт оставляет седой.
Ранний туман, зависая, его догрызает.
Дождь ледяной истончает слабеющий слой.

С каждой минутою нежный наряд свой теряет.
Сам же не рад, но такая настала пора.
Дымчато-серые, тёмные краски роняет
На красоту белоснежного прежде ковра.

Снег постарел, потому-то он всё понимает.
Новой весенней прелюдии звуки слышны.
Сколько осталось лежать на земле – не гадает.
Знает, что в этом году дни его сочтены.

ОСЕНИ ВИНО

Много ли нам надо? Да и не грешно.
Время листопада – терпкое вино.
Бархатистым вкусом холодит гортань,
Обнажая чувств тончайших филигрань.

Послевкусьем пряным голову кружит.
От вина-дурмана плачу я навзрыд.
Выдержаны сроки, и пьянит оно...
Осень одиноким – горькое вино.

* * *

Лист рябины к окошку приник,
Постучался в мой тёплый дом.
Словно рвался ко мне в этот миг
Долгожданным твоим письмом.

Адрес твой, видно, дождиком смыт –
На листке нет следов чернил.
Но ладошки рябиновой вид
Будто снова нас породнил.

По прожилкам листа я прочту
И про нежность ко мне, и грусть,
И хранимую в сердце мечту,
Что когда-то к тебе вернусь.

Может быть, я тебе между строк
Что-то главное и скажу,
Только этот озябший листок
В сборник песен своих положу.

АВГУСТ

Снова август, медовый и пряный, шагнул на порог,
Затуманил рассветы и вызвездил небо ночное.
И пока ещё редко срывает листву ветерок,
Но уже ощущается в воздухе что-то иное.

По бескрайним небесным просторам текут облака,
Оставляя пронзительно яркую кромку заката.
Зарумянился август, и яблок крутые бока
Красотой привлекают, особым своим ароматом.

Вечерами прохладою трудно кого удивить.
Паутинки летят и в траве серебрятся недаром.
Ведь за августом бабьему лету положено быть,
А оно обладает божественно-щедрым нектаром.

СКВОЗЬ КОЛЬЦО...

Удивит солнышко, едва
Растопив утренний мороз:
Как глядит неба синева
Сквозь кольцо золота берёз!

Как горит росная трава,
Обманув утренний прогноз.
И глядит неба синева
Сквозь кольцо золота берёз.

У меня кругом голова.
Виноват октября гипноз.
Всё глядит неба синева
Сквозь кольцо золота берёз!

И в стихах, будто наяву,
Сохраню я от бурь и гроз
Тёплый день, неба синеву
Сквозь кольцо золота берёз.

ПРИВЕТ!

Мой телефон совсем застыл.
Мне так звонок сегодня нужен.
Не помнят те, с кем был ты дружен,
И те, которых ты любил.

Мой телефон весь день молчит.
Забыли дети, друг любезный.
Напоминать им бесполезно:
Меня их память не хранит.

А если б я молчала так
И не спешила отзываться,
На помощь сразу же бросаться?
Казалось бы, какой пустяк –

Лишь парочка минут тепла.
Но как бывает голос важен,
Который издалёка скажет:
– Привет! Ну, как твои дела?

НОЯБРЬ

…А ноябрь пришёл неласков.
Он не терпит ярких красок.
Не секрет,
Что в его палитре свежей
Снег с землёю перемешан –
Серый цвет.

На ветвях промокшей ели
Капельки заледенели.
Посмотри:
Засверкали дружно сразу
Как рубины и алмазы
От зари.

Редко тенькают синицы.
Мёрзнут руки в рукавицах
И… пока,
Ветер не нашёл покоя,
Всё текут, текут рекою
Облака.

ВАЛЕРИЙ ТИМОФЕЕВ
Сызрань

Родился в 1968 году в городе Сызрани. В школьные годы проявлял большой интерес к литературе и сочинению своих собственных произведений. Окончил Школу печати при редакции городской газеты «Волжские вести» и факультет журналистики, социологии и психологии Казанского государственного университета. Работал корреспондентом газет «Красное Приволжье» и «Машиностроитель». Стихи публиковались в «Литературной Самаре», городских и районных газетах, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», коллективных сборниках «Серебряные родники», «На разные голоса», журналах «Сызрань: вчера, сегодня, завтра», «Русское эхо». Член Сызранской писательской организации.

РАССКАЗЫ БАБУШКИ АНТОНИНЫ

Жадный дятел

Прошлым летом довелось мне отдыхать в санатории. Корпус, в котором я поселилась, находился посреди леса. И частенько ко мне на балкон залетали пернатые лесные гости: щеглы, сойки, дрозды. А однажды прилетел и дятел в ярко-красной шапочке на голове. Хорошенько разведав обстановку, он стал прилетать каждый день, будто на работу.

И не случайно, ведь я организовала на своём балконе птичью столовую. На простую фанерку ежедневно насыпала кусочки печенья, хлебные крошки. И птицы, судя по всему, одобряли мои действия, регулярно посещая «заведение».

Как-то раз у меня от обеда остались булочка и котлета. «Отдам птицам», – подумала я. И, втиснув котлету в булочку, вставила получившийся сэндвич в балконную решётку. Первым кушанье заметил дятел. Он подлетел к булочке, тут же продолбил в ней отверстие и с аппетитом принялся поглощать котлету. Интерес к сэндвичу проявили и окрестные воробьи. Целая стайка их расселась на ближайших к балкону ветвях и, громко чирикая, принялась обсуждать ненасытность дятла.

То ли красноголовый гость к тому времени наелся, то ли это чириканье действовало ему на нервы, но он, прекратив пиршество, счёл нужным наброситься на сидящих крикунов. Те разлетелись в разные стороны. А дятел, вернувшись к булочке, есть не стал, сел рядом с ней на перила. Между тем распуганные воробьи вернулись на свои места и с ещё большей силой возобновили «дебаты» высказывая своё презрение и дружно осуждая рейдерскую политику зарвавшегося дятла, которому пришлось ещё не раз разгонять «несанкционированный митинг». Воробьи же не успокаивались, вновь и вновь занимали покинутые места и заново начинали неистово чирикать.

Этот галдёж у моих окон продолжался до самого вечера. Лишь с наступлением сумерек пернатые, оставив жадного захватчика, разлетелись по домам. Вслед за ними устремился на ночлег и он, так и не доев булочку. За него это сделала сойка, заявившаяся на мой балкон ни свет ни заря и оставившая от сэндвича одни воспоминания.

Чуть позже прибывший дятел, естественно, ничего уже не нашёл. Покрутился у балкона, попрыгал по перилам, да так и улетел. Ни с чем.

Кошка-наседка

Нетрудно предугадать, чем закончится встреча кошки и цыплёнка. Последнему при этом вряд ли поздоровится. Однако и в таких случаях не обходится без исключений. У меня была кошка, которая не только не охотилась на жёлтых пушистиков, но и охраняла их от всевозможных посягательств.

А началось всё с того, что как-то по весне я приобрела два десятка суточных цыплят. На дворе было холодно, поэтому я разместила их дома, в большой картонной коробке.

Жила в то время у меня и кошка, Маруся. Надо сказать, заводя живность, я опасалась, что Маруся займётся сокращением молодого пополнения. В связи с чем приняла меры предосторожности: за кошкой следила, не позволяя ей находиться рядом с коробкой. Маруся мои требования не игнорировала, но всем своим видом показывала, что это ей совсем не нравится.

Я ведь что думала – хочет полакомиться цыплятами, но у неё были совсем другие намерения. Зря я её, беднягу, тиранила!..

Во всём разобраться помог случай. Когда на улице установилась относительно тёплая погода, да и цыплята немного подросли, устроила я им вольер. Как дома возле коробки, около вольера постоянно дежурила Маруся. Я уж устала её гонять. Сказала только: «Хоть один цыплёнок пропадёт – ты у меня получишь!» Кошка в ответ наградила меня чисто ангельским взглядом, как бы говоря: «Ладно!»

И вот одним погожим днём, когда я на несколько минут оставила вольер открытым (чтобы его проветрить), мне зачем-то понадобилось зайти в дом. Зачем – сейчас уже и не вспомнить, потому что, пока я там была, на улице такое началось!..

Мельком глянув в окно, я похолодела от ужаса: на край вольера опустилась здоровенная серая ворона. Повернув голову набок, она одним глазом зловеще рассматривала цыплят, которые моментально сбились в кучку и жалобно запищали.

– Кыш, кыш, проклятая! – закричала я, забарабанив пальцами по оконному стеклу. Ворона, подняв голову, посмотрела в мою сторону. Возможно, её сильно забавляла сложившаяся ситуация: цыплята – вот они, крылом подать. Хозяйка же страшно далека от своих питомцев.

Торжествующе каркнув, ворона спрыгнула в вольер, а следом прямо ей на голову свалилась моя Маруся. Я пулей бросилась на улицу, но, ещё не достигнув места событий, увидела, чем всё завершилось.

Замыслившая поживиться ворона словно мячик вылетела из вольера. Тут же поднялась на крыло и, достигнув забора, уселась на нём. После чего, злобно поглядывая то на вольер, то на меня, начала прихорашиваться, время от времени возмущённо каркая. А у цыплят, нервно дёргая хвостом, сидела моя Маруся. Я вытащила кошку наружу, пересчитала живность. Все были на месте.

– Наседка ты моя! – поблагодарила я кошку, погладив её. А она, ласково мурлыча, принялась тереться о мои ноги. Добилась-таки разрешения находиться среди цыплят. А вот мою маму подобное соседство приводило в недоумение. Приходя ко мне, она обычно подходила к вольеру, смотрела на Марусю, лежащую среди цыплят, и, сокрушённо вздохнув, говорила:

– Ну, дела!.. Цыплята как котята. Кому ни рассказываю – никто не верит!..

«Рыболов»

Считается, что кошки панически боятся воды и даже лапки замочить – для них вроде катастрофы. На самом деле это не совсем так. У меня, например, жил одно время кот. Звали его Пушок. Кроме прогулок по крышам и сна в мягком кресле, он просто обожал сидеть возле аквариума и наблюдать за плавающими рыбками. Я не препятствовала такому увлечению – пусть сидит, смотрит, если нравится. Но со временем то ли коту надоело просто смотреть, то ли в нём проснулся инстинкт охотника, но он перешёл к более решительным, чем созерцание, действиям.

Прихожу как-то с работы домой – что такое? На столике возле аквариума множество капель воды. И не совсем понятно, откуда они взялись. Расследовать данную странность я не стала. А кота это, видимо, приободрило. И вот чем всё завершилось.

Возвращаюсь в следующий раз, захожу в комнату и вижу: мой Пушок деловито расположился на одной из стенок аквариума, при этом левой передней лапой упёрся в другую стенку, а свободной вовсю шарит в воде!..

– Это что мы тут делаем, а?! – вскрикнула я.

Кот, увлечённый своим занятием, от неожиданности вздрогнул и, не удержавшись на тонкой стенке, плюхнулся в аквариум. Тут же выскочил, не отряхиваясь, стремглав кинулся за диван, где и затаился.

Я посчитала рыбок. Все были на месте. Видать, у моего хвостатого рыбака выдался не совсем удачный в плане клёва денёк. Позвала кота, чтоб вытереть его хотя бы. Но нет! Вылезти из укрытия он не пожелал. Пришлось самой достать. Вытерла я питомца насухо, после чего он попросился на улицу.

Я думала, что после произошедшего Пушок не то что подходить к аквариуму, а вообще – смотреть на него не будет. Но ничего подобного: уже на следующий день он расположился на привычном месте, внимательно следя за проплывающими за стеклом рыбками.
Но «урок плавания» для него всё же даром не прошёл: кот с того дня даже не думал возобновить «рыбалку».

ОЛЕГ ПОРТНЯГИН
Сызрань
Родился в 1948 году в г. Мариинске Кемеровской области. Служил на флоте водолазом-глубоководником. Окончил филфак Иркутского госуниверситета. Работал грузчиком, электриком, учителем русского языка и литературы, более 40 лет в журналистике. Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Кириллица» (Нижний Новгород), «Волга-XXI век» (Саратов), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), «Подъём» (Воронеж), «Новый енисейский литератор» и других литературно-художественных изданиях страны. Автор поэтических сборников «День рождения», «От любви и печали», «Излучина», «Мне жизнь такой привиделась», «Порядок слов», «Притяжение». Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. Дмитриева и Губернской премии в области культуры и искусства за 2017 год. Член Союза писателей России

ДЕРЕВЬЯ

Хотя обочины скудны,
Деревьям есть за что цепляться.
Но тщетно ввысь вознесены
Ветвей обрубленные пальцы.

Ах, как дурашливо листва
Еще вчера ловила ветер!
Как окунали дерева
В синь зеленеющие ветви!

Теперь - откуда ни взгляни!-
Не разглядеть живого места:
Уродливые пятерни,
Протянутые в знак протеста...

ЗЕМЛЯ

Свет мой, свет...
Индевеющий пыл -
По упругим рябиновым веткам.
Поле пашнею, словно вельветом,
Тракторист от морозов прикрыл.

Отдыхает до срока земля,
Что вскормила и рожь, и рябину.
У неё - все равны и любимы.
Не забыла она и меня.

Не забыла в сумятице дней
Дать мне жизнь, одарить вот такого
Счастьем вымолвить тихое слово
Обо всём, что безмолвно на ней...

К ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА

Возьмите небесную твердь
И красной гуашью
Попробуйте сделать рассвет
Вчерашнего краше.

Возьмите у птиц голоса,
Попробуйте - песню.
Потом отпустите в леса,
Луга, поднебесье.

Ни песни у вас, ни зари
Не выйдет сначала.
Но пробуйте, чёрт побери,
Чтоб вдруг — зазвучало!

Пусть голос охрипнет совсем,
Кисть хрустнет в ладонях -
Уже гениальны вы тем,
Что нет вам подобных!

Соперникам не обойтись
Без вечной опаски,
Что голос ваш — в пении птиц,
В заре — ваши краски.

КЛЯТВА

И до Невы, и до Непрядвы,
И после, в дни народных бед,
Слыхала Русь такие клятвы,
Каких не слышал белый свет.

Клялись холопы и вельможи –
Все, кто не выжил из ума.
Но клятва в преданности всё же –
Ещё не преданность сама.

Другие не точили лясы.
Перед баталией любой
Никто из них ни в чём не клялся,
А просто шёл на смертный бой.

От смертоносного металла
Погибли многие в те дни.
И смерть в бою их клятвой стала,
Что не предатели они!

КРЕПКИЕ ЛЮДИ

По датам и днями простыми
Народ продолжительно пьёт.
Спивается тихо Россия,
Но громко при этом поёт.

Нестройно поют, по-простецки,
Все вместе - кто пил и не пил.
Поют даже те, кому в детстве
На ухо медведь наступил.

По счастью, и в даты, и в будни
Меж теми, кто пьёт и поёт,
Есть всё-таки крепкие люди,
Которых и литр не берёт.

Ждёт снова с утра их работа –
Не с новыми рюмками стол.
Они похмеляются потом,
Что вкусом похож на рассол.

Не ждут эти люди оваций,
Трезвы они в мыслях вполне:
Начни, как иные, спиваться —
Всю песню испортишь стране.

КУКУШКА

В тишине размеренно и скучно,
Не суля ни радостей, ни бед,
Отсчитала нынче мне кукушка
На житьё-бытьё двенадцать лет.

Почему не меньше и не больше?
Может, правда, столько по судьбе?
И ведь что обидно - не поспоришь
И не накукуешь сам себе.

Но зато махнёшь в глухие дали, .
Подождёшь кукушку в тишине:
Вдруг лесная больше нагадает,
Чем в часах, стучащих на стене?

МУЖИКИ И БАБЫ

Не, мужики, бесполезно:
Это не цирк шапито.
Если уж падаешь в бездну —
Не остановит никто.

Разве что русская баба
Схватит за шкирку тебя,
Глянет с улыбкою, дабы
Понял, что это — любя.

И ведь найдёт она выход,
И не поднимет на смех.
Жаль, мужики, баб таких вот
Нам не хватает на всех.

НА ВЕТЛУГЕ

Боже мой, как там птицы кричали!
И летели потерянно прочь...
Это я от любви и печали
Плакал их голосами всю ночь.

Это я так раскидывал руки,
Что казалось: вот-вот воспарю
Над пустынным простором Ветлуги,
Чтобы встретить пораньше зарю.

И, вернувшись, увидели птицы
Из предутреннего тальника,
Как я в птицу хотел превратиться
И не мог превратиться никак.

Было это природы проклятьем
Иль ее проявленьем любви?
Но не смог я в ту ночь стать крылатым.
Что ж, опять поживу меж людьми.

Но однажды крылами взмахну я.
Ты, природа, тогда не перечь.
Даже если потом не миную
Дробь охотничью
Или - картечь.

НА ВОЛГУ

В море уличного гула
Утонул июньский день.
Волга ставит мне прогулы:
Добрести до пляжа лень.

Правда, можно из окошка
Осмотреть речную гладь.
Волга выглядит роскошно.
Вот бы там позагорать –

На песке, у водной сини,
Где сквозь тёмные очки
За девчонками в бикини
Наблюдают мужички.

Мне до одури, ей-богу,
Надоел дорожный гул.
Кто куда, а я — на Волгу,
Чтоб не ставила прогул!

ОБЩАГА

Эта Верка — такая оторва!
Надька — стерва, аж бросил жених.
Да и Любка не очень-то здорово
Отличается нравом от них.

Шебутные общажные девки,
Им способностей не занимать
От обиды заплакать по-детски
Или вспомнить в сердцах вашу мать.

Деревенские иль городские –
В окруженьи воров и ханыг —
Больше вас по общагам России,
Чем людей в государствах иных.

Что вам те государства, однако!
Тут своё бы понять до конца:
У него ведь что Любка, что Надька –
Нет ни имени им, ни лица.

И живут они в сплетнях да слухах:
Мол, без удержу хлещут вино,
Обольщают юнцов лопоухих.
Правда, нет ли - без разницы, но:

Сколько ты ни гляди им под юбки,
Сколько спьяну о них ни злословь —
Нет ни Верки, ни Надьки, ни Любки!
Есть лишь Вера, Надежда, Любовь!

ОСЬМУШКА

Страну не сберегли
Ни словеса, ни пушки.
Шестая часть Земли
Ужалась до осьмушки.

На запад и восток
Раскинулась планета.
Но лакомый кусок -
Лишь здесь, осьмушка эта.

Вокруг неё — зверьё,
Оскаленные пасти,
Готовые на всё,
Чтоб рвать её на части.

Теперь не до словес,
Но в арсенале пушки
У нас такие есть,
Что не отнять осьмушки.

Всех гадов не побьём,
Опять проявим жалость.
Но если пасть порвём -
Уж вы не обижайтесь!

ПЕРЕМЕНА

Ноет душа к перемене народа.
Юрий Кузнецов

Ныла, конечно, душа не напрасно —
Переменился российский народ.
В западный мир по наивности рвался,
Да получил от ворот поворот.

Каждый из нас был и предан, и продан.
Грош нам в глазах олигархов цена.
Стали другими. И вместе с народом
Переменилась, конечно, страна.

Вновь на российском дворе непогода.
Звуки дождя или всхлипы слышны?
Ноет и ноет душа у народа.
Видно, опять к перемене страны.

ПЛАТЬИЦЕ В ГОРОШЕК

А.П.

Ты наденешь платьице в горошек,
Я рубашку в клеточку возьму.
Вот таких, красивых и хороших,
Мы покажем городу всему.

Может, позавидуют нам люди,
Даже позлословят. Что с них взять?!
Но зато у тёщи радость будет:
Экий у неё завидный зять!

А потом за тёщею, конечно,
В радость окунётся и свекровь.
Это всё так искренне и нежно,
Если настоящая любовь!

Снимков понаделаем хороших,
Чтоб увидеть через много лет:
С платья не осыпался горошек,
И рубашка сохранила цвет.

ПОМНЮ

Одних война убила наповал,
Других годами убивала болью.
Тому, кто под бомбёжку не попал,
Могло не повезти на минном поле.

Я помню покалеченных войной:
Хромых, безногих - в самых разных видах.
Они сегодня вновь передо мной -
На костылях, в колясках инвалидных.

Стучат неторопливо костыли,
На солнышке блестят колясок спицы.
Фронтовики проехали, прошли
По детству моему, чтоб не забыться.

И пусть калек не звали на парад -
Любой из них достоин пьедестала.
Не будь их, ног лишившихся солдат, -
Страна бы на ногах не устояла.

ПРИНЦЫ

Смешно вам, но честное слово:
Девчонка серьёзно вполне
Ждала жениха не простого,
А принца на белом коне.

Монархи ли отпрысков прячут,
Дороги ли криво легли,
Но принцы никак не доскачут
До нашей российской земли.

И сколько их ждать, этих принцев?
Сомнителен этот процесс.

У принцев, наверное, принцип:
Скакать прямиком до принцесс.

Да если присмотришься всё же
Получше к сынкам королей -
У многих ни кожи, ни рожи,
Не то что у наших парней.

И сколько бы вы ни ворчали,
Девчонки, к чему ваш каприз?
Царевич на сером волчаре
Прискачет скорее, чем принц.

СКОРЫЙ

Скорый поезд «Самара – Москва»
Рассекает со свистом пространство.
Вроде только уснул ты едва,
Как в столице пора просыпаться.

Погуляешь в Москве день – другой,
Подустанешь от шума да гула
И почувствуешь: тянет домой –
Так, как даже в Москву не тянуло.

Ты успеешь опять в скорый сесть.
По пути повстречаешься с Инзой.
Можно было бы выйти и здесь,
Если б не было станции Сызрань.

То и дело глядишь из окна:
Перелески, поля, косогоры…
Где же Сызрань? Да где же она?!
Что ж ты едешь так медленно, скорый?

СТРАНА

Ребята, видно, мы не поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

Не поняли, зачем на нехристей
Водил дружины князь Донской,

Зачем с такой жестокой нежностью
Кутузов жертвовал Москвой.

А понимать и помнить надо бы
Всё, что пришлось перенести.
И ставить вновь стальные надолбы
У лихоимцев на пути.

Они, проныры закордонные,
И свой, отечественный тать,
Марш похоронный нашей Родине
Готовы запросто сыграть.

Но мы живём назло всем выжигам.
Свой, хоть и горький, хлеб жуём.
И — дайте срок! — не просто выживем,
Не хуже прочих заживём.

Чтоб и они однажды поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

СУДЬБА

Банку тушёнки нежно вспороть,
В кружки набулькать спиртяжки.
Да не сдадутся ни души, ни плоть,
Как наши ноши ни тяжки!

Это лишь кажется, что налегке
Жизнь мы размашисто мерим.
Держит судьба нас в своём кулаке
Так, что и пикнуть не смеем.

Но разжимаются пальцы подчас
И у судьбы на мгновенье.
И уж тогда не удержите нас
Вы, ни пространство, ни время!

Шпарим зигзагами и по прямой —
Как на дистанции спринта.

Даже дыхалку сбивает порой,
Словно от чистого спирта.

Пусть мы под небом встаём на постой,
Пусть обморожены щёки.
Лишь не валяться бы банкой пустой
Из-под говяжьей тушёнки.

ТРАВА

Взяло солнце погоду за горло —
Потеплело среди января.
Обманулась трава и попёрла,
Снег собою сменить норовя.

Позабавилась этак природа,
Послюнявила свой календарь
И вернулась по времени года
Из весенней теплыни в январь.

Снова стужа пришла, а за нею
Снегопад засучил рукава.
Но на белом ещё зеленее,
Чем на черном, гляделась трава.

Люди снова к морозу привыкли,
И не видел никто на бегу,
Как, вовсю зеленея, травинки
С головой утопали в снегу.

Но в метельном воинственном вое
Многим слышалось, как наяву:
Все вы будете или травою,
Или снегом, сгубившим траву.

НОВЫЙ
ЕНИСЕЙСКИЙ
ЛИТЕРАТОР
ДИПЛОМ
НАГРАЖДАЕТСЯ
Дипломант конкурса
короткого рассказа-2022
Специальный диплом жюри
Александр МИШЕНКОВ
За рассказ
«Наряд вне очереди»
Главный редактор
Сергей Кузичкин
г. Красноярск
26 ноября 2022 года
НОВЫЙ ЕНИСЕЙСКИЙ ЛИТЕРАТОР
НОВЫЙ
ЕНИСЕЙСКИЙ ЛИТЕРАТОР
Альманах прозы, поэзии, публицистики
2022

АЛЕКСАНДР МИШЕНКОВ
Сызрань

Родился 22 августа 1949 года в городе Сызрань Куйбышевской области. До армии работал токарем на заводах «Сызраньсельмаш», «Тяжмаш». 28 календарных лет прослужил в военном оркестре СВВАУЛ в качестве заместителя военного дирижера. Поэт. Композитор. Аранжировщик. Член Союза российских писателей. Дважды лауреат городской премии «Признание». Награждён нагрудным знаком «За заслуги перед городом» 2 степени (Сызрань) и медалью «За заслуги в патриотическом воспитании молодёжи» (Москва). Дипломант конкурса короткого рассказа-2022 альманаха «Новый енисейский литератор». Автор четырёх поэтических сборников - «Откровенья утра моего», «Иначе жить я не могу», «Когда зажигаются звёзды», «Навстречу ветру и судьбе», сборника стихов для самых маленьких «Любознательный галчонок» и книги рассказов для детей школьного возраста «Новенькая». Печатался в журналах «Русское эхо» (Самара), «Сызранская излучина», «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Стрежень» (Тольятти), «Берега» (Калининград), «Сура» (Пенза). В Блоковском сборнике «О, Русь моя!» (Москва), в Бунинском сборнике (Москва), журнале «Молодая гвардия» (Москва). Альманахе «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Эшли» (Белоруссия), антологии «Сызрань литературная». А также в коллективных сборниках «У старого окопа» (Сызрань), «Сызранская излучина», книгах «По законам военного времени. Сызрань - фронту», «Славные дочери Сызрани», «Чести достойны» (Сызрань), в газетах «День литературы» (Москва), «Рижский автомобилист» (Рига) и других периодических изданиях. Работает артистом высшей категории в ЦМИиК г. Сызрань.

НАРЯД ВНЕ ОЧЕРЕДИ

Меня поймали следом за Мишкой. Я тоже пустил было слезу, но это мне ничуточки не помогло. Маленький, похожий на девчонку солдат со смешными веснушками на носу молча втолкнул нас в деревянный дом с двумя покосившимися окошками и захлопнул толстую заскрипевшую дверь.

Мы оказались в большой комнате с длинным столом посредине и такими же длинными, некрашеными лавками. Я сразу хотел обидеться на своего друга, но у меня это никак не получалось, хотя идея съездить на аэродромную свалку принадлежала ему.

Прошло несколько наполненных страхом минут. Непривычная тишина прохладного незнакомого помещения приводила нас в уныние. В голове были самые мрачные мысли.

Я посмотрел на угрюмого Мишку и вспомнил, как несколько дней назад он с восторгом рассказывал мне, какие хорошие, настоящие подшипники и всякие нужные нам детали можно найти на старой, заброшенной свалке - откуда это было ему известно, он не говорил.

По Мишкиным чертежам, над которыми он «потел» целую зиму, мы ещё в начале лета - сразу же после окончания шестого класса - собирались построить настоящий паровоз-самокат с котлом, всякими там кранами, рычагами и прочей оснасткой (вот ребята на улице лопнут от зависти!), но не хватало некоторых нужных деталей, поэтому работа шла медленно. Время было послевоенное, «конструкторов» тогда не продавали, да и денег все равно у нас не было, вот и приходилось всё делать своими руками.

А тут такой случай!..

Я сразу же принял Мишкино предложение, и мы решили в ближайшее воскресенье его осуществить.

Стоял тихий жаркий день. Июльское солнце нещадно палило своими ослепительными лучами. Всё живое вокруг попряталось в прохладной тени деревьев и кустарников. Даже мой пёс Рекс залез с утра в тесную будку и, лениво отгоняя от себя назойливых мух, подозрительно следил за нашими приготовлениями.

Я вывел из сарая свой старенький, видавший виды велосипед с «восьмёркой» на переднем колесе и прокручивающимися педалями, и мы с Мишкой отправились в путь. Ехали попеременно. То Мишка везёт меня на раме, то я его. И хотя велосипед был в плохом состоянии (сколько я ни прилагал усилий, мне никак не удавалось его починить), доехали быстро.

Свалку нашли без труда.

Сначала всё шло хорошо: мы набили полные карманы нужными деталями и собирались уже в обратный путь. Но тут Мишка потянул какой-то длинный шланг, и неожиданно поднялся такой грохот, что мы испугались и побежали в обратную от нужного направления сторону.

Вот тут-то нас и сцапали…

- Шурик, - прервал мои воспоминания Мишка, - куда бы всё это спрятать? И он показал на свои вздутые карманы. Я огляделся: изба была с ровными, чисто выбеленными стенами - не было ни одного выступа, куда бы можно было схоронить наше богатство. Я беспомощно пожал плечами и хотел опять обидеться на Мишку, но в эту минуту на улице послышались голоса, дверь распахнулась, и на пороге выросла фигура незнакомого дяденьки.

- Так это и есть твои нарушители, Якименко? – сердито спросил он сопровождающего его солдата.

- Так точно, товарищ старшина! – приложив руку к пилотке, отчеканил тот. Старшина неторопливо прошёлся по комнате, потом остановился перед нами, посмотрел на Мишку, на меня и пробасил:

- Так!.. А ну, выкладывайте всё из карманов!

Мы нехотя вывернули свои карманы и сложили их содержимое на стол.

- Так!.. – ещё медленнее протянул старшина, рассматривая нас сердитыми глазами.

- Якименко, - ещё строже проговорил он через минуту, - за допущенное нарушение объявить сорванцам наряд вне очереди, а за раскаяние, написанное на их лицах, - старшина сделал паузу и улыбнулся, - накормить и отпустить домой со всеми «трофеями».

Мы с Мишкой облегчённо вздохнули и переглянулись, хотя и не поняли, что такое наряд, зато слово «трофеи» нам было отлично известно.

Через некоторое время мы добросовестно драили полы, а на столе нас ждали дымящийся, вкусно пахнущий обед и большой свёрток с «трофеями».

НАДЕЖДА ГОРОДБИНА

Сызрань

Родилась 4 апреля 1980 года в городе Сызрани Куйбышевской области. Образование неоконченное высшее. Лауреат областного литературного молодёжного фестиваля "Отрадненская осень". По результатам этого фестиваля был выпущен сборник "Нам в небесах летать дано", в который вошли и стихи Надежды. Номинант премии "Поэт года" 2012 (Москва), номинант премии "Поэт года. Лирика" 2013 Москва), номинант премии "Поэт года" 2014 (Москва). Печаталась в местных СМИ, самарских областных и ульяновских газетах, в журнале "Русское эхо" и в литературно-художественном альманахе "Сызранская излучина". Автор поэтического сборника «Отрезки времени». Член Сызранской писательской организации.

АВТОПОРТРЕТ

Я села за стол свой портрет рисовать -
Чтоб люди могли меня в нём узнавать.
Решила внимательно вникнуть в себя
И точно запомнить, какая есть я.

Черту провела, и другую за ней,
Изгибы и контуры губ, глаз, бровей…
И тут понимаю, что это не я –
Другая смотрела с листа на меня.

И чтобы ошибки в эскизе убрать,
Взяла чистый лист, чтобы вновь рисовать.
Но снова, вглядевшись в портрет, поняла,
Что нет только той, что пред нею была.

Искала в себе я прямые черты,
Да комкала только с досадой листы.
Вдруг к зеркалу встала - сомнения нет -
Лишь в нём увидала свой автопортрет!

БАБУШКИН ДОМ

Я часто в памяти рисую
Картины быстротечных дней,
Где потерять я не рискую
Дом бабушки родной моей.

Всплывают яркие портреты,
Их лиц мне близкие черты,
Сокрытые зимой и летом
Поля, дома, сады, цветы...

Там кроются частички детства,
Приданья рода моего,
И настоящего соседства -
Но нет уж нынче ничего.

Нет бабушки, и дома тоже -
Чужое здание стоит…
Лишь только память дом похожий
Все годы бережно хранит.

* * *

Во мне север и юг
Бой незримый ведут:
Кто мне враг, кто мне друг?
Разобрать - это труд.

Во мне запад, восток –
Меж собой сплетены.
Позабыт их исток,
И затёрт след войны.

Во мне север и юг!
Во мне запад - восток!
Тень и солнечный круг.
Снег и нежный цветок.
Где мне ближе земля?

Стрелки компаса прочь!
У меня есть семья -
Я Российская дочь!

ГИТАРА

Висит гитара на стене.
На ней играю я во сне.
А днём пускай себе висит
Моя гитара-инвалид.

На ней оборвана струна,
Большая трещина видна.
Но слышится гитары звук,
Когда-то выпавшей из рук.

КРЕДО

И умный может ошибаться,
И сильный слабым может быть!
Но в жизни важно не сдаваться -
От своего не отступить!

«Иди всегда по жизни смело!» -
Судьба наказ в мой адрес шлёт.
Пусть тихим шагом, неумело,
Но буду я идти вперёд.

Пусть буду много ошибаться,
Взлетать и падать с вышины -
Но важно в жизни не сломаться,
Упав случайно со стены!

Пройду сквозь ветры, бури злые,
Сквозь снег и дождь, и мрак в тиши,
Но не отнимут они силы
Моей стремительной души!

Меня не сломит рока горе,
И не прельстит довольствий нить,
И всё, что с честью будет в ссоре,
Что жизни может изменить!
Всех вражьих козней не пугаясь,
Я буду продолжать свой путь!

Пусть тужатся себе, стараясь
Коварством в пропасть подтолкнуть.

А коль не выдержу нажима,
Споткнусь под гнётом, упаду,
То встану, духом нерушима,
И вновь упрямо вдаль пойду.

И умный может ошибаться,
И сильный слабым может быть…
Но в жизни важно - не сломаться,
С достоинством её прожить!

МЕЛОДИЯ

В моей душе мелодия звучит.
В ней шорох трав, цветов, порывы ветра,
Звучит она для многих незаметно
Не только днём, но даже и в ночи.

В моей душе мелодия звучит.
Ловлю в ней звуки сказочного леса.
не из грибного интереса,
А чтобы слышать, как ручей журчит.

В моей душе мелодия звучит.
Она слышней от глаз твоих влюблённых,
И даже капель слёз моих солёных,
От счастья, что в себе любовь таит.
В моей душе мелодия звучит…

СЕВАСТОПОЛЬ

О город, где море, тепло, много света!
С тобой я была две зимы и три лета.
Там древний, разрушенный град Херсонес
Как будто из глуби столетий воскрес.

Там памятник в честь кораблей затонувших
И тени событий суровых минувших.
Там память о войнах живёт на века.
К себе призывает, как свет маяка.
О город-герой, город воинской славы!
Ты званием этим гордишься по праву.

Вернула тебя, Севастополь, страна –
Теперь-то уж точно – на все времена!

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Леденящая неизвестность
Приближается к нам порой.
И меняет всю нашу местность
То горой она, то дырой.

Но гора оказалась скользкой…
А в дыре той – сплошная тьма.
Но народу всё это – с пользой.
Осторожно: идёт зима!

МУЗЫКА

Опять моё фортепиано
Наполнило музЫкой зал.
И сердце пело и кричало,
То затихало, то молчало,

Всё инструменту изливало –
Он это музыке отдал.
Передавая чувств смятенье,
Души чувствительной волненье,

Мечты и явь, воображенье,
Что быт реальный подавлял;
И все родные откровенья,
Познания, мораль, терпенье,

Разочарования, достиженья,
Подъём, упадок, взрыв и рвенье,
Растерянность и цельность сил,
Восторг, открытия, презренье,

Любовь и ненависть, сомненья;
Безликой массы окруженье,
Её слепое отверженье
Моих сокровищ, точек зренья –
Всё голос клавиш отразил.

ПОСВЯЩЕНИЕ СЫЗРАНИ

Ты стала для меня приютом
В моей таинственной судьбе!
И, не являясь абсолютом,
Ты всем напомнишь о себе.

На исторических страницах
Встречалась в эпизодах роль
Твоя. Написано о лицах,
Твоих детей известных столь.

Откроется, я верю, много
В тебе средь временных аллей
Неповторимая дорога
Путей великих кораблей.

Мой небольшой и скромный город,
Я нарисую твой портрет!
Будь неподдельно жив и молод,
Собою будь ты много лет.

Печати старины и храмы…
Свои традиции храня,
Ты любишь нас, как любят мамы,
Не забывая про меня.

И я люблю тебя, как дети.
И, побывав в других краях,
Скажу достойно всем на свете,
Что Сызрань – родина моя!

ВАДИМ БАКУЛИН
Оренбург

Поэт, член Союза Писателей России, журналист, лауреат литературной премии П.И.Рычкова, автор шести поэтических книг: "Музыка души", "Над пропастью весны", "Время мотылька", "Бессмертник", "Продолжение разговора", "Если есть у времени душа". Родился в городе Оренбурге. Автор множества публикаций в центральной Российской прессе, в журналах и альманахах: Москва, Наш Современник, Невский альманах, Дон, Север, Простор, Урал, Южный Урал, Отчий дом, Траектория творчества, Жарки сибирские, Новый Енисейский литератор, Гостиный двор, Снегири, Литеrra, Красная строка, Ислам и жизнь, Евразийское ожерелье, Алый цвет, Легенс, Камертон, Дерибасовская - Решельевская, Пегас, Провинция у моря, Республика, и др. Печатался в многочисленных сборниках, в антологиях поэзии "Вечный берег", "И с песней молодость вернётся", "Внуки вещего Баяна", "Птенцы гнезда Рычкова" и др.

ВРЕМЯ УНОСИТ КУДА-ТО ОСЕНЬ

Время уносит куда то осень,
Будто бы гонит её на плаху.
Скоро уставшая роща сбросит
Наземь цветную свою рубаху.

Точно свеча у большой иконы,
Теплиться день у престола ночи.
Да, у природы свои законы:
День всё короче, и жизнь короче.

И на краю годового круга,
Смутное время, поведай сердцу
Искру тепла! Перед хищной вьюгой
Вспыхнувшим чувством позволь согреться?!

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Донецк. Затишье. Полночь. Тьма.
И фонари не зажигают.
Война людей свела с ума.
Здесь не живут... Здесь выживают.

Окоченелые дома
В бреду. Несносная погода.
Уже не осень, не зима,
Ещё другое время года,

Что называется война,
Одно безумие творится.
Планета будто бы больна,
И не пытается лечиться.

К утру опять начнётся вой,
И полетят снарядов стаи.
Где твоя помощь, Боже мой,
Твоя защита неземная?!

Помилуй маленьких детей!
В чём провинились эти люди?
За что безумный шквал смертей
Их косит средь рабочих буден?

На смерть идут страны сыны,
Такие юные ребята...
Ужели мало нам войны
Послал кровавый век двадцатый?!

Донецк. Затишье. Полночь. Тьма...

2.

Последняя роза в церковном дворе
Пылает закатом. Бульвар в серебре
Пугливого снега. Встречаем Покров.
Не ждали мы ранних таких холодов.

Сей милый сюрприз не для нас, степняков.
Порой в декабре не бывает снегов.
Охота тепла... Но зато, посмотри,
Как мирно в рябине сидят снегири!

Не ждали мы и не желали войны,
Где кровь проливают отчизны сыны.
Что делать должна безутешная мать,
Когда её дети идут воевать?

Без зова, без вызова, за горизонт
Ушли добровольцами - трое, на фронт...
Как матери жить? Ведь соседке вчера
С утра похоронка на сына пришла.

Погряз этот мир в фанатизме и зле.
Что будет, что будет на нашей Земле?
Что будет, когда облетит на заре
Последняя роза в церковном дворе?

УМЕРЛА ПОДРУГА МАМЫ

Умерла подруга мамы.
Спать легла. Увы, не встала.
В добрый праздник, светлый самый,
В Рождество её не стало.

Было дел ещё по горло.
Сотня планов на недели...
Но не спать же в поле голом
Под надрывный вой метели?

Под холодным покрывалом
Свежевыпавшего снега.
Под свеченьем небывалым,
Звезднокрылого ковчега.

Неостывший борщ на кухне
И налеплены котлеты.
Как же в миг могло всё рухнуть?
Это страшно и нелепо!

Сколько же незавершённых
Разговоров. Как некстати
Ваш уход. И сколько боли,
Недовстреч, недообъятий.

Валентина, Валентина...
Белый ангел "над тобою".
Снежные пушат перины.
Знать - легка была душою!

Мотыльки-снежинки кружат.
Очень мало Вас я знаю.
Почему же, почему же,
Как по матери рыдаю?!

ХМЕЛЕЕТ ВОЗДУХ

Декабрь. Москва. Кузьминки. Воскресенье.
Посыпан щедро солью тротуар.
Вперёд - назад:
машины, люди, тени...
Вечерний город выпускает пар.

Шагает время широченным шагом.
Хмелеет воздух. Скоро новый год.
Столичным пёстрым небом - вражьим стягом,
Обманут суетящийся народ.

И женщина в подземном переходе -
Считает вслух (ей не куда спешить),
Как горстку дней до будущего года -
До пенсии последние гроши.

Вот незадача - на еду не хватит,
Но радуется, что на шкалик есть -
Придти домой, рюмашкой вечер скрасить,
И русскую народную запеть.

БЫВАЕТ – ТЯНЕТСЯ ДЕКАБРЬ

Бывает - тянется декабрь,
А этот бешено несётся.
Стрельца последняя декада
Без снега, и увы, без солнца.

Предновогодняя морока
Народа в магазины бегство
И мандаринов из Марокко
Неповторимый запах детства.

И горький запах русской ели,
Который сердцу мил и дорог.
На площадь вьюга скатерть стелет
И шепчет: скоро, скоро, скоро...

"Что скоро?", объясни мне, вьюга?!
Всё-ж недопонял я немножко,
Что будет радость или мука?
Салют на праздник иль бомбёжка?

ИДЁТ В ПЛАЩЕ ПОМЯТОМ

Идёт в плаще помятом.
Отсутствующий взгляд.
Пижон чудаковатый.
Дождю и ветру рад.

Сигарки на исходе,
Конечно денег нет.
За то всегда свободен,
Всегда - на красный свет.

Немного с перепоя.
Небритый и смешной,
Но ангелы толпою
КружАт над головой.

И взгляды все девицы
Бросают на него,
И с ним не приключится
Дурного ничего.

Ну может подерётся,
Поспорит, надерзит,
Отчаянно напьётся,
А Бог его простит.

За что его, чудного
Он любит, в чём секрет?
Кто мне нашепчет слово?
Ужель разгадки нет?

Идёт в плаще помятом.
По майской мостовой.
Пижон чудаковатый.
И чуждый мне, и свой;

Гуляка и стиляга
Невежда и эстет.
Счастливчик и бедняга.
Художник и поэт!

ГДЕ ЖЕ СТАИ ВОЛШЕБНЫХ СНЕЖИНОК?

Где же стая волшебных снежинок?
Только стынь и тоска за окном.
Мокрый снег - это что, поединок
Братьев двух - Ноября с Декабрём?

Что там, взрыв?
Или галки сорвались
С веток лип? Задрожал чёрный сад.
Хорошо, что войны мы не знали.
Но так близко, так близко бомбят...

Так близка нам и боль, и тревога
Тех, когда то счастливых людей,
Что молясь, и надеясь на Бога,
Не покинут отчизны своей.
Не уйдут, и как могут, сражаясь,
Защищать они будут свой дом,
Веру в жизнь никогда не теряя,
Хоть и смерть, и разлука кругом.

А не много-ль смертей и поминок
Всем нам за год пришлось испытать?
Где же стаи волшебных снежинок,
Снисходящих, как благодать?

РАЗГОВОР С НОЯБРЁМ

На улице - сырость, и пахнет псиной,
И холод собачий. Туман и слякоть.
Какой ты, ноябрь, заунывный, длинный.
Ноябрь, прекращай бесконечно плакать!

В подмёрзшей грязи разводить чернила;
И прежде, чем новый куплет родится,
Пусти вдохновенных снежинок милых -
Слепых мотыльков, на свои страницы!

Зажги утомлённые наши лица
Огнём ослепительного рассвета.
Затянуто небо. Зато синицы
Нам снова напомнят о солнце лета.

ТЕБЕ К ЛИЦУ, ДАЛЁКАЯ ЕЛАБУГА

Тебе к лицу, далёкая Елабуга,
Свинцовость туч, дрожащий глянец слёз
Дождя косого, а чуть позже - радуга,
Что коромысло на плечах берёз.

Берёзы здесь, как барышни на выданье.
Всё приданое - косы до колен.
Затеяв хоровод, нигде не виданный,
Они пленят, и ласков этот плен.

Последнее пристанище Цветаевой.
Здесь дух Поэта вечно будет жить,
Над вольными трепещущими травами,
Он будет летом бабочкой кружить,

Зимою снегом лёгким и нетронутым
На синие ложиться купола,
Весной лучом заглядывать в те комнаты,
Где СОРОК ПЕРВЫЙ помнят зеркала...

Взгляд женщины, в тупик судьбою загнанной,
Всё зазеркалье знавшей наперёд,
Сказавшей раз и навсегда отчаянно:
"Моим стихам настанет свой черёд!"

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Четвёртый день подряд
Всё сыпет снежная труха,
И как песец, мой белый сад
Одет в роскошные меха.

Треск тараторящих сорок,
Синиц весёлых кутерьма;
И манит, манит за порог
Неугомонная зима.

Эх, зимушка, да я бы рад,
Сейчас до рощицы пешком...
Мой черновик похож на сад,
Ещё не тронутый снежком.

Четвёртый день идут стихи,
И вдохновенье не унять.
Стихи отважны и лихи.
Когда утихнут? Если б знать...

На ошалелый телефон
Не поднимается рука.
Я вдохновеньем опьянён,
В плену у ручки и листка.

АНИКИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
Москва

Родился в 1972 году в Москве. По образованию - математик. Предприниматель. Публиковался в печатных изданиях России. В журнале Magazine в 90-х годах - цикл стихотворений (написанный в соавторстве с В. Романовым), циклы стихов в журналах и альманахах «Prosodia», «Нижний Новгород», «7 искусств», «Русский колокол», «Русский альбион», «Современные записки», «Золотое Руно», «Новая Литература», «Зарубежные задворки», «Великороссъ», «Камертон», «Тропы», «Новый енисейский литератор», «Фантастическая среда», «Айсберги подсознания», «Русское вымя», «Фабрика Литературы», «Точка зрения», «9 муз», «Арина», «Littera-Online», «Поэтоград», «Вторник». Автор книги «Разные сказки».

ПЕСНИ НЕВОЛИ И ВОЛИ

1
Побежали – никого
нет за нами. Даль пустынна.
Ради бога своего
Русь укроет неповинных
во снега, белы снега –
хладней смерти, ближе неба;
тяжесть зимняя легла –
глубже сна, белее хлеба.

***
Далеко ли до людей?
И чего от них увидим:
смерть-погибель? гони-бей?
Как от них живыми выйдем?

2
Я прозяб
до кости.
Боже, хлябь
замости
льдом белым,
чтоб целым
был под ногой, –
пройду живой.

***

Цепи сброшены,
стражники снежком запорошены,
финка в руке,
скорость в рывке…

***

Следы заплету
мимо жилья,
пуля на лету
будет не моя.

***

Собаки – за зверем,
а я – от собак,
погоней измерим
мы поле, овраг.

3

В лесу столько тьмы, что собаки за мной
собьются со следа, звериной тропой
уйду – не узнают, мои где следы;
как заяц, петляю, скачу от беды;
как волк одинокий, под близкой луной
скрываюсь в овраги – не надо за мной;
шатаюсь, бессонный, проклятый медведь,
настигнуть меня – это верная смерть.

4

Лес меня укроет, и лес не выдаст
никакой погоне – как в воду кану;
вы сюда не суйтесь, конвой, собаки,
нет вам удачи.

Лес меня укроет, и лес прокормит,
спать уложит лес и укроет снегом,
никогда не будет на мне клейма – нет,
инея кроме.

5

По грехам моим
осужден сюда:

был дельцом большим,
да лиха беда
принялась – был час –
за мою судьбу,
прекратила враз
свободУ, гульбу!

Ох, затейник-кат –
так и сяк кнутом,
косточки свербят
при всем деле том.
Чтоб добить меня
не пришел указ,
приняла жена-
каторга как раз.

***

И бессрочное
началось мое
в цепях прочное
бытие-житье –
ни прогулочки
и ни рюмочки,
сдобной булочки,
света с улочки.

6

А погнали как –
почти воля путь,
долгий мерим шаг,
медлим цепь тянуть,
и дойдем мы так
расстоянья-жуть,
и поможет Враг,
где с Руси свернуть.

***

Не пришла меня
проводить жена,
прогнала меня
с глаз долой страна.
А не надо нам

помнить, видеться;
по моим срокам
жизнь и выйдет вся.

7
В семи кровях крещен.

Матерью рожден.
Отцом сечен.
Бабкой заговорен.
Убийством обагрен.
Судьей осужден.
Палачом казнен.
Богом спасен.

Отпущен на семь сторон.

8
Сколько же можно рассчитывать,
так-эдак прикидывать свои планы,
маршруты конвойных вызнавать,
подгнившие доски в заборе искать,
с людьми говорить,
искать среди них надежных,
богу молиться,
ждать дней, чтобы стало теплее.
***
Все планы один другого стоят,
конвойные, как хотят, бродят,
доски в заборе все одинаковы,
люди или выдадут, или железом в бок,
бог молчит, с иконы глядит,
любая погода делу помеха.
Давно пора!

***
Ну, в добрый час,
ну, сквозь щель-лаз,
ну, в гиблый край,
ну, бег, давай!

9

Царь сибирский – дух тайги
нас встречает, привечает,
заметает след, шаги;
вихри, вьюги затевает.
И никто нас не найдет,
лаем собственным погоня
захлебнется, отведет
пули леший – на ладони,

теплые еще, лежат,
не пролили нашей крови.
Ветви старые дрожат
над пространством белой нови,
на которой никого
не видать, глаза ослепли
цель искать – меня, его,
ускользнувшего из петли.

10
Есть бог воров –
проведет меня
мимо капканов, ям.
И нет оков –
упадут, звеня,
тяжолые, к прохорям.

***
Есть беглый бог –
до России он
первенцу путь спрямит

мимо дорог,
где ведет закон,
железом своим гремит.

11
Я убегал от погони, дыханья уже не хватало,
воздуха вязкого легким; упал я, к стволу прислонился –
пусть настигают, хватают… Не слышу я лая и криков,
тихо в лесу; снег с ветвей легкой пылью слетает, сребристой.

Нет никого, кто за мной, поглотила тайга, я – свободен,

выпущен кем-то на волю совсем; как в тюрьме, как в России
мне не мечталось – свободен.
И, божьими занят делами,
тихо сидит человек. И когда за ним были погони?

12

Ты кто такой? – Бродяга. – За тобой
собаки лают. – За тобою волки
плетутся, за тобой бредет медведь,
и птицы твои мерзнут на лету, –
прими меня в свою лихую свиту,
пойдем гулять на воле, снеги мять,
пугать деревни посвистом разбойным,
дань собирать лесную…
– Я такой же
бродяга, брат твой, тех же нор земли
беглец усталый. – Здешних мест хозяин,
гостеприимец. – Вольные мы оба!

13

А куда идти?
До самой России
добрести нетрудно – да там не лучше
каторга-морока,
тоска жестока,
скука-голодуха да новый случай,
чтоб в железо руки, в железо ноги,
чтоб в путь обратный.

Вот она, свобода под небесами –
час недолгий, трудный,
часок до смерти –
высота какая звездАми вертит! –
нагляжусь, -любуюсь на хор их чудный,
а замерзнув трупом под ихним светом –
к Богу отправлюсь.

***

Не спешу, стараюсь, чтоб как-то к дому;
где он есть, мой дом? Не к тюрьме ли выйду,
поплутав, - бродив? – Принимай, родная,
блудного сына.

14

В тех краях, где человеку
жить нельзя, нас держат, братья,
дольше жизни, дольше века
мати-каторги объятья.

***

Не отпустит сыновей
погулять в чужбине, воле –
дольше срока жизни всей
пребывать в тяжелой доле.

15

Тысячи лет моих, тысячи в трудной, в печальной неволе,
тысячи лет – тут, на прОклятом месте, с такими же рядом,
тысячи лет – до и после любой даты, срока любого.
Не кандалы на ногах, на руках – расстоянье и время.
Бог ихний. Бог этой стылой неволи, такого пространства,
где только капища мне за колючкой, затворы святые,
гибели место живой. Я глотаю, я требую жертвы,
сам заточен и прикован, я сам себе коршун голодный.
Вся-то моя здесь страна – вот опричное русское царство,
подлинное, скоро вся остальная Россия…

16

Кто-то вспомнит про меня,
крестом плечи осеня,
дунет, плюнет трижды вбок,
чтобы был мой путь далек,
чтоб развеялся мой вид,
чтобы, время вечный жид
из пожизненного срока
сколь ни жил, – и дальше столько!

17

И на полную свободу
отпустили, цепи сняли;
вышли счетом все-то годы,
сколько длили, добавляли.

Будто вечность за плечами,
бесконечность, неизбывность.

Все срока свои скончали,
всех снов-песен заунывность…

***

Вышли люди за ворота,
покурили, постояли –
выпить страшная охота,
только денег им не дали;
только времени немного,
погулять чтоб, отдышаться,
только дальняя дорога,
по которой возвращаться.

18

Не ждала меня мать,
и не ждал отец,
им двоим срок был умирать,
и я не жилец.

Поделили братья мое,
и поделом;
на ночевку, житье
не пустят в дом.
А та, кто милей всего
мне была,
та ни чего,
ни дня не ждала.

19

А увидят меня на краю села,
так попа позовут водой кропить –
тень не тень, мертвеца не мертвеца,
а не надо таким здесь у нас ходить.

20

Не ждала меня, не гадала видеть,
обо мне молиться не знала как ты –
то ли о живом, то ли как о мертвом;
на расстояньях таковых мы все неотличны.
Сердцем тоже что почуешь?
Молчит, не знает и сейчас;
молчит и не слышит стука сердца другого.

ЗОБНИНА (Островко) ГАЛИНА СТАНИСЛАВОВНА
Верхняя Салда

Родилась в июне 1947 года в городе Верхняя Салда Свердловской области. Закончила филологический факультет Свердловского педагогического института и продолжила образование в Ленинграде по специальности «Мировая художественная культура». Преподавала русский язык и литературу (в том числе и «МХК»). Работает педагогом дополнительного образования по рисованию в детском саду и проживает в родном городе. В 2014 году в городе Ирбит была опубликована подборка стихов Галины Станиславовны в коллективном сборнике «От имени сердца».

ЗЕМЛЕ

Планеты шарик голубой
Летит и светится в пространстве.
И сколько предстоит нам странствий,
О том не знаем мы с тобой.

Быть может, новое созвездье
Нам станет домом, а пока
Мне светит солнце в поднебесье
И улыбается река.

Пусть звёзд таинственных пространства
Зовут куда-то за собой,
Хранят времён непостоянство
И гимн тебе поёт прибой,

Земля, моим ты домом стала!
И я во сне и наяву
Все от тебя беру начала
И лишь одной тобой живу.

МУЗЫКА

Мне в душу тихий звук проник –
Неповторимое явленье.
И в этот светоносный миг
В ней совершилось обновленье.

И сердцу стало так светло
От этих звуков благодатных,
Что отступило сразу зло
И не вернётся к нам обратно.

Звучи же, музыка, звучи
И превращай сердечко в птицу!
Чтоб солнца вспыхнули лучи,
На свет мне стоило родиться!

* * *

Весна приходит молодая
В пыль улиц, в суматоху дня.
В других волненье вызывая,
Она не трогает меня.

Люблю я с детства бабье лето,
Осенних красок торжество,
В древесных кронах море света,
А я, как будто часть его!

* * *

Ты не со мной, а мир всё так же светел.
И весело щебечут воробьи.
И снова в классики играют дети,
Под тополь ранцы побросав свои.

Весна опять в свои права вступила,
Улыбки раздавая и цветы .
А для меня огромным счастьем было
Увидеть твоего лица черты.

* * *

В саду стоит такая благодать!
От трав душистых голова кружится.
Летит пчела, чтобы нектар собрать,
И, пожужжав, мне на ладонь садится.
Замру, боясь мгновение спугнуть.
Мне дорого оно: вдруг не вернётся!
А солнце, продолжая вечный путь,
Сквозь тучку набежавшую смеётся.

ПРОВИНЦИЯ МОЯ

Ещё доносит ветерок степной
Настои трав, светилом обогретых.
Приятно ощущать июльский зной
Уральского коротенького лета.

Неброская провинция моя,
Тебя я никогда не променяю
Ни на какие южные края
И прелести тропического рая.

И если чем-то всё же увлекусь,
Покину ли простор родного края,
То всё равно опять к тебе вернусь,
Мой отчий дом, земля моя родная!

ОСЕНЬ

Снова осень поменяла вкусы.
Ветром парки донага раздеты.
Лишь у дома на рябине бусы
Рдеют дорогим подарком лета.

Небо ж только хмурится и плачет,
Не раздвинет облака улыбкой.
Дождь по лужам и скамейкам скачет,
И бубнит, как бабушка над зыбкой.

* * *

То плакала вовсе не осень
О том, что состарилась рано,
А сердце, гордыню отбросив,
Слезами лечило раны.

А ты ничего не понял:
Сольются ли две половинки? –
Стоял и в свои ладони
Дождя собирал слезинки.

* * *

О эта горечь расставаний,
Слов обветшалых шелуха,
Сухой руки твоей дрожанье
И одинокое «пока!»

Был день – нам было мира мало,
Хоть он лежал у наших ног.
Нас чувство общее венчало,
Но ты сберечь его не смог.

ЗИМУШКА – ЗИМА

Озлившись, что в доме уютно,
Натоплена печка жарко,
Под шелест метели мутной
Засела зима за прялку.

И вот уж танцуют и кружат
Снежинки, что скучно летели.
От старости или от стужи
В лесу им завидуют ели.

А зимушка, нрав не скрывая,
За окнами ветхой избушки
С метелью сама засыпает
В сугробах на белой опушке.

* * *

Любовь моя! Не знаю, как мне быть.
Не можешь ты колодцем стать бездонным,
Чтобы мою надежду напоить.
Покоя дай ночам моим бессонным.

Любовь моя! Ты трезвости мне дай,
Холодного рассудка и расчёта!
Я буду жить без чувств и без заботы.
И, может быть, тогда наступит рай?

* * *

Твой платок в кармашке, будто
Рук твоих прикосновенье.
Мне б ещё одну минуту,
Мне б ещё одно мгновенье.
Ты ж уходишь… Это значит:
Сгинут попранные чувства.
Не обижусь, не заплачу –
Только в мире станет пусто.

* * *

Снежок успел изъяны скрыть.
И так чиста его обнова,
Что захотелось даль обжить
И по лыжне промчаться снова .

И грудью полной подышать,
Стряхнув заботы и печали.
И молодой, как прежде, стать,
Оставив город за плечами.

ВЫСОЦКОМУ

Ты был нас чуть-чуть постарше,
Но сердце сорвал на марше.
И плакали люди России,
Когда тебя уносили.

И снова несутся кони,
Но вряд ли тебя догонят.
У жизни и смерти на грани
Мы видим тебя на экране.

Обрывисты жизни ступени.
Но ты не упал на колени.
А если уж некуда деться,
Ты песней вонзаешься в сердце!

БЛУДНЫЙ СЫН

На тему одноимённой картины И. Босха

Седой, с плешивой головою,
Голодный, слабый и больной,
Всех сторонясь, бредёт он полем,
Не узнавая край родной.

Из жизни, грязной и постылой,
Идёт туда, где есть уют,
Где помогают терпеливо
И в горе руку подают.

Перед родной он встанет хатой,
С небес услышав тихий глас
Того, кто, на кресте распятый,
Жизнь положил свою за нас.

Какая будет с домом встреча,
Не знает блудный сын пока.
Ему унять волненье нечем.
Дрожит костлявая рука.

Покинул грешный мир он скрытно,
Устав от мерзости людской
Делить со свиньями корыто,
Пресытясь близостью такой.

Сюжет библейский этот древний
Ни для кого из нас не нов.
Как в старь, в столицах и в деревнях
Родные блудных ждут сынов.
Их ждут и верят: пусть не скоро,
Но в разум блудный сын войдёт
И с глаз ослепших снимет шоры
И все грехи перечеркнёт.

БАСНЯ ПРО БЕСА

Под голубым шатром небес
Однажды поселился бес.
Женился, землю стал пахать,
Детей растить, жить-поживать.
Безгрешных много лет прошло.
Вдруг… стукнул беса бес в ребро.

В краю том ведьмочка жила,
Всех мужиков с ума свела.
Кто безбород, кто с бородой -
Влюбились все. И бес седой.
Вот до семьи дошёл слушок:
У папы беса есть грешок.

И, как ни отпирался он,
А был в измене уличён.
Пришла изменнику пора
С позором съехать со двора.
Хоть он пред всеми осрамился,
Но в шашни новые пустился.

Деньгами ведьмочку завлёк,
Что для семьи он впрок берёг.
Купил машину ей и дачу,
Колье с брильянтами в придачу.
Вид сделав, что покорена,
Дала согласие она

Стать бесу верною женой.
И был окручен бес шальной.
Забыл лохматый, что хотят
Есть где-то десять бесенят.
Забыл и верную жену,
Оставив с детками одну.

Он вроде с ведьмой счастлив был,
Совсем о прошлом не тужил,
Стыдом не мучился, пока
Не стали вдруг расти рога.

Уж как он сбросить их старался!
И шевелюрой скрыть пытался,
Спилить хотел – не повезло:
Они росли ему назло.

- Жена-ведьмачка виновата,-
Взвыл бес,- так ждёт её расплата!
Стал за женою бес следить,
Чтобы в измене уличить.

Да не проста была девица,
Всегда умела исхитриться.
Как он поймать её не бился,
А всё же бабе покорился.

Стал бес худеть, стал бес хиреть,
Как мышка, смирненько сидеть.
А та на воле разгулялась,
Всё промотала, что осталось,

Утратив к мужу интерес.
И стал задумываться бес:
Вернуться к старой бы жене,
Да не простит измены мне.

И дети выросли, пока
Здесь наставляли мне рога.
Каким я был глупцом когда-то!
Вот и пришла за дурь расплата.

Возврата нет теперь назад.
Теперь одна дорога - в ад…
Там по головке не погладят,
На вертел за грехи посадят.

Так у разбитого корыта
Остался бес, как пёс побитый.
Нисколько нам его не жаль.
Но не забудем про мораль:
Запретных не ищи чудес –
Закончишь жизнь, как этот бес.

* * *

Не стоит распинать Христа
И грех замазывать елеем.
Сняв Сына Божьего с креста,
Мы вряд ли стали чуть добрее.
Рвём благодати тесный круг
И думаем о том едва ли,
Что под собою рубим сук
И сами роботами стали.
Вот старый фильм. В те времена
Был воздух чист и люди чисты.
Всему теперь не та цена.
Экран заполнили садисты.
И чем отметим новый век –
Разрухой, голодом, враждою?
А за коллайдера разбег
Какой заплатит мир ценою?..
Он сотворён был не для зла.
И нас Господь для зла не создал.
Задуматься пора пришла.
Не чересчур ли только поздно?

САХАРОК

Моему свекру Зобнину Ивану Афанасьевичу
Прошагавшему по военным дорогам с 1939 по 1946 год.

Был солдат из тех Иванов,
Прошагавших всю войну
Со своей страной на равных
И в длину, и в ширину.
Был в боях он дважды ранен,

Но, назло врагу, живой
Похоронке вслед отправлен
Погостить чуток домой.

Встретили, попричитали,
А, проливши море слёз,
Возвращенье отмечали
Тем, что с фронта он принёс.
Завершился отдых краткий,
Наступил разлуки срок –
Наскребли в мешок солдатский
Сообща кто сколько мог.

Возвращался в часть родную
Воин снова связь тянуть,
Все превратности минуя,
Но был слишком долог путь.
Вспоминал блиндаж, окопчик,
Канонады гул густой...
Съесть бы хлебушка кусочек,
Да мешок совсем пустой.

Сахарка, что не растаяв,
Затерялся в нём лишь ком.
Видит: женщина седая
Путь свой держит прямиком.
Обратился к ней служивый:
- Подскажи, мамаша, мне б
Поменять здесь не смогли бы
Сахарок на чёрный хлеб?

А в ответ ему старушка,
Тут же вскрывши узелок,
Хлеба подала краюшку:
- Подкормись-ка вот, милок!
Уминал Иван горбушку,
А сознанье совесть жгла,
Что взамен на хлеб старушка
Сахар так и не взяла.

ЗАБАРАУСКАС НАДЕЖДА ИВАНОВНА

Родилась в 1963 году. Живёт в городе Новокуйбышевск Самарской области. Координатор народного литобъединения «Отчий Дом». Стихи публиковались в самарских журналах «Русское эхо», «Отчий Дом» и др. Автор поэтического сборника «На берегах мечты» (Самара, 2021 год). Член Новокуйбышевской городской писательской организации.

ДУША ПОЭТА.

Сквозь пальцы время утекает строчкой,
Но невозможно жизнь переписать.
Поэту суждено быть одиночкой,
Нельзя за крылья душу удержать.

В нём вечная борьба противоречий.
Он слишком целомудренный порой,
А через миг порочен и беспечен.
Его душа не ведает покой.

Границы из устоев и морали
Сметает он, как грозовой поток.
Но чище и правдивей не видали
Души его парящей между строк.

* * *

Что грустить? Проходит время.
Все сомненья прочь.
Конь заждался. Ноги в стремя.
Улетаю в ночь.

Говорят: поэт зануда,
Скептикам под стать.
Будто б сам не верит в чудо,
Но готов летать.

Тьма накрыла с головою,
Звёздных вихрей рать.
Конь – огонь летит стрелою,
Чтоб пегасом стать.

* * *

Так восхитительно прекрасно
Поют ночами соловьи.
Их оды явно не напрасны.
Коль вновь мечтаю о любви.

Казалось бы, давно забыты
Те чувства нежные в душе.
Все перечитаны пииты
И милый образ в мираже.

Но эти дивные напевы
Вновь будоражат мою кровь,
Как дочь неугомонной Евы,
Я снова верую в любовь.

РАССВЕТ

Вдруг солнце ослепило мне глаза,
Наотмашь полоснув по мне улыбкой.
И выжатая горькая слеза
Повисла на реснице длинно-гибкой.

Идиллию безмолвной красоты
Мне было оценить довольно сложно.
На тёмном небе бездна пустоты,
Но с нею спорить смертным невозможно.

А в этой яркой чистой белизне
Весь мир я вижу будто на ладони...
И все становится так ясно мне
Как будто бы молюсь святой Мадонне.

ОСЕНЬ

Осенний дождик мерно моросит,
И лист последний с дерева слетает.
Увядшая трава не шелестит,
И всё вокруг надолго замирает.

Не слышно звонких птичьих голосов,
Все певчие давно уже на юге.
Лишь скучный мерный лай дворовых псов,
И робкое мяуканье в округе.

Жизнь замирает в русских городках.
В окошко осень грустно наблюдает;
Но всё ж просвет наступит в облаках,
И радостное солнце засияет.

* * *

Бежит по камушкам вода,
На небе солнышко сияет.
Летят куда-то поезда
И где-то кто-то их встречает.

Вот так и жизнь моя идёт.
Сначала тихим мерным шагом,
Но вот зигзаг и поворот,
Потом тропинка за оврагом.

И вот бегут мои года.
Они бегут неумолимо,
Как скоростные поезда
Мелькают - мимо, мимо, мимо.

НЕ ЗАБУДЬ…

За воротами остался
Старый домик в три окна.
Мой автобус прочь умчался.
И деревня не видна.

Закружила, завертела
Городская суета.
И душою очерствела,
Атмосфера здесь не та.

Город радужно мерцает,
Но не греет блеск его.
Остывает, забывает.
За душою – ничего.

Мне б увидеть на минутку
Разноцветные поля.
Незабудки, незабудки
Не забудьте вы меня.

* * *

О берёзках говорить не буду.
И о том, как плачут соловьи.
Но всегда мне хочется и всюду
Говорить о пламенной любви.

О любви к тебе, моя Россия!
О любви к озёрам и полям.
И о том, какая в сердце сила,
Невозможно одолеть врагам.

Не понять завистливым народам.
Что живут за тридевять земель,
Что такое русская свобода,
Отчего душа поёт, как Лель!

Что об этом говорить всечасно,
Тем, кто о России не забыл?
Ведь о том, как Родина прекрасна
Знают те, кто Родиною жил!

* * *

Опять под голубыми небесами
На островок, затерянный вдали,
Плывёт корабль твой под парусами,
Окрашенными в алый цвет зари.

И остров, пышной зеленью покрытый,
Ждёт появленья алых парусов,
И горизонт сливается с зенитом
Под звон весёлых птичьих голосов.

И вновь корабль всё ближе, ближе, ближе
Подходит к берегам мечты моей.
На палубе я капитана вижу…
Ну наконец-то!.. Здравствуй, милый Грей!

* * *

Я видел мир, его красоты.
Я видел бездну темноты.
Я ощущал полёт свободы
И заточенье пустоты.

Познавший яд людских пороков,
Я выпил эликсир любви.
Был принят равным средь пророков.
И в грешной утопал крови.

Порой в душе вскипала злоба.
Я жалости тогда не знал.
От колыбели и до гроба
Я жизнь земную проклинал.

Но был в ней миг - слеза скупая
Катилась по моей щеке,
Когда, от счастья замирая,
Твою ладонь держал в руке.

ВЛАДИМИР ВАРЛАМОВ
Сызрань
Родился 9 января 1946 года в селе Радищево Ульяновской области. С 1953 года живёт в городе Сызрани. Окончил Сызранский строительный техникум и Ташкентский институт железнодорожного транспорта. Руководитель Городского клуба авторской песни, поэт, пародист, создатель городского фестиваля «Слёт друзей Грушинского фестиваля». Один из основателей радищевского литературного клуба, где выпускает литературно-поэтический альманах «Прикосновение». Лауреат городской премии «Признание» в номинации «Культурно-просветительская деятельность». Печатался в журналах «Литературный Ульяновск», «Карамзинский сад», «Симбирск», «Енисейский литератор». Коллективных сборниках «Поэзия радищевского края», «Седьмое небо вдохновения», антологии «Ульяновская словесность». Автор книг: Стихи и пародии. - «Не пиши, не пиши, не пиши», «Привет от дилетанта», «Тепло осеннего костра», «Я время тороплю». Член Сызранской городской писательской организации.

АХИНЕЯ ТЕТИ ФОРЫ

Не наступай на те же грабли,
Всегда бери у жизни новые.
Я заклинаю: Крибле-крабле-
Бумс...Рукавички-то — ежовые.
Константинова Анжела

Не наступай на те же грабли,
Всегда бери у жизни новые.
Ступать не надо на кораблик –
Борта и мачты не дубовые.

Кораблик сделан из бумаги –
Газет вчерашних применение.
Я заклинаю: ткните шпагой,
Уж если мучают сомнения.

Земля вокруг Светила мчится.
Есть Пифагор, но где опора?
Ведь с ней в ежовых рукавицах
Столкнёт планету тётя Фора.

Несите дальше ахинею,
Галиматью крутыми тропами.
Дождётесь - может быть сильнее
Вас с Форой критики отшлёпают.

БЕЗ РУК

Синий свет вечерний
Глянул мне в окно.
Приходи любимый,
Жду тебя давно.
Не звони рукою,
Здесь не надо рук.
Двери я открою
Лишь на сердца стук.
Ольга Чеботаева

Синий свет вечерний
Льётся из окон.
Тычешь ты, наверно,
Пальцем в домофон.

Жду тебя, любимый,
Рви порочный круг.

Только угоди мне:
Здесь не надо рук.

Знаю, ты не робкий,
Страстью одержим.
Так, что жми на кнопки
Чем-нибудь другим.

БОЛОТО

В конце огородов болото,
В нём мощные ивы растут.
С приходом весны, к нам забота
В окошко стучится:"Тук-тук!"
Зоя Зарубина

Участок в болоте – не круто!
Знать, не было места вокруг.
Зато на сосне каждым утром
Стучит пёстрый дятел «Тук-тук».

По краю, где вязкая глина,
Живёт лягушачья братва.
И к вечеру нам из трясины
Доносится в окна «Ква-ква».

Район возле дач полудикий.
Но манит туда недотёп,
За что под отцовские крики
Детишкам влетает «Шлёп-шлёп».

Красивая мирная птица
Уселась на тонком суку,
И хочется ей поделиться
Чудесною песней «Ку-ку».

Там лес лёгким ветром колышет.
Следит за порядком лесник.
Но только заснёт он, услышишь,
Как кто-то пилою «Вжик-вжик».

БУРЯ

Сметая всю пыль на дороге,
Вдруг ветер сильнее подул;
Сквозь облако месяц двурогий

Коровой беззубой зевнул.
Анатолий Зеленцов

Зевнула на небе корова
Беззубым уродливым ртом.
И прытью бычка молодого
Промчалась гроза над селом.

А туча сопливой девчонкой
Льёт воду с дырявых небес,
И ей аплодирует звонко,
Как в опере, жаждущий лес.

Вот озеро с пастью мохнатой
Готово к приёму воды.
Но речка бараном рогатым
Волну подняла на дыбы.

Колени трава преклонила,
И всласть её дождик полил.
Но буря угомонилась,
И рот месяц в небе закрыл.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Бог создал горы , океаны, реки,
Рассыпал в небе звёзды серебром
И в день шестой вдохнул жизнь в человека,
Чтоб наслаждался Божьим мастерством.
Мира Любова

СчастлИв был Человек в день мирозданья.
Не придерёшься, ладно Бог скроил.
Он жизнь в него вдохнул, привёл в сознанье,
В кого-то дар поэзии вложил.

Но вот одни зарницей восторгались,
Другие чушью подчивали свет,
Одни ловили дождика хрустали,
Другие засоряли интернет.

Над многими гордыня поглумилась:
Мол, феномен он как бы, исполин.
Он эксклюзив и повелитель мира
И даже восхищенья достоИн.

ДЛЯ РАЗВРЕЧЕНЬЯ

В плену иллюзий оказавшись,
Я просыпаюсь среди ночи,
И больше сказок не осталось,
Одни сплошные заморочки…
Анна Беднова

Исчезли сны, причуды сказок,
Остатки разлетелись в клочья.
И все проблемы всплыли разом,
А на часах четыре ночи.

Вдруг наступила ясность мысли,
И заморочки в душу хлынув,
Велели взять листочек чистый
И записать экспромт не длинный.

Ну, не ругайте слишком грозно,
Мура, и в этом нет сомненья.
Но, всё же ночь, и не серьёзно,
Я это так, для развлеченья.

ДРУГИЕ ДОРОГИ

Когда б судьбы печальных поворотов
Мне многих удалось избегнуть ловко,
И мне б достался путь другой, добротный,
Не тот, что нынче, — странный и нелегкий,
Валерия Ливина

О, если б я хоть чуть ловчить умела,
Убёгла бы от грустных поворотов.
И не пришлось бы мне, как угорелой,
Прожить свой век в проблемах и заботах.

Свернула б не в печаль, а на веселье,
На путь добротный, как в аэропорте,
Чтоб почва под ногами не просела,
Чтоб не тонула в нынешнем болоте.

Смекалистее надо быть, ловчее,
Лизнуть, соврать и смухлевать немного,
Покланяться, прогнуть учтиво шею –
И вот другие пред тобой дороги.

ЖИЗНЬ ТАКАЯ

Будет, будет скоро лето,
Как за вторником среда.
Очень надо верить в это,
Ведь без веры – никуда.
Илья Портнягин

Будет, будет скоро лето.
Хочешь, верь, а хочешь, нет.
Но задача для поэта
Доказать, что вера – свет.

И Любовь с Надеждой в гости
К Вере ходят иногда.
Верь, что после лета осень,
А за вторником среда.

Никуда без веры нынче.
Жизнь такая – по судьбе.
Верь, а то беду накличешь,
И она воздаст тебе.
Верь, что лошадь, кроме сена,
По утрам овёс жуёт.
Верь, что Волга непременно
В Каспий воды принесёт.

КОРАБЛЬ БЕЗ КАПИТАНА

Жизнь без боли, как шашлык без соли.
К тридцати годам я поняла:
Не взломав отчаянья пароли,
Распознать бы счастье не смогла.
Ирина Самарина

Знаю я, стихи не без изъяна,
Словно в море бриг без парусов,
А точней – корабль без капитана,
Капитан без трубки и усов.

Как шашлык без соли и без лука,
Вам, простите, есть его пришлось,
Как пароль отчаянья и муки,
Что взломать мне всё же удалось.

А взломав, я счастье распознала,

Но, возможно, ждут меня грехи.
Если бы я их не отрыдала,
Получились лучше бы стихи.

ЛЮБОВЬ НА СДАЧУ

Пойду, схожу за счастьем на базар,
А после в супермаркет, за удачей…
И что с того, что это не товар…
Я попрошу ещё любви — на сдачу…
Ирина Самарина

Известно, что у нас всё продаётся,
И купишь всё, чего греха таить.
Здоровье на базаре брать придётся –
Рецепт в аптеке надо предъявить.

Достать его сейчас такая мука!
К врачу, анализы, опять к врачу…
Нет, лучше я возьму авоськи в руки,
На рынок за здоровьем полечу.

- Мне два кило здоровья – я к таджику -
Кивнул он и капусты дал вилок.
- На сдачу мне любви и страсти дикой.
- На сдачу не получится, дружок,

Пятьсот рублей за час. Всё с Украины.
На фото глянь – товар как на подбор!
- Спасибо, нет, пойду я лучше в винный,
От всех проблем я там куплю набор.

МЫШЬ

Спит на маленькой циновке
Мой ручной питомец - мышь.
Поддаётся дрессировке.
Всё исполнит, что велишь!
Ольга Иркегулова

Мать меня дрессировала,
Мышь учила я для игр.
Не гора её рожала –
Изобрёл научный мир.
Мышь со мною дружбу водит.
С ней мы сляпали стишок.

Есть не просит и не ходит
Каждый вечер на горшок.

С нею мне легко, ребята.
Лишь движение руки –
Открывается рифматор,
Сочинила две строки.

Вложит мышь в любое дело
Всю энергию ума.
Если бы она умела
Рифмы складывать сама!

Вот я вам тогда хоть завтра
Сборник выпущу, глядишь…
Но боюсь, я не соавтор,
Автор книги будет Мышь.

НЕ БЕРУТ

А поезда опять всё едут… едут…
А я всё остаюсь и остаюсь.
Ирина Самарина

А поезда такие непоседы.
Нет, я на них ни капельки не злюсь.
Но почему они всё едут, едут,
А я всё остаюсь и остаюсь?

Ну, почему меня не сдвинешь с места,
Сто пятьдесят – да разве это вес?
Соседи зря ворчат мне вслед нелестно,
Что габариты, как у Днепрогэс.

Не верю я, что два локомотива,
В которых мощность сотни лошадей,
Красавицу и душу коллектива
Не могут отвести хоть в Канадей.

Возьмите! Если вдруг в купе не влезу,
В почтовом я вагоне умещусь.
Но поезда опять всё едут, едут,
А я всё остаюсь и остаюсь.

НЕ ДАНО

Горю желаньем стать Народным,
Не на бумаге, а в сердцах.
Стремлюсь к вершинам благородным,
С блокнотом авторским в руках.
Владимир Замыслов

Ни в жизнь, не станешь ты народным,
Ни на бумаге, ни в сердцах.
Скорее чушью огородной
Звать будут этот бред в стихах.

Ну, не дано, твой труд – напрасный.
Стремишься зря ты к высоте.
Пируй на праздник в день ненастный –
Справляй поминки по мечте.

НЕХОРОШИЕ ТУФЛИ

Шла по росяной траве,
Замочила ножки…
Ах, свернули б вы правей
Туфли-босоножки.
Людмила Фёдорова

Мне устроили подвох
Туфли - босоножки,
И в лопух - чертополох
Угодили ножки.

Нет, чтоб вправо повернуть,
Там простора много,
Туфли влево утянуть
Норовят с дороги.

Там, где сбитень - облака,
Клевер - одуванчик,
Запах дуба - чеснока,
Мяты - наперстянки,

Мальчик - хлюпик на лугу
Руку предлагает…
Значит туфли «не в дугу» -
Сделаны в Китае.

ОДНООБРАЗИЕ

Приглашаю, соберёмся,
Опозданий не терплю,
Наедимся и напьёмся,
Целый день вам посвящу.
Сергей Генн

Дни становятся похожи,
Словно братья - близнецы.
Соберёмся, стол разложим,
Алкоголь не дефицит,

Закусь выставим, упьёмся,
Под гитару поорём,
Полежим и разойдёмся,
Чтоб собраться завтра днём.

Скучно и не креативно
Пить под глупый разговор.
Ждёт душа интуитивно
Новых действий, новых форм.

Есть ещё одна загвоздка –
Возмущается жена.
Говорит: пропахла водкой
Даже в комнате стена.

С ней я полностью согласен,
Только дело не в стене.
Слишком стал однообразен
Этот образ жизни мне.

ОПАСНОЕ СВИДАНИЕ

Сегодня убежала я из дома.
Пошла гулять на парочку с дождём.
Мы с ним друзья. Мы с ним давно знакомы.
Встречаюсь чаще с ним я под зонтом.
Лидия Алёшина

Напрасно зонт оставила я дома,
Когда гулять пошла на парочку с дождём.
На этот раз он вёл себя нескромно:
Без спроса чмокнул в щёку, а потом

Ласкал мне нос и уши, как мальчишка,
Пробрался к телу в прорезь на груди
И начал опускаться слишком низко.
Домой пришлось досрочно уходить.

Хоть мы друзья, как говорят, навечно,
И вроде мне бояться ни к чему,
Но всё ж, когда опять пойду на встречу,
Я зонтик обязательно возьму.

ПЕСНИ ГОРОДА

Поёт мой город необычно,
И звук несётся непривычно,
Вот самолёта гул в том пенье,
А вот пилы надрыв с забвенья,
Наталья Золотых

Поёт мой город очумело,
И петь я с ним не захотела.
Ведь звуки лета необычны,
И темп, и уровень критичны.

Вот аэробус пролетел –
Уже сто двадцать децибел.
Вот горловые слышу крики –
Упал работник ЖЭУ с крыши.

Зачем нанёс он вред здоровью,
Ведь по весне же чинят кровлю.
Косилка манит на газон,
Хотя туда вход запрещён.

И зря визжит она охрипло,
Уйду я прочь, пока не влипла.
Надрыв пилы, как с перепугу,
Забвенье чтобы превозмочь,
Напомнить зиму, холод, вьюгу,
Поёт, скотина, день и ночь.

Ах, летнее разноголосье,
Ах, лета громкий перезвон!
Скорей бы дождь, скорей бы осень,
Вот с ней споём мы в унисон.

ПО КАЛЕНДАРНОМУ СВИСТКУ

Дожди рождаются ночами,
когда июль ещё хорош.
И ты не чувствуешь вначале
их пробирающую дрожь.
Полина Орынянская.

Дожди рождались тихой ночью
Внутри меня, не в облаках.
Отец – июль был, между прочим,
Ещё хорош в ночных лугах.

Дожди на время притаились,
Но лишь до августов дошла,
Они внутри зашевелились,
Роса из носа потекла.

И дрожь всё тело пробирала,
Один ноябрь разбил луну.
А я, по глупости, не знала,
Что босиком иду ко дну.

В природе так: за декабрями
Всегда приходят январи.
Об этом первыми стихами
Нам Окуджава говорил.

Тому все классики учили,
Сложилось так уж на веку:
Дожди рождались и мочили
По календарному свистку.

ПРЕДАТЕЛИ

Я не терплю предательства ни в чём.
Но на предателей никак не обижаюсь.
Они всегда идут своим путём.
Я с ними просто больше не сближаюсь.
Сергей Кирюхин

Предателей не буду бить по роже,
И зла в душе на них я не держу.
Спокойно ухожу без слов. И всё же
За их судьбой внимательно слежу.

Уверен, что воздастся этой харе,
И это пусть случится поскорей.
Пусть вспомнит он о Грушинской гитаре –
Я два аккорда выучил на ней...

В любом проекте верили мы твёрдо
В порядочность. Для всех закон один.
И пусть морщины старят наши морды,
Мы новую эпоху создадим!

СЕРГЕЙ БЕЛАЯР
Брест
Печатался на страницах газет, журналов, альманахов, антологий и сборников Беларуси, России, Польши, США и Украины. Автор сборника фантастических рассказов «Щит Персея» (2018) и сборника научно-фантастических рассказов «Расследаванні інспектара Сарвы» (2018). Лауреат Брестского областного конкурса «Мы рождены для вдохновения», литературного конкурса фантастических рассказов издательства «Новая реальность», конкурса рассказов газеты «Звязда», литературной премии Брестского областного исполнительного комитета имени Владимира Колесника, литературного конкурса мистики, фэнтези и хоррора сайта «Юг-слово», республиканского конкурса фантастического рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси», конкурса фантастического рассказа «Удивительное рядом, но…» Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт», VI открытого республиканского литературного конкурса «Крымское приключение 2021», конкурса остросюжетного рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси».

СОКРАЩЕНИЕ ШТАТА
(Фантастический рассказ)

Распоряжение как можно быстрее явиться в кабинет начальника Денис Кирилюк получил, ещё даже не успев толком приступить к выполнению служебных обязанностей. Компьютер только начал загружаться, а громкоговоритель на стене простуженным голосом велел инженеру предстать перед Дзюбой.

Никогда раньше Кирилюка не вызывали к начальству в начале рабочего дня, и это стало поводом для раздумий о том, что могло послужить причиной. Нарушений у инженера не имелось, работа шла строго по плану, графики выдерживались, срочных изменений быть не должно…

Привыкший беспрекословно выполнять распоряжения вышестоящего руководства, Кирилюк направился к кабинету Дзюбы.

Наташка – секретарь-референт начальника – что-то ловко и проворно набивала на клавиатуре, высунув от усердия язык, украшенный шариком пирсинга. Точно такие же, но побольше, украшали брови и ноздри девушки. Наверняка были и ещё, однако инженер стеснялся спрашивать.

На приветствие Кирилюка Наташка кивнула и указала рукой на двери кабинета. Мол, заходи, тебя ждут.

Инженер глубоко вдохнул и постучал в обитое дорогой кожей полотно.

- Входите! – донеслось из-за закрытой двери.

Кирилюк шагнул в кабинет.

Дзюба сидел за массивным столом и с видом сильно занятого человека перебирал какие-то бумаги. При появлении инженера начальник недовольно оторвался от своего занятия, глянул на подчинённого, а затем сказал:

- Присаживайся!

Кирилюк мягко опустился на стул и весь превратился во внимание.

Несколько мгновений Дзюба молча рассматривал инженера, затем начал:

- Я вот зачем тебя позвал, Денис. Вчера мне принесли квартальный отчёт о данных по выпуску продукции и полученной прибыли. Получается, что себестоимость растёт, а вместе с ней увеличиваются и незапланированные расходы. С моей подачи аналитический отдел разобрал ситуацию и пришёл к весьма неутешительному выводу – нам необходимо сокращать штат, если мы хотим выполнить спущенный на нас план...

Кирилюк почувствовал, как в сердце кольнул неприятный холодок, хотя поводов для волнения быть не должно.

- Нашему цеху необходимо избавиться от одного человека… - начальник выдержал паузу, как будто морально настраивая инженера на неприятности, после чего закончил: - И этот человек – ты.

- Я? – машинально переспросил инженер, решив, что ослышался.

- Ты, - Дзюба замолчал, давая возможность Кирилюку «переварить» его слова.

Смысл сказанного не сразу дошёл до инженера. Затем глаза Кирилюка полезли на лоб. Инженер переспросил, словно надеясь на то, что его разыгрывают:

- Я?

- Да, - подтвердил начальник. – Поверь, мне было чрезвычайно трудно принять это решение, но другого выхода у меня нет.

Кирилюк ослабил узел галстука и с трудом протолкнул в пищевод неожиданно вставший в горле комок.

Как же так?

Инженер и в страшном сне не мог даже подумать, что его, отдавшего предприятию почти двадцать лет, могут вот так просто вышвырнуть на улицу. Подобный вариант совершенно не укладывался в голове.

- Простите, Фёдор Викторович, но почему именно я? – не своим голосом выдавил Кирилюк. – У меня же нет ни одного нарушения или замечания. Я качественно выполняю свои служебные обязанности, проявляю инициативу. Член профсоюза…

- Да знаю я, - отмахнулся Дзюба. – И то, что ты любящий отец, и то, что хороший муж, и то, что прекрасный специалист и ответственный работник.

- Тогда почему? – спросил инженер, лихорадочно пытаясь понять логику начальника. Не получалось.

- Понимаешь, Денис... - Дзюба пожевал губами. – Мы живём в весьма сложное время. Противоречивое, я бы даже сказал… И не всегда мы делаем то, что нам нравится, поступаем так, как хочется. К сожалению, ситуация сложилась таким образом, что кроме тебя, мне больше некого уволить.

- Но, Фёдор Викторович… - попытался было возразить Кирилюк, но Дзюба не дал ему договорить:

- Я знаю, что ты хочешь сказать мне, Денис. Что в нашем цеху хватает бездельни… то есть личностей с недостаточной мотивацией, что любого из этой категории можно без особого вреда уволить…

Инженер молча кивнул.

- …но всё так просто, как кажется на первый взгляд. Я не могу уволить ни Адама Харриса, поскольку он – личность с неортодоксальной сексуальной ориентацией, а мне проблемы с лигой их защиты не нужны. Ни Емеку ДаМаркуса, по причине того, что он – персона с интенсивно выраженной пигментацией кожи, да к тому же бывшая социально изолированная личность. Только идио… то есть альтернативно одарённый станет чинить препятствия социальной реабилитации этически дезориентированной персоне. Пусть он и никогда не работал ни руками, ни головой. Я не могу выгнать Карена Иваняна, ведь он – инакоспособный. Останется и Януш Жибуля.

- Поскольку он – личность, преодолевающая трудности из-за своих горизонтальных пропорций? – кисло осведомился Кирилюк, вспомнив весящего больше ста восьмидесяти килограммов научного консультанта.

Надежды на то, что произошла ошибка или досадное недоразумение, таяли как дым. Настроение железнодорожным экспрессом неслось к нулевой отметке.

- Верно, - без тени улыбки заверил Дзюба. – Я не вправе распрощаться и с Васёной Днягуновой. Именно в силу того, что она – личность с альтернативным восприятием. Не в моей компетенции выгнать и Эдиту Охремчук… Представляешь, какой вой поднимется, в случае, если я уволю феминистку? Да она затаскает меня по судам!.. Под увольнение ни в коем случае не попадёт Фарида Глузштейн. Мало того что она испаноговорящая женщи… тьфу ты! Я хотел сказать вагинальная личность, так ещё и мусульманка! Прикидываешь, что сделают со мной правозащитники, решив, что я выступаю против чужих религиозных убеждений? Я уже не говорю про Раду Юченко – пренетально эксплуатируемую персону. Ей рожать через полгода! Хочешь, чтобы я провёл остаток своих дней за решёткой?

- Не хочу, - заверил инженер, проработавший с Дзюбой больше двенадцати лет и уважающий начальника за его деловые и человеческие качества.

- И я не хочу. А попаду, если трону её… Как и Вилли Каасика. Не хватало только, чтобы Фонд защиты и опеки стари… хронологически одарённых персон обвинил меня в дискриминации по возрастному признаку. Забудь и о Майке Сосновицком. Знаешь, какое лобби в правительстве у личностей, ориентированных на физическую любовь к персонам с хронологическим потенциалом? Даже эту пьянице… ой… личности, предпочитающей спиртосодержащие жидкости, Сьюзи Алишутиной я не в состоянии указать на двери. Я – толерантная личность и не смею выступать против Закона. Я чту Конституцию, а в ней сказано, что любой, вне зависимости от убеждений, пола, национальной и этнической принадлежности, расы, конфессии, образования и прочих особенностей имеет равные права и возможности.

- А как же я? У меня жена и двое детей, - напомнил Кирилюк, которого тяжёлая могильная плита, опустившаяся на плечи, всё сильнее вдавливала в стул. – Я ведь тоже имею права. Я – человек и гражданин.

- Не детей, а личностей с хронологическим потенциалом! – поправил Дзюба. – Сам знаешь, что это в нынешние времена не даёт никаких привилегий. К тому же ты сам, пусть и с половым партнёром…

- Женой! – с нажимом уточнил инженер, который рисковал вот-вот быть накрытым серой волной безысходности.

- Пусть! – не стал спорить начальник. – Сам ведь воспитываешь, а не передал их на попечение государства, как это делают остальные пары… Да, и посмотри на себя.

- А что не так? – удивился Кирилюк.

- Светлые волосы, голубые глаза, симметричные черты лица, отсутствие физических недостатков при высоком росте… Знаешь, кто восторгался таким типажом?

Инженер утвердительно качнул головой. Университетское образование позволяло без труда ответить на вопрос начальника. Хотя, какая связь существовала между диктатором середины XX века и стремительно рецессирующей внешностью, инженер не понимал.

- Ты – белый, - тем временем продолжал Дзюба. – Не личность с неабсолютной уравновешенностью, персона с ортодоксальной сексуальной ориентацией, не имеющий проблем с законом, не курящий и не употребляющий наркотики, не состоявший в сектах, никогда не отличался альтернативной логикой. Разве с таким набором характеристик ты можешь рассчитывать на поблажку?

Кирилюк скрипнул зубами. Кулаки сжались сами по себе. Начальник прав – в новом мире у Кирилюка не было и не могло быть никаких преференций. Более того – станешь их требовать, рискуешь оказаться обвинённым в расизме, шовинизме, сексизме и прочих, не менее противных и грозящих длительным тюремным заключением неполиткорректных «измах». Список длинный.

- За тебя и твою семью заступиться просто некому… Да и не могу я игнорировать пожелания Комитета толерантности. Мне дорога моя должность. Так что не обессудь.

Инженер всё прекрасно понимал. Дзюба не мог выгнать никого из тех, кого раньше без зазрения совести называли извращенцами. Для начальника это было равнозначно подписанию себе смертного приговора.

- А, если я стану другим? – выбросил последний козырь Кирилюк, хотя сама мысль о том, чтобы вывернуть себя наизнанку, приводила инженера в ужас.

- Я слишком хорошо тебя знаю, Денис, - помотал головой Дзюба и печально улыбнулся. – Ты не сможешь изменить своей природе. Ты – человек тёмного прошлого. Тебе нет места в светлом толерантном будущем!.. Так что получай расчёт и прощай.

ОТЕЦ

Научно-фантастический рассказ

Направленный взрыв вбил входные двери внутрь одноэтажного кирпичного дома, и штурмовая группа молниеносно втянулась в раскуроченный дверной проём.

- Зачем мы их задерживаем? – выразил недоумение Красный Инквизитор Гриммер. – Проще убивать на месте.

- Проще, - кивнул Красный Инквизитор Хольцер, следя за действиями бойцов при помощи тонкого планшетного персонального компьютера, на который шла телеметрия с нашлемных видеокамер. – Только мёртвые не умеют давать показания. Трупами можно лишь запугать, и то далеко не всех, а при нейровизуализации на месте часть информации ноопрофиля теряется. Совсем необязательно это будут воспоминания о первой поллюции. Дёргать листья сорняков бесполезно. Рвать их нужно с корнем.

Отточенные многочисленными тренировками навыки позволили бойцам закончить меньше, чем за минуту: вестибулярный диссонатор лишил четверых экстремистов воли к сопротивлению. С мужчинами разного возраста и девушкой не церемонились: заломили руки за спину и защёлкнули на запястьях наручники, защемляющие нервы.

- Никак не пойму, какого Дьявола им не живётся спокойно? – зло поинтересовался Гриммер. – Ареопаг же одарил счастьем всех граждан. Чего ещё нужно этим ублюдкам?

- У экстремистов собственное – извращённое – понимание счастья, - бойцы начали обыск. Но уже одного только автоматического пистолета на журнальном столике было достаточно для признания вины. – А некоторым просто не хватает мозгов понять, что они – стараниями Старейшин – сделались счастливыми. Даже ментальное стимулирование не помогает. Природа, в отличие от Коммунизма, несовершенна. А Ареопаг пока только всецело контролирует лишь геном.

Обрез охотничьего ружья, фальшфейер, два ножа с кровостоками, бейсбольная бита с гвоздями, самодельная железная рогатка и револьвер позволяли смело говорить о диверсии.

Превосходный улов.

- Ты сам всё прекрасно знаешь, товарищ, - Гриммеру всякий раз будто требовалось доказательство правильности того, что делает Корпус мира. А сомнений быть не должно: счастье – это уверенность.

- Когда-нибудь мы научимся редактировать и мысли.

- Не боишься?.. Уничтожим всех врагов в стране, необходимость в Корпусе мира исчезнет.

- Корпус мира будет существовать до тех самых пор, пока не сдохнет последний враг Коммунизма… Мы крепчаем недостаточно быстро.

- В спешке могло легко пропустить врага, а даже мелкая сошка способна натворить больших бед.

Экстремистов забросили в микроавтобус как мешки с картофелем или капустой. Девушка плакала, тем не менее не вызвала жалости ни у

одного Красного Инквизитора: отказываешься от готового счастья – хлебнёшь горя.

Хольцер оценил каждого: сложности могли возникнуть только с самым старшим – ровесником его собственного отца. В таких, как правило, очень много упрямства, которое пустило корни в самом раннем детстве, когда человечество ещё не пришло к пониманию ценности Коммунизма. Специально для неразговорчивых и сверхидейных Корпус мира взял на вооружение химические психоактивные вещества.

- В Управление! – распорядился Хольцер, и водитель, включив проблесковые маячки и сирену, сорвался с места.

В доме банда обосновалась недавно, однако уже успела пропитать интерьер ядом гниломыслия. Гриммер только лишь по служебной необходимости взял в руки «библию» антикоммунистов – низкосортный роман графомана и говнюка Оруэлла. Отягчающим вину обстоятельством были и рукописные пометки на полях, и разноцветные закладки.

- Что они в нём находят, товарищ? – Гриммер с брезгливостью перелистал полтора или два десятка страниц, после чего бросил книгу на пол.

- Тешат свою ущербность, - Хольцер был одним из немногих, которым Ареопаг – под жёстким контролем – позволил ознакомиться с содержанием «1984». – Изъян тянет к изъяну… Полагаю, покушение на одного из Мудрых Старцев.

На журнальном столике лежала государственная газета, на первой полосе которой была помещена групповая фотография членов Ареопага на фоне развёрнутого красного знамени с золотыми серпом, молотом и звездой.

- Хорошо, если так, - Гриммеру не удалось полностью скрыть радость: награда напрямую зависела от степени тяжести преступления. Рядовых исполнителей полно, а вот полноценный заговор созревает нечасто.

- Или даже на самого Первостарейшину, - оба Красных Инквизитора инстинктивно вытянулись. Преступление тянуло на святотатство. И не имело значения, что Огненная Гвардия не позволила бы банде приблизиться к Первостарейшине на расстояние выстрела. Намерение – не менее тяжкое преступление. Вдобавок неизвестно, каким будет результат, если потянуть за нить.

- Думаешь… - губы внезапно перестали слушаться Гриммера. Слишком уж жуткой получалась версия.

- Любая сраная революция начинается с одного человека. Банда может являться всего лишь одной из множества подпольных ячеек.

Глаза Гриммера заполыхали, а у Хольцера появилось эйфорическое настроение: предотвращение бунта отребья послужит лучшим

доказательством профессиональной пригодности Красного Инквизитора и верности коммунистическим идеалам. Деятельная преданность – оптимальный способ попасть наверх. И никакие жертвы не должны идти в счёт: второго такого шанса может и не представиться.

Великий Красный Инквизитор, пусть даже и при современных генно-инженерных технологиях, не вечен. Приток свежей крови пойдёт Корпусу мира только на пользу.

Однако слишком сильный приток может смыть всю конструкцию.

- Нужно вернуть этих говномесов! – Гриммер ещё не закончил фразы, а Хольцер уже вытащил коммуникатор. Конкуренция вредна.

К счастью, водитель ещё не доехал до Управления. И не стал задавать идиотских вопросов: приказ есть приказ.

Хольцер принялся лихорадочно составлять в уме план дознания: важно размотать клубок первым. Резкий карьерный рост – вещь заманчивая: желающие быть замеченными Ареопагом слетятся как мухи на варенье. И сделают всё возможное, чтобы показать свою исключительную ценность.

Хаотичное нагромождение пунктов вряд ли отняло хотя бы четверть требуемого объёма, когда Красных Инквизиторов потревожили.

Сержант из штурмовой группы был растерян.

- Там в подвале… э… нечто. Что-то.

- Можешь объясняться внятнее, болван? – рассвирепел Гриммер.

- Виноват! – сержант не знал, как продолжить.

- Оружие? Транспорт? Радиостанция? Бомба?.. Что?! – потребовал ответа Гриммер.

- Не с чем сравнить.

Красные Инквизиторы молча переглянулись и направились в подвал. Покушение требовало основательной подготовки и серьёзного технического обеспечения. Стрелять необязательно: имеется масса способов отправить человека на тот свет. Гарантированно и быстро.

Сложность – признак сети. Сверхсложность возможна лишь с чужой помощью.

Подвал был буквально залит искусственным светом, однако понять, чем вызвано замысловатое уплотнение воздуха в центре помещения, это не помогало. Сержант не лгал – традиционные образы для описания не годились.

- И что это за дерьмо? – озвучил потерянность Гриммер.

- Да хрен его знает… - Хольцер неторопливо, со всеми мерами предосторожности обошёл образование. Оно никак себя не проявляло и очевидно не смутило экстремистов.

- Придётся вызывать техников, - посетовал Гриммер. Ответить Хольцер не успел – на коммуникаторы Красных Инквизиторов поступил новый приказ. С маркером Великого Красного Инквизитора.

Мысли Хольцера разлетелись подобно осколкам гранаты. Потребовалась едва ли не вечность, чтобы объяснить персональное, исключительное сообщение тем, что Великому Красному Инквизитору успели доложить о поимке особо опасных экстремистов. Кто-то из спецназовцев, не иначе. Слишком крупный самородок, чтобы находка долго оставалась тайной.

«Немедленно задержать гражданина Ерагина И.К., идентификационный номер 139-44038-0987-С-8946/4, проживающего на улице Красных Коммунаров…».

Сердце Хольцера остановилось. А вот Гриммер оживился:

- Сегодня определённо наш день!

Хольцер зажмурился и медленно досчитал про себя до десяти. Затем внимательно перечитал сообщение. Ошибки, как на то надеялся Красный Инквизитор, не было.

Жёсткая конспирация не помогла. И никак не предупредишь отца: в подвале, кроме Гриммера, ещё четверо спецназовцев. Дистанционно записи с нашлемных видеокамер не сотрёшь. А определить адресата полученного сигнала – проще просто. Хольцер не успеет даже выйти из подвала, как его арестуют.

Хольцер слабо кивнул – будущее перестало быть радужным. А ведь предупреждал отца, что его тухлое ретроградство рано или поздно привлечёт внимание Корпуса мира. Культивация соседской бдительности не могла не дать плодов. Достаточно всего одного неосторожного слова. Неправильного взгляда. Намёка на недовольство.

Большую часть работы любого карательного органа всегда выполняют простые граждане.

- Доставили арестованных, - доложил сержант.

Хольцеру потребовалось время, чтобы переключиться. Но теперь несомненный джек-пот уже не нёс радости. Даже наоборот – воспринимался как помеха.

- Сюда их! Живо! – приказал Хольцер и проигнорировал вопросительный взгляд Гриммера: быстрее приказа Великого Красного Инквизитора следовало выполнять лишь приказ мудрых Старцев и уже тем более – Первостарейшины.

Спецназовцы прикладами и пинками втолкали арестованных в подвал. Хольцер сразу взял быка за рога:

- Если через тридцать секунд я не буду знать, что это за дрянь, сучка умрёт.

Карт-бланш позволял практически всё. Самый старший экстремист, если и не знал этого, почувствовал серьёзность намерений Красного Инквизитора.

- Это – кротовая нора. Точнее – то, что от неё осталось. Я пришёл по ней из другого мира.

- Зачем? – написать донос на отца мог любой, кто был с ним знаком: именно так воспитывали строителей Коммунизма. Тотальная слежка даже за самим собой.

- Ваш Первостарейшина уничтожит не только этот мир.

- Я спросил «зачем»? – отец не мог прятаться вечно. Однако Хольцер отказывался верить в то, что тайна, оберегаемая пуще зеницы ока, наконец раскрылась.

Пистолет Хольцера заставил арестованного смертельно побледнеть: успел понять, что в Корпусе мира слово не расходится с делом.

- Чтобы остановить Первостарейшину.

Шизофренический бред или ужасная правда – Хольцера не волновало совершенно. Тюрьма убьёт отца. Скажется и возраст, и здоровье, и длительный стресс, и шок.

- Кто приказал? – воспользовался паузой Гриммер.

Самым чудовищным являлось то, что за отцом отправляли сына. Единственного. Выжившего при очень тяжёлых родах ценой смерти матери. Хольцер не представлял, как посмотрит в глаза отцу. Тому стоило колоссальных усилий принять выбор сына. И то, что Красный Инквизитор, как мог, помогал отцу и всячески старался оберегать его, не могло полностью оплатить…

Смирение? Или всё же разочарование?

- Имя ничего вам не даст, - отозвался арестованный. – Кротовая нора срабатывает только один раз. И лишь в одну сторону.

Даже от фамилии отца Хольцер трусливо отказался. Убеждал себя, что ради его же собственной безопасности. Вот только совесть такое объяснение не устраивало. Она знала горькую правду: Красный Инквизитор Хольцер стеснялся собственного отца, потому что тот олицетворял собой невежественное, докоммунистическое прошлое, порвать с которым у Хольцера не хватало духу. И Красный Инквизитор злился оттого, что у него – даже при максимальном старании – всё же не выходило быть полноценным коммунистом, который родственен только с Великой Идеей.

- Кто приказал? – повторил Гриммер.

Без форы дело достанется другим – глазом не успеешь моргнуть. Потом останется только пенять на собственную нерасторопность. Завидовать чёрной завистью тем, кто сможет возвыситься. И…

…быть готовым самому отправиться в тюрьму. «Vae victims» вполне годилось и для не сумевших доказать свою полезность Красных Инквизиторов. Проигравших никто не любит. В возрождённом СССР – уж тем паче. Коммунизм – это только и единственно победы.

- Имя! – Гриммер ударил арестованного кулаком в грудь, и тот согнулся, не имея возможности ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Роднее отца, ни жалевшего себя ради сына, у Хольцера никого не имелось. Отец компенсировал отсутствие материнской ласки даже не двойной, а тройной любовью и заботой. Мечтал, что сын устроится в жизни лучше, чем он сам. Обманулся в ожиданиях? Возможно – Хольцер не услышал от отца ни одного худого слова. И с другими выбор сына он не обсуждал.

Арестованный, придя в себя, начал делиться деталями, однако Хольцера больше занимало не то, кем он может стать, а то, что предпринять.

Относительно безопасной жизни у отца уже больше не будет: вцепившись, Корпус мира не выпустит жертву. Отец, разумеется, ни словом не обмолвится о родстве даже под пытками. Но долго ли узнать правду?

Порочащие связи не только поставят крест на карьере Хольцера, однако и бросят за решётку его самого. А предателей в Корпусе мира не любят.

- Поехали! – раздражённо распорядился Хольцер.

Уже в служебном автомобиле Хольцер поймал себя на мысли о проверке. Дураку понятно, что проверяли обоих: Гриммера – на способность арестовать оступившегося товарища, Хольцера – на верность Великой Идее и делу Корпуса мира. Не дрогнет ли?

Подобных совпадений не бывает: для ареста одиночного экстремиста хватило бы и одного Красного Инквизитора.

Чем пожертвовать?

Хольцер до последнего надеялся, что никогда не встанет перед жуткой дилеммой. Верил, что отец, ослабленный многочисленными заботами, умрёт раньше, чем до него доберутся коллеги Хольцера?..

Да, пожалуй, что так.

- Как вернёмся, нужно будет взять их главного мудака в оборот, - поделился планами Гриммер. Был ли он в курсе, Хольцер сказать не мог. Мыслители Корпуса мира свой хлеб ели не зря. – А эту падаль я пристрелю при попытке к бегству. Чтоб больше не портил праздника.

При любом раскладе Хольцер терял больше, чем приобретал.

- Сказочник хренов: надо же выдумать такую ерунду – мир без Коммунизма! – фыркнул Гриммер и услышал то, что меньше всего ожидал:

- Извини, гражданин.

Крупнокалиберная пуля, прыснув кровью, вошла точно в сердце и столкнула Гриммера с пассажирского кресла на боковую дверь.

Отца и сына ждали Пустоши, в которые даже Корпус мира не совался.

ПЛОТНИКОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Самара

Родился (1963) в Степном Оренбуржье — городе металлургов Новотроицке. В 1974-79-м жил в поселке гидростроителей Синегорье (Колыма). В 1980-85-м отучился на историка в Куйбышевском госуниверситете. Работая над дипломом, написал исторически первый роман об основании Самары «Степан Бердыш». По его рукописи 23 года спустя — в 2008-м — принят в Союз писателей России. В «перестройку» и «реформы» перебрал массу профессий, пока в 1996-м не «попросили» в журналистику: в 1997-м принят в Союз журналистов России. Преуспел в остро-социальной и криминально-сатирической публицистике. Печатался в десятках российских и зарубежных СМИ («Советская Россия», «АиФ», «КП», «Труд», «Солидарность», «Профсоюзы и экономика», «Патриот», «Время ИКС», «Самарские судьбы», «Народная трибуна», «Волжская заря», «Самарская газета» и др.). Лауреат всероссийских журналистских премий: главный СМИ-конкурс Федерации независимых профсоюзов России, «Слово к народу», «ПЕГАЗ» и др. С начала 2000-х вернулся к активной писательской деятельности: сотрудничество с лит. изданиями «Русское эхо», «Российский писатель», «Наш современник», «Проза», «Литературная газета», «Крещатик», «Гостиный двор», Северо-Муйские огни», «Интеллигент», «Wirdeutsche-ausrussland — Немцы из России»... Участие в авторских сборниках писателей Поволжья, Москвы, Сибири, Болгарии, Германии… Среди изданных книг прозы, худ. публицистики и поэзии: «Ночной кошмар с Николаем Сванидзе» (Москва), «Степан Бердыш» (4 изд.: Самара, Москва), «Московит и язовит» (1, 2 тома, Самара, 2 изд.), «Капель наш часовой. Книга лирики» (Самара, 2 изд.), «Самарские тайны Российского кино» (Ульяновск), «Билеты встреч и разлук» (Барнаул), «В плену у Воланда, или сны Маргариты», Магия художника книги» (ряд интернет-сайтов)… С 2015 года ведет авторскую рубрику «Словомер» на центральном сайте Союза писателей России «Российский писатель». Победитель всероссийских, международных и межрегиональных литературно-художественных конкурсов: «Литературный Факел», «Русское эхо», «Российский писатель», «Конкурс Нефетегазстройпрофсоюза РФ» (трижды), «Немцы из России» (Германия), «Имени Гарина-Михайловского», «Имени Эдуарда Кондратова». Лауреат акции «Мужчина городского округа Самара-2015. Номинация Мужчина-профессионал». Автор сценариев к документальной серии «Города Самарской губернии» (2012, в т.ч. о Сызрани), художественным фильмам, в т.ч. «Трасса судьбы»…

САМАЯ КОРОТКАЯ ДРАМА

— Не.....

— …НАДО!!! — чижик заморил червяка.

2002 год

Не дарите плачущим девушкам слонят

«...Бред какой-то. А как здорово всё начиналось. Но надо спешить. Оно, Они вот-вот придут. Хочу успеть записать. Сознание мреет. Дадут ли Они время? Не знаю... Вот начало...

Начало обычной курортной новеллы. Приехал сюда в отпуск. Что делает время! Лет 30 назад я уже бывал в этом санатории с женой и пятилетней дочкой — бедной девочкой, угасшей в тот же далёкий месяц, всецело принадлежавший нам троим...

Ах, время. Что-то чудится щемяще родное во всём — корпусах, аллеях, беседках. А дальше всё смазано пудрой десятилетий. Странно — я снова тут. А моих давно нету...

В первый же день «клёв» был удачным. Во всяком случае, все прохожие оглядывались на колоритную парочку. Жгучая брюнетка сдобных форм, туалет сведён до минимума. А сбоку примитивный блондин из породы дворовых кобелей. Половая эпопея близилась к банальной развязке. Пляжная нимфетка помаленьку начала забирать инициативу. И вдруг, пустив неорганические слезы, напомнила о разнице в возрасте, а главное... Она, понимаете ли, хны-хны, невинна. Но все считают её кокоткой. Эта раздвоенность — образ и натура — угнетает бедняжку. «Я ведь Чехова люблю, Жорж Санд, — всхлипнула она и, лихо обличив мужское притворство, философски резюмировала, — знаю я вас, все вы такие».

Пришлось для успокоения прибегнуть к... игрушке. Рука нырнула в карман, нащупав гладкий предмет. Момент, и из шорт (чем не парадокс?) возник слон. Точнее слонёнок, декоративный брелок, смолоду мыкающийся со мной. Я угадал: её глазки разгорелись, точно это был изыск, по меньшей мере, от Фаберже. Пухлые губки развернулись розовой ракушечкой. «Это мне?» — «Ну, конечно». — «Честно-пречестно, мне?» — «Ну, конечно, тебе, глупышка». Не веря невесть, какому счастью, она потянулась к слонёнку обеими ручками. Кого ты охаживал? Мои пальцы со слоником медленно размыкались над её ладошками. И их свело судорогой. От спины девушки отделилась женская фигура. Из ничего. Такая рослая, худая женщина лет тридцати, вся в чёрном. В чёрной же шляпе. Фасон немодный... настолько забытый, что лишь теперь затеребил клавиши памяти.

Резкой тенью женщина рассекла пустоту между нашими телами. Ни шелеста, ни дыханья, ни воздушного порыва. Проскок был столь реактивен, что я не успел, как следует, рассмотреть лица. Но даже сейчас меня неотступно преследуют глаза. Огромные, скорбные, пустые — на облачном лице. Прочего разглядеть не удалось. И всё-таки в их выражении мелькнуло до смертной тоски знакомое. В миг стыковки с нею, в мой локоть впился незримый сноп электричества. Вместо того чтобы упасть в ладонь плаксы, слонёнок, сделал с ума сводящую дугу и... плюх! Мы же стояли на мостике, который с трудом вмещал двоих. По законам природы

ничто не должно было просочиться между нами. Разве что сквозь нас! А потом — ссора, истерика и расставание.

Я долго не мог уснуть. Душу терзал не уходящий образ чёрной женщины. Гнетущий печалью и укоризной взор. Ежеминутно возвращающееся, как при бесконечном повторе кинокадра, видение, переходящее в кошмар. Она продвигалась как бы через меня, всякий раз норовя ударить в лицо животом, но в миг прикосновения растворялась. А я тщетно пытался заслониться, отмахнуться. Где там? Только зажмурюсь, отпряну... и вот уже идёт, близится. Строго из одного места, без малейшего отклонения. И тягостнее всего — попытки разглядеть её лицо, сорвав накидку мрака и рассеяв ретушь теней. Эти навязчивые потуги рассмотреть и вспомнить заслонили всё, сводя с ума.

Проснулся в полдень…

Уже вечерело, когда доплёлся до летнего кафе. Грусть приглушил хорошей рюмкой коньяка. Не закусывая. Чем слегка задел официантку. Поняв это, когда подобрел, щедро приплатил и даже заказал модную музыку. А час спустя у официантки не было клиента почтительней меня. Входя в раж, требовал уже от нее всё более пикантных пожеланий. Фантазии дамочки хватило заказать... мороженое. Не поэтично, но проблематично. Особенно, учитывая позднее время. Однако пьяное упорство сметает препоны.

Я триумфально протягиваю экс-эскимо. Экс — потому что бывшее, а бывшее, потому что растаяло. Бабёнка тоже растаяла. Её крашеные коготки касались уже мороженого и...

Фантом в чёрном был не столь стремителен. Незнакомка наплывала величаво, грозно и неотклонимо. Из-под широкой шляпы — два немигающих карбункула. Оба жгли меня. Стало понятно: она преследует только меня. И для других, судя по всему, не существует. Кожа её теперь была яркой. Почти чахоточный румянец. Но не это... родинка — прелестная тёмная мушка в правом уголке губ — намертво заякорила мой взор. Будя туманные угадки, подсознание изуверски потешалось над сознанием. Ведь не знал я лица знакомее и милее, чем это. И не могли, не могли долго обманывать меня ни сеточки морщин, ни припухи скул, ни провалы щёк. Я был убеждён, что на свете только одно такое лицо. Было? Или есть?

Ненавидящая, презирающая усмешка исказила губы женщины, обнажая десны с рядом... Боже, нет — как раз никакого ряда зубов ни вверху, ни внизу. Голые и оттого вдвойне пугающие десны украшались двумя парами мелких резцов... А между ними алчуще юлил язык. Он был цвета варёной раковой клешни, но в известковой присыпке. Пиком наваждения был смех. Нежно-язвительный хохоток, которого, убеждён, не

слышал никто, кроме меня. Ибо он возник в недрах моей памяти, моего подсознания.

Всё это длилось не более секунды. Но не для меня. Для меня неумолимая дама вытеснила всё. Колдовская мушка утонула в безобразной складке кривого ухмыла. Сомкнулись и разъехались сиротливые клыки. Мне сделалось дурно. Пальцы разлепились сами — рука чёрной дамы неосязаемо коснулась их. Больше — ничего. Я окаменел. Официантка пыталась вывести меня из ступора, крича: «Мороженое! Где мороженое?»… А мороженое пропало вместе с призраком. Позже официантка обнаружила на своем платье сливочное пятно... В своём номере я очутился ближе к рассвету. Не исключаю, что все выброшенные из сознания часы провёл в бегах от беспощадного привидения в шляпе... с ласково-милой и хищно-глумливой мушкой в уголке рта. И больше всего донимал её смех.

Назавтра. До полудня нагуливал настроение. А, забредши на пляж, уплыл, по обыкновению, дальше других. Вода бодрила. Особое наслаждение доставляло мерное покачивание на спине. Когда мрак подводных глубин где-то внизу. А над тобой одуряюще голубое небо! Так хорошо! А спокойно до чего. Что, если преследующий призрак — лишь игра утомлённого мозга, плод воспалённого воображения? И вот, кажется, этот плод перезрел, лопнул и сгнил. И мозг исцелён.

Хрупкая иллюзия самовнушения... Тревога снова ковыряет вострепетавшее сердце. Что, что? Чёрт побери, что? Рядом счастливые люди. Я нежусь в чистой воде. Ясность, красота вокруг.

Рядом пронёсся катер. Расширяющимся плавником набегает волна. С детства обожаю нырять в зыбкие мурашки вод. Я неспешно переворачиваюсь на живот. К берегу ползёт первая волна, она самая классная и вальяжная. Навстречу ей с воплями восторга устремляются дети. А я впереди всех... Всё ближе и ближе: я к ней, она ко мне.

На гребешке проклюнулись (КОГДА, ЧЁРТ ПОБЕРИ, ОНИ УСПЕЛИ ТАМ ПРОКЛЮНУТЬСЯ?) очертания... Я знал, что там ничего нет и БЫТЬ НЕ МОЖЕТ! Но я уже отвернулся от Той, к которой спешили дети. Лихорадочными саженцами я пытался спастись от накатывающей пенистой гряды. И не выдержал, оглянулся. Волна тотчас настигла, и на взмыленном её гребешке — ныряющим, чёрным, пиратским бригом — женская шляпка. Вот нависла надо мной широкой полою. А следом... Нет! Мой вопль всполошил весь пляж.

Отчёт своим поступкам я начал отдавать лишь, обнаружив по правую руку красивую девушку. Редкая девушка: и хорошая, и умная. На знакомство с такою можно навязаться, пожалуй, лишь в состоянии аффекта.

…Бредовые часы неслись, а, может быть, ползли. А мы оставались внутри белёной беседки. Холодало. Клянусь, я наклонился только согреть её...

Чёрное существо не дремало. Девушка в ужасе уставилась на моё лицо. Что она там увидела? Я мог только догадываться, но точно знал, что в скошенных глазах спутника ей предстала мгла страха перед кем-то, видимым лишь ему. Чёрный призрак надвигался.

Всё просквозило, всё кануло в ноль. Я сижу на лавочке в сумрачной беседке. Нет призрака. Нет девушки. Только я.

Запершись в номере и пугливо озираясь по сторонам, я собираю пожитки. Из зеркала выхватывается отражение бледного ужаса. Моё лицо! Случилось непоправимое! Ты боишься думать о прошлом, заглядывать в будущее и, тем более, проникать в причину своих тревог.

Из трясущихся рук выпало. На пол. Ага, записная книжка, бурый переплёт. Влево выпорхнул пожелтелый квадратик. Нагибаюсь, прищуриваюсь — фотокарточка. На оборотной стороне химическим карандашом: «Навеки вместе. Санаторий Чкал...»

Гложущее предвестие смутной догадки. Зажмурясь, переворачиваю снимок. Открыть глаза решаюсь не сразу. Но решаюсь.

Да, это она… И они — перильца белой беседки. Той самой. Три человека на фоне Волги. Один большой, блондин. Это я. Слева смеющаяся девушка. В уголках её глаз различима грусть. Жена. Третий человечек левой рукой обнимает шею папы. Дочка. Между её пальчиками — палочка с надкушенным мороженым.

Как кинжалом вспорото, пульсирует нутро черепа, чтобы миг спустя умереть.

Из самой мутной, потаённой глуби выпучивается прошедшее. Да-да, белая беседка. И дочка. Она болеет ангиной. А ещё несусветная жара. Спасаясь от которой, мы с женой даже перед фотообъективом не удержались от мороженого. Дочь, конечно, обзавидовалась: «Папотька, я тозе хотю молёзено». — «Доча, тебе же нельзя». — «Низя? Совсем-плисовсем? Дазе лизнуть?». Как тут устоишь: — «Хорошо, лизни. И больше не проси. Договорились?» – радостное «угу». К несчастью, лизок был не один... «Папа, а ты тозе больсе не покупай». — «Ну что ты: ни за что и никогда». — «Плавда?» — «Да». — «А поклянись и обесяй никакой длугой девотьке не покупать». — «Клянусь, что я никогда не буду есть без тебя мороженое. Ещё клянусь: никогда и никому не покупать его, кроме тебя и мамы».

Догадка раздулась в кошмарный волдырь. Приближаю карточку к предательски слезящимся глазам. Ротик больной девочки искривлён. И вот

же она — в правом уголке губ — незабываемая, единственная, ни с чем несравнимая нежная точечка.

Тускнеющий взгляд спускается ниже. Туда, за её опущенной правой ручкой. Лучше б ты глянул в ад! Из пальчиков дитя торчит головка зверя, которого не перепутать ни с кем. Слонёнок с загнутым хоботком!

Так вот, значит, кем была Женщина непонятного возраста с румянцем на лице. Такой же точно румянец сменил мертвенную бледность нашей дочки через несколько часов после того, как она доела Моё мороженое. Румянец — предвестник смерти.

Так ты Дочь моя, умершая здесь 30 лет назад?!

И ты явилась клятвопреступнику такой, какой должна бы стать теперь, откажись я тогда от проклятого мёрзло-лакомого искуса. И у тебя всего четыре зуба — в ту пору у крошки выпали молочные.

А известь на языке — белый налёт смертельной хвори. И только чёрная мушка у губ осталась прежней...

Пишу под погребальный марш колёс. Сгущается темень. Сгущается жуть. Знаю – спасения нет. Она придет и приведет на этот раз Мать.

НАВЕКИ ВМЕСТЕ...

Я не хочу навеки. Ужасное слово НАВЕКИ.

Навеки можно оставаться лишь мёрт… Что это?»…

* * *

«Постскриптум. Эту записную книжку проводник поезда «Москва — Самара» нашёл на верхней полке пустого купе. К стеклу откинутой фрамуги прилип снесённый ветром чёрно-белый снимок. Высокий блондин, темноволосая девушка. А между ними – как засвеченный негатив — скорченная фигурка. Её чёрная конечность плотным галстуком отделяет голову мужчины от туловища...

1990 год

Жизнь в строчку

В 192… году ехал тут в купе писатель К-аев. Человек умный, начитанный, но к толпе абы как расположенный. Тем жальче его мне стало, когда вломилась к бедному, мягко выразимся, делегация очень юных и крайне красных агитаторов из «общих» и «плацкарты». Писучие провинциалы, подловленные по одиночке, теперь они все скопом пробирались в первую столицу. А зачем? На, не скажу дословно, но вроде какой-то пролеткультовский слёт. Коль формулирую не точно, извиняйте. Суть в ином. К той поросли горланов-главарей прилепился и классик. Будущий.

Само собой, ни сам он, ни другой кто тогда и не догадывался, какой он великий станет после. По пути в Москву классик никак себя не проявил. Хотя нет, в к-аевском купе парень коньяку на халяву ухрюкался… А ухрюкавшись, давай тушить папироски о бортик стола, о стёкла, о стаканы… Окурок, где опал, там коврик и прожёг. К-аев бы и рад вшей взашей, да токмо порядки-то революционные, сердитые. Они, знаешь ли, не позволя́т трудовым элементам хвосты крутить. А тут ещё, потом то бишь — на слёте, всем разъяснили, что молодой сей агитатор не какая-то помойка, а «верный классовый кадр литературы освобождённого труда». Вот и выходит, что К-аев на своё же счастье укорот дал буржуйскому своему чистоплюйству.

Знаю, всё то ныне звучит невнятно, это мне, старому, понятно всякое, — и то, что важно, тоже. А в хронике моей важно то, что оставил я этого грядущего классика на ночву у К-аева, где он возьми и наблюй в зазор меж диваном и стенкой… Вот и все от него следы в вагонной истории: жжёные и вонючие. Звали юное дарование Костик…

* * *

В день 90-летия Кисте́ня Кобызя́ка стал классиком. Классиком законным. Незаконным он пребывал всю сознательную жизнь. И мало кто знал, почему. Хотя нет, кто-то вспомнил, как смолоду Кистеня — тогда ещё просто Костя — взялся на спор за великую книгу. Замысел свой он выразил радикально: «В день по строчке». Правда, много позже человечество перекроило его на: «Ни дня без строчки».

Но, так или иначе, почти весь XX век чернильный цех страны знал или хотя бы слышал, что Кистеня Фермопилович пишет. По строчке ли в день, не по строчке ли, но точно пишет. Что-то.

Что?

То!

Вот так, плюя на годы и невзгоды, Кистеня писал, писал и писал. А время пришло, и обо всём этом позабыли. Однако это время тоже прошло, беспамятство велели отменить и о позабытом — вспомнить. А, вспомнив, взялись научно изучать. Изучение и показало, что…

Никто не помнит, как, но кое-кто слышал, что о задумке своей красный агитатор Кистеня Кобызяка объявил утром, не похмелясь, в день своего двадцатилетия, чем зараз выделил дискантирующий свой зык из безъязыкой какофонии трибунов Пролеткульта. С вечера был пьяный зык, а утром — уже Язык. Диалектика.

Зык заметили. Первыми — классики соцреализма. Они и вострубили. Глас подхватили сочувствующие радикальные авангардисты, а уже через них вполуха, под виски с джином — и «потерянное поколение». Те уже

мировой мажор раздули. Ну, а где такие всхлипы, там без всякой команды вдруг, откуда ни возьмись, выстраивается рота штатных кистеневедов. Опять же диалектика.

Кистеню заметили, и ещё как!

«Но за что?» — зело терзало незамеченных. На что сам Кистеня тряс скаткой рецензий, аннотаций, риторически упирая на недюжинность замысла и необычность заявки. И был прав: писали, наверное, все и, скорее всего, ежедневно, а запатентовать это дело догадался только один.

Он!

* * *

Мир узнал Кистеню. Кистеня увидел мир. О том, как мир опознавал К.Ф. Кобызяку, свидетельствуют обои его рабочего кабинета в Переделкино, преизобильно уклеенные фотографиями, где наш герой: «с А. Безыменским, Д. Бедным, Ем. Ярославским и Дан. Андреевым играет в домино», «с Буниным, Фадеевым, Борхесом и Гайдаром охотится на марципана близ вулкана Гекла», «с Казандзакисом, Нерудой и Хомейни обменивается мыльными пузырями в Ватикане по случаю запуска пасхального дирижабля «Джордано Бруно»», «с Бажовым, Джамбулом, Сейфуллиной и Сельмой Лагерлёф грызёт кедровые семечки из Малахитовой шкатулки при закладке целинного полустанка»…

При всем известных писательских слабостях Кистеня имел и довольно сильный плюс: при любых обстоятельствах он оставался верен своему зароку. Во всяком случае, наутро, по озвучании великого почина, он буднично вписал первую строку в будущий бестселлер, вернее: в бестселлер будущего, поскольку современники тотчас усекли, что открыть великий фолиант суждено лишь тем редким счастливцам, кто переживёт маэстро. Маэстро, между тем, на здоровье не жаловался и свято блюл неоткрываемость шедевра. За 70 лет ни слова, ни полслова, ни четверти намёка насчёт продукта своей бурной и содержательной жизнедеятельности.

Говорят, за написанием первых кобызякинских клякс следил сам Корней Иванович Чуковский. Теперь этого уже никому не подтвердить, отчего потомкам ничего не остаётся, как довериться литературным хрестоматиям. А по ним без малого лет 70 кочевала картинка. Корней Иванович всплёскивает руками над умывальником, Кистеня Фермопилович чего-то крапает в тетрадь, а из неё высовывается рыжий и усатый… Вспомнили?

Так зарождался перл и тот редкий случай, когда никто не видел, но всякий знал: это перл. За долгую жизнь творец эпохального полотна побывал в почётных президиумах самых важных съездов, симпозиумов,

конференций и форумов. Любой начинающий писатель почитал за честь великую залучить благословенье патриарха. И горе не удостоенным.

Летели годы, давая всходы, творя и беды, и победы. Унося коллег по РАППовскому литцеху в репрессивные 1930-е…

Кося однополчан по перу в военные 1940-е…

Возя однокупейников из агитбригад в целинные 1950-е…

Тряся колоду клевретов по высоколобию оттепельных ветров в гагаринские 1960-е…

Подвесив его портрет среди икон по лит-бюро в застойные 1970-е…

Понося культ «буревестников» соц-реала в меченые 1980-е…

Всё было в этой жизни у человека, кроме одного — звания классика. Так и проходил. Смолоду — полуклассик, к старости — пол-классика.

Ну, а в 1991 году в книге века была поставлена точка. Точкой стала смерть Кобызяки. «Косая» угадала ровнёхонько на 90-летие. Впрочем, долгожданный миг торжества наступил не сразу.

Когда же он наступил, то сперва издатели, а потом и весь резко съёжившийся читающий мир узнали, что Кистеня Кобызяка не соврал. Он не прожил ни дня без строчки. Строчка в день была его норма, его кредо, его крест. И сестрою классику служила краткость.

* * *

Первая строчка, от 1921 года, была такой: «Проснулся с 8 чч. в тапочках биря маршрут в ваную кабинету».

Вторая строчка приходилась на 8 часов 3 секунды следующего календарного дня: «Умывался и морщился нето спохмела, нето сотражению зеркала».

Без обмана продолжала эпопею и строчка номер 3: «Чисстя зуб как усегда сташнило (клякса) на вид из зеркала и пах».

Верность слову прижизненный полуклассик хранил и 3650 строк спустя — иными словами, через 10 лет, то бишь на 92-й странице опуса: «В обед внимал радиву о засидании партии. Меня не замают! На то выпью».

Ещё через 3650 строчек проклюнули нотки незнамой тревоги: «Балуясь чайком в полдни развлекся сводкой с фронта.

Стала страшно и сладко. У меня броня и сахар», — сообщали строчки за №№ 7391 и 7392 от 1941 года.

* * *

Более свежее словосочетание адресуется 1985-м: «В ужин апеттитно слушал, потому-что вверха закреплен Миша, справный ставрапольский парубок».

И ещё строк через сто: «Теперя после клизьмы крепко жду Ленинки. Обе Государыни пошли в дачу, а тут поди спасай внука за наркоту».

Строчка предпоследней страницы засвидетельствовала скорбь: «Получил Героя соцтруда, Ленинку обратно (клякса) зажали. Гады. Ем плохо».

И так вся книжка. Ни дня без строчки. Каждый божий день — десяток слов. Что закономерно, запись в день следующий продолжалась с той самой минуты или даже секунды, на какой автор закончил запись про день предыдущий. По мнению верных кистеневедов, в этом и заключалась «творческая изюминка, авторская находка» или, как говаривал справный парубок Миша, «ноу-хау»! На что другая часть критиков улюлюкала: это, мол, вам изюм, а людям — тараканы. Что тоже не диво: всяк видит в булке свой начин.

Худо ли, бедно ли, а более чем 25 тысяч предложений сострочили книженцию в 600 страниц с хвостиком, а если крупным шрифтом — то вся тысяча. Таков 70-летний плод комсомольских клятв и ежедневных штудий. Личный подвиг, то есть — подвиг ради личного.

Другое дело, что между строчек куда-то... Исчезла индустриализация… Крякнула коллективизация… Выветрилась война… Просквозила Победа… Канул Космос… Затерялся застой…

* * *

Последние две строчки:

«Грусно (клякса) Горбач не (клякса) позвонил на юбилей поздравить. Телевизер говорит он в Форосе — по Москве танки. А я? ЗАБЫЛИ (клякса)…».

На следующий день про Кобызяку никто не вспомнил. Рукопись его погрузилась в пыль и забуду. Грустно, но типично…

Однако ж, вышло и у этой истории диалектическое продолжение. И заводчиком стал, разумеется, Бобби Гранов — отпрыск Кистенин… Ну, тот, которого народ полвека уж метит Бобиком Драным. Двинув папашиной стезёй, Бобик без малого полвека пускал многостраничные назидательные сопли о созидательной миссии советской интеллигенции.

Потом без малого три пятилетки Бобик в клочья драл культ своего папаши. Но вот очередной вираж со ставкой на социалистических реалистов, — и достойный сын грустно воет о честном имени родителя. Драный Гранов упорно и неустанно переиздает его «патриотическую глыбищу», причём, всякий раз под новым соусом, но неизменно гордо и застенчиво: «Когда строка куёт свободу», «Ни дня без борьбы с сатаной» в 2-х томах, «Державный дневник советского Дон Кихота» в 3-х книжках.

И как ни странно, клюя на очередную обманку, читатель упорно берёт. Снова и снова. То же и то же… И плюётся, плюётся… Последнее

ваяние пахнуло эпикой: «Отцы и дни, или думы о былом». По нему, говорят, мега-сериал затеяли. Каждой строчке — серия. Актёрские династии, рубясь за роли, «свиньёю» строятся. С наследной разблюдовкой для правнуков...

2006 год

Дай руку, Каин

1

Петька пересчитал скомканную заначку. Должно бы хватить на цветы, билет до родины и обратно. А ещё он зарекся: сегодня всё свершится в рамках закона. То есть почти. С хитроватым ухмылом парень вправил уплотнение под рубашкой и шагнул к вокзальной кассе...

Да не обессудь, В.В., что я тебя чуток подставил.

Удрал!

Но будь спок, старик, не подведу. Ты взял меня на выходные, вот завтра и вернусь.

В.В. — то есть Виктор Викторович — так звали воспитателя Ж-ской воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних — Петьку любил. Как и большинство коллег-педагогов. Хотя простым озорством проступок пацана не назовёшь: изувечил одноклассника. Тот кошку замучил с выводком котят.

Петру пришлось в жизни несладко. Рано ушли родители. Брат, устремлённый пропойца, воспитание молоди пустил на самотёк. В итоге, некогда самый гуманный в мире суд постановил: взрослей, Петро, средь мелкотравчатой шантрапы в ВТК.

2

На субботу и воскресенье В.В. выбил любимцу «увольнительную». За примерное поведение. Оправдывая доверие, 15-летний колонист «потерялся» аккурат за воротами «школы уголовного мастерства».

Обозначим для ясности: побег не прельщал Петра. Совсем наоборот, у него был строгий план с точно просчитанным графиком и маршрутом. Спросите, чего ради вся эта затея?

Ну, в общем так: Григорий, беспутный старшой брательник, сподобился-таки официально предложиться в мужья давней своей подруге Вассе. И Пётр сам не ведал: радости в том больше или горя?

Васса — девушка красивая, очень добрая и ещё больше застенчивая. Подлый Гришка вил из неё верёвки, рогатил на каждом углу. Бывало, что и лупил. Шут знает, почему, но Васса все выходки прощала. По бесхарактерности, что ль?

В первый раз Петька заступился за неё ещё до колонии, после чего не раз огрёб тумаков. Теперь же, взрослея за решёткой и обо всём догадываясь, он наливался лютой ненавистью к единокровнику. А как иначе? После нелепой смерти родителей не эта ли чужая, в сущности, девчонка заменила тебе мать, сестру, став другом и поверенным?

В то время как Григорий за весь срок отсидки твоей ни разу не явился на свидание, Васса навещала еженедельно. И всякий раз норовила гостинцем побаловать из той скуди, что закроила от гулливого Гришани.

3

Узнав из письма, что в субботу брат ведёт невесту в ЗАГС, Петька поклялся, что «дорогая Васенька» непременно будет в белой фате и с букетом цветов. Каких, он ещё не ведал, потому как мало разбирался в этой ботанике. Но решил, что гербарий будет белее облаков.

С наивно-горделивым напуском блатного приобщенца Петька всю дорогу жевал «дирол» и многозначительно поправлял мягкий бугорок под рубашкой.

Да, Петро, пыжься, ни пыжься, но коли денег только на транспорт и цветы, без микро-криминала не обойтись...

* * *

Тиканув от В.В., первым делом он завернул в давно облюбованный салон для новобрачных. Вторым делом с манекена совершенно непостижимо для персонала исчезла фата. Нет-нет, Петька не соблазнился воровством. Всего-навсего сгодился урок желторотых «щипачей» из ВТК. Нужда.

...Очень странно. В доме Вассы тишина. Недобро заворочалось слева - под фатой. Уф-уф, прогноз не подтвердился. Открыла сама, улыбнулась, чмокнула в щеку. И как-то так сразу отворотилась. Хе-хе, чтоб на понтах бабского макияжа матерого волчонка провести!? Петру достало косого взгляда, чтоб различить жёлто-запудренный припух под глазом милой Васеньки.

— Г-где этот Г-г... — он не договорил, нижнюю челюсть передёрнуло.

Тик.

— Вечор убыл. У Пчёлкина кабанчика колют.

От нестерпимости пацан стиснул зубы и весь вытек в кулаки.

Как всегда в момент гнева, язык и губы свело до немоты. Сверкнув зрачками, Петро протянул буйный букет белых ромашек и... облако фаты, что выстлалось волшебно из комочка белизны.

Во взгляде мальчишки было столько непреклонности, что она лишь молча приняла подарки. В уголках девичьих «аквамаринов» бликануло торжества!

Парнишку смыло со двора, а минут через десять у порога бухтел подозрительно знакомый «уазик».

— С-си...д-дай! — рявкнул Пётр. — В... в фф…фа-ате!

Васса запеленговала неясную тревогу, но ослушаться не посмела...

4

Три вечных ландыря Грицко, Пчёлкин и некто Рыжик вторые уже сутки справляли убой кабанчика Федотки. Дворовую столешницу «забивуачили» литровки хлористо-мутной сивухи. Виновник торжества свежепованивал рядом.

Когда калитка распахнулась, осовелые зенки расквашенной троицы уткнулись в бабу. В фате с белым букетом, чем те не ходячая покойница?

Нескоро, но Гришка первым дотумкал, кто подле. А поняв, с омразительным дребезгом заржал. Однако ж и осекся, когда дверной проём застолбила нескладная фигура. Не без усилий в 180 сантиметрах мослов узнавался Петька.

— Бра-бра-ту-ха! — с деланой отрадой вскричал алкаш, слегка помялся, накапал стакан самогонки и робко подвигнул к краю стола. — Откушай за избавленьице, братанёныш!

— Я т-те-б-бе гр-р-рил, что клешню вырву, коли хот-тя р-раз на Вассу зам-ма-ахнёшься?! – сурово продрожал надтреснутый, но запевный полубасок.

Гришаня и опомниться не успел, как выдранный из окорока нож, вдребезги расфонтанив стакан, пригвоздил его ладонь к столу. У Рыжика и Пчёлкина скосило ряшки. Но и им не привелось отнять потных пальцев от стопок. Петро услал ударников скотозабоя с пустыми «аршинами»в нокаут.

Безудержный хрячий рёв пришпиленного Гришки слился с рыком подрулившего мотоцикла. К «свадебному столу» пожаловали участковый и возбухающий председатель, чей личный «джип маде ин советик» увели прямо из-под окон сельсовета.

Петро не сопротивлялся.

С тех пор он исполнен презренья к миру взрослых и нем, как сом.

1997 год

КОВАЛЬКОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ
Ярославль

Родился в 1962 году под Ярославлем, в деревне Красная Горка. Окончив в 1990 году Ярославский политехнический институт по специальности «инженер-конструктор двигателей внутреннего сгорания», работал инженером-технологом, а затем связал свою жизнь с провинциальной журналистикой. В 90-е годы XX века и в новом столетии работал корреспондентом и главным редактором заводской газеты, редактором заводского радио, корреспондентом и заведующим отделом ярославской областной газеты «Губернские вести», корреспондентом областного телеканала «Центр-ТВ» и руководителем редакции информационных программ ВГТРК «Ярославия». В 2001-2017 гг. заведовал отделом социально-экономической жизни областной газеты «Золотое кольцо», был главным редактором областной газеты «Ярославская неделя», заместителем главного редактора областной газеты «Северный край Ярославский регион». В 2017 году занимал должность пресс-секретаря Музея истории города Ярославля. С 2018 года и по настоящее время – главный редактор областной газеты «Караван-РОС». Первые поэтические публикации Вячеслава Ковалькова появились в середине 80-х годов на страницах многотиражной газеты. В 1999 году в Ярославле был опубликован его первый поэтический сборник «Барышне в альбом». В 2010 году там же увидела свет вторая книга стихотворений — «По волне моей». В 2016 году в Ярославле была опубликована первая книга прозы В.А. Ковалькова «Век серебряный, столп медный». В 2017 году он был принят в Союз писателей России, около года возглавлял ярославское областное отделение этой общественной организации. В мае 2019 года добровольно вышел из СПР. В июне 2019 года вступил в Литературное сообщество писателей России. 14 июня 2019 года назначен директором ЯРО ЛСПР. Член Союза журналистов России с 1995 года; член совета Ярославского областного отделения СЖР.

ПЛЯЖНЫЙ СОПРОМАТ

Если бы не штанга

Саня как-то неловко вышел из палаты. Вид его был ужасен. Черные с бордовым круги вокруг глаз, забитые кровью белки. Лицо в ушибах и ссадинах, свалявшиеся в комки волосы. Саню ударили сзади какие-то подонки. Наверно, хотели поживиться. Что можно было взять у советского студента с брагинской пропиской в начале 1980-х? Разве что рубль с мелочью. Но тогда и за кружку пива могли пырнуть у ларька. Кружка стоила 22 копейки.

Саня выжил, оставил учебу. Он еще долго не мог читать, буквы плыли перед глазами. Перелом основания черепа – травма очень серьезная, в большинстве случаев смертельная. Выхаживала Сашу мама. И без того не отличавшийся крепостью телосложения, он стал субтильным с виду. Товарищи учились, женились, а он как-то надолго исчез из поля зрения.

Через десять лет на местных учениях спасателей дюжий водолаз держал в одной руке катер за борт, в другой – акваланги. Тельняшка трещала на его груди, когда он вытаскивал за шиворот из воды учебный манекен. Я едва узнал его. Саня! Вот этот монстр, брызжущий силой, и есть тот самый паренек, которого чуть не угробила брагинская шпана?

Он тоже меня узнал. Успел крикнуть на ходу: мол, приходи на спасалку, качнемся. Я с детства помнил, что штанга на станции есть. События прошлого, настоящего и даже дня грядущего сошлись, как на параде планет.

Явление «качка» народу

Вся Которосль смотрела в его сторону. Он заходил в воду, и река расступалась перед ним. Волны натыкались на его гранитный торс и разбивались вдребезги. Мелкие осколки летели в разные стороны, и под солнечным светом их веер давал радугу. Точно такой же радугой подпоясывались атланты Эллады, когда жребий падал выйти на ристалище.

Он возвращался, и река водопадом скатывалась с плеч. Его тяжелый шаг глубоко продавливал песок. При его приближении женщины начинали нервно поправлять купальники, пересыпая нарочито громкую беседу истерическим смехом. Мужики втягивали животы, пытались расправить плечи.

Юный и тощий, я смотрел на героя пляжа во все глаза. Я готов был поверить, что его завезли с другой планеты, что он сделан из иного материала. Мышцы валунами перекатывались под его бронзовой кожей. Парень подошел к турнику и без труда достал до перекладины. Его словно подняло в воздух. Он широко ухватился за трубу у самых столбов и пару раз подтянулся за голову. Перекладина крепко приложилась к его лопаткам.

Надуй хоть сантиметр

Позже один из их когорты, Владимир Дорофеев, после моего рассказа предположил, что это мог быть некто Поленицын. Сейчас уже трудно проверить. Они были первыми ярославскими «качками». Как стиляги в музыке, так они в спорте со своим увлечением культуризмом. Их клеймили в СССР не менее хлестко. Мол, что за показуха! Сплошное самолюбование, нарциссизм какой-то. Их мышцы обзывали «дутыми». Попробовал бы какой идеолог «надуть» себе хоть сантиметр в объеме бицепса. Задача даже для продвинутых атлетов весьма и весьма трудоемкая. А товарищи хулители имели успех лишь в расширении талии. Силу за культуристами признал еще наш легендарный штангист Юрий Власов. Это к вопросу о сомнительности.

Пляж, женский экстаз, накаченный торс навсегда соединились в юной голове, и даже теперь разлепить их не представляется возможным. Даже теперь, когда эти понятия давно освоены – каждое по отдельности. Подспудно они подпитывают друг друга и перегоняют адреналин из края в край своей прописки в моем миропонимании.

Мечта стать шкафом

И еще спасалка. Спасательная станция. Там обитали тренированные парни. В память врезались их образы. Мы проплываем на лодке мимо острова и станции, где прямо на свежем воздухе крепкие ребята ложатся под штангу и делают жим лежа. Или наверху дебаркадера загорелый атлет тянет резиновый жгут, перекинув его через перила.

Человек, отягощенный мышечной массой, в 1970-х на центральном пляже в Ярославле был центром вселенной. Это потом появился Шварцнеггер, видео с бодибилдерами и «качки» пошли пачками. Позже заговорили об анаболиках и их вреде здоровью. Зубоскалы тогда же придумали анекдот, как встречаются две подруги:

- Вчера с культуристом ночь провела…
- Ну и как?
- Такое впечатление, что тебя придавил трехстворчатый шкаф и него выпал ма-а-аленький такой ключик.

Это в начале 2000-х умрет сначала Рэй, а через день Майк Ментцер. Два ярких культуриста 1970-х. Не обошлось без последствий приема анаболиков в годы триумфа. Майк прославил себя еще как теоретик построения мышечной массы колоссальных объемов. Тогда они блистали на подиуме и завоевывали высшие титулы престижных конкурсов по бодибилдингу. Честолюбивая молодежь в советской стране смотрела с благоговением на переснятые фото из журналов со своими кумирами и утомляла себя самодельными штангами в подвалах.

Нашенский голд джим

На центральной спасательной станции Ярославля имелась штанга со стойками, была скамейка для жима лежа. Да еще разнокалиберный набор железа. Пара гантелей, три гири. Позже даже блоки соорудили под потолком, повесили боксерский мешок. Бокс в Ярославле всегда высоко котировался. «Кто не курит и не пьет, тот не дышит и не бьет!» Выпивали, не без этого. Здоровья по молодости было вагон, и казалось, что всё сгорит в огне атлетизма. Время внесло поправки.

Станция жила напряженной жизнью атлетического центра. Ее, ветхую старушку, можно обозвать первым открытым ярославским клубом по

культуризму. Потому что все остальные точки возникали и закрывались и почти все находились на нелегальном положении.

Даже в этих жестких условиях подпольщии умудрялись построить себе такие фигуры, каким позавидовали бы в Калифорнии завсегдатаи атлетической конюшни, как это у них называют, Вайдера. В таком произношении («ай», а не «эй») было на слуху имя известного популяризатора и методиста в то время, когда оно здесь в официальных кругах не звучало вообще.

Ключ без права передачи

Наши тоже химичили, куда деваться. С подростковой поры вместе с пушкинскими строчками «мой дядя самых честных правил» в голове засела качковская присказка, «чтобы быть как Аполлон, грудь иметь и талию, ешь матан-дростиналон с оротатом калия». И еще как ели.
На заметку острякам: «ключик» не падал вообще, и после первой серии приема таблеток по методу пирамиды уменьшительно-ласкательный суффикс из слова «ключик» можно было смело убирать и решительно писать обозначение с большой буквы и с восклицательным знаком на конце. Ключ!

Ярославский «голд джим» (легендарный зал первых чемпионов) нынче в упадке. Железяки притулились в углу учебного класса. Ряды старой гвардии поредели. Иных уж нет, а молодая смена посещает иные качалки, давно уже официально разрешенные, с великолепным оборудованием. Рецепты приема стероидов печатают в глянцевых журналах с лукавой пометкой: мол, не рекомендуется. И никого это не коробит. Качки-натуралы вроде Скип ля-Кура кичатся своими «чисто приобретенными» мышцами и при этом горстями поедеают химию. Что не запрещено, то разрешено. Дело живет.

Не качем единым

Водолаз Сергей Стрюков с центральной спасательной станции – один из тех, кто предан железу по гроб жизни. Ему уже полтинник. Жмет 115 килограммов четыре раза. Наверняка, может и больше. Столько «блинов» на станции нет. Собирает всё, что можно на гриф повесить, и жмет. Кто считает, что этого мало, пусть поднимет разом два мешка и сетку картошки. С бодуна, на разогревшись, лучше не пробовать.

Сергей из спортсменов, бывший легкоатлет. Штанга для него – снаряд хоть и жизненно необходимый, но вспомогательный. Кач нужен для дела.
На досуге Сергей продолжает путешествовать по воде. Вроде Федора Конюхова. Обходится совершенно минимальными средствами, с которыми

не всякий бы мореплаватель и Которосль переплыл. А Сеня, так ласково его зовут свои, на веслах ходил на Соловки.

Поразивший викингов

Тринадцать часов греб по Белому морю против волны и ветра. Ели бы бросил весла, снесло бы в океан к чертовой матери. Тогда ищи-свищи. Ведь ни рации, ни спутниковой связи. Карты элементарной не было. Греб, как помор, по нюху. Вот где штанга пригодилась. Те тренировки до упаду, когда железо валится из рук. Когда выжимаешь себя до последней капли, а к новой тренировке тело рвет на части от избытка сил.
И конечно, в основе – характер. Упорство не заменят никакие анаболики. Оно выковывается в тяжелом сопротивлении металлу. Это могла дать только штанга. Без нее хана бы Сене.

На Валааме, шатаясь, вышел на берег. Местные очумели.

- Откуда?

- Из Ярославля.

- Иди ты…

И Сеня пошел. К местной кухне ресторанного типа, чтобы поправить здоровье и калорий в организм подкинуть. И еще чего-нибудь по поводу успешного достижения цели.

Там сидели какие-то туристы из Норвегии. Викинги, значит, в тринадцатом колене. Потомки Эрика Рыжего Отважного, достигавшего американский берег задолго до Колумба. Слово за слово, товарищам с Кольского полуострова перевели, откуда родом мореход, обветренный, как скалы. Норвежцы уважительно загудели. А когда узнали, как он добрался до северных земель, то загудели на всю ночь. Оценило Сеню Эриково племя.

Скорее весла согнутся

Сегодня Сергей готовится к новому походу. Лодка уже стоит на пляже у станции. Это особая посудина. От прогулочной отличается, как гоночный автомобиль от тачки с конвейера. На носу специальный кок, закрывающий от высокой волны, лодка проклеена особым способом, конструкция ее усилена дополнительными элементами, для несведущего даже незаметными.

Я осматриваю весла. Ничего особенного. И все-таки набегает гордость от приобщения к подвигу. Вот на этих веслах Стрюков пойдет в даль светлую. К тому же для нашего человека образ девушки с веслом близок с детства. Как она там стояла, из гипса вся, с крутым бедром и не менее крутым веслом.

Эти весла – дюралевые. Изделия стандартные, на испытания не рассчитанные. Поэтому, говорит Сергей, надо с ними поработать. По индивидуальному, естественно, плану.

В походе всё должно быть в исправности. В том числе и физические кондиции самого путешественника. И тут опять рецепт один – только штанга. Сергей делает характерный маховый жест предплечьем, сгибая в локте сжатую в кулак правую руку. Мол, подкачаемся, успеем еще.

Если при этом руку задрать повыше, да перехватить на сгибе левой ладонью, то будет примерно так: «Вот хрен вам всем!» Имея в виду передряги и жизненные коллизии.

Начальству парад подавай

Недавно новый начальник из МЧС пришел на экскурсию к водолазам. Осмотрелся, что тут к чему. Человека, привыкшего к снабжению по каталогу, трудно удивить. Ему космические скафандры подавай. А тут видавший виды резиновый костюм подводника.

Стрюков подгоняет его под свой размер. Говорит, на человека он надевается не так споро, как прочие резиновые изделия. Ну, да когда дело доходит до одевки, там уже спешить некуда. Или вот акваланги, обтершие Которосль от Стрелки до верховья. Сколько утопленников водолазы достали с их помощью – и не сосчитаешь.

Катер тоже обычный, без всякой там резиновой подушки. Штанга с рыжими подпалинами ржавчины.

Новый начальник тогда фыркнул и пошел прочь. Невдомек ему, что всё это работает.

Да еще как, с отдачей на все сто! Каждый квадратный сантиметр станции окупил себя с лихвой и продолжает приносить пользу. А если бы большой человек дал команду инвентарь обновить – эх, и зажили бы водолазы! Глядишь, и физподготовке отвалилось бы.

Появился бы на спасалке пусть не «Хаммер», тренажер весьма продвинутый в эксплуатации и по цене, так хотя бы приличный набор отягощений, чтобы с обрезиненными дисками, крепкой скамейкой и прочными стойками. Ожил бы легендарный зал, некоронованный зачинатель местного культуризма. Ведь новый снаряд всегда дает дополнительный импульс тренировке.

Адреналиновый коктейль

Кстати, насчет нового. Поборники штанги всегда его приветствовали. Ученые объясняют этот феномен живого любопытства с физиологических позиций. Дескать, в кровь впрыскивается неимоверное количество

адреналина и еще больше гормонов мужского характера. Вся эта гремучая смесь действует на мужика настолько бодрящим образом, что он начинает смотреть на мир иными глазами. Не то чтобы с фонтанирующим оптимизмом идиота, но, по крайней мере, в состоянии повышенного тонуса.

Сила в кайф

Снова лето на подходе. Придется по случаю снять штаны и майку и пройтись по песочку вдоль берега от белокаменных стен и до спасалки. Не всё потеряно, как взглянешь. На турнике выгибается новый богатырь. Играя бицепсами, молодежь пьет минералку. Сила в радость, никакого пива не надо. Поди, всю зиму качались где-нибудь в «Атланте», набирали массу. К пляжному сезону наводили рельеф.

На станции уже другие ребята опять вынесут штангу со стойками на свежий воздух. Ею заинтересуется угловатый пацан, наблюдая, как крепкий дядька выбрасывает ее в воздух. А путешественник из местных в это время будет махать веслами по направлению к своему морю.

Электронный литературно-художественный альманах прозы и поэзии

e – mail: ag.mishenkov@gmail.com

Новый Российский писатель

№ 3/2023

Выходит с ноября 2022 года

КОРРЕКТУРА, ВЁРСТКА:
Александр Мишенков

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:
фото ансамбля «Русская берёзка»

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

121069, Москва, Поварская, 52/55, стр.1, офис 32.
Тел./факс (495) 691-03-45